

**PAUL WATZLAWICK,
JANET HELMICK BEAVIN,
DON D. JACKSON**

ПОЛ ВАЦЛАВИК, ДЖЕНЕТ БИВИН, ДОН ДЖЕКСОН

Study of Interactional **Patterns**, Pathologies, and Paradoxes

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

London: Faber and Faber

Санкт-Петербург

2000

ББК 88.4

Перевод И. Леидон, П. Румянцева Художник Я. Борозенец

Пол Вацлавик, Дженет Бивин, Дон Джексон

Психология межличностных коммуникаций: Пер. с англ.
— СПб.: «Речь», 2000. ISBN 5-9268-0024-2

Теория коммуникации П. Вацлавика и его коллег оказала значительное влияние на развитие психологии и психотерапии во всем мире, В данной работе обсуждается

ряд ключевых принципов этой теории: системный анализ коммуникации, аксиомы коммуникации и коммуникативные коды, коммуникативные и психотерапевтические парадоксы.

©ООО Издательство «Речь», 2000. © И. Авидон, П. Румянцева,

перевод, 2000.

©П. Борозенец, оформление, 2000. ISBN 5-9268-0024-2

©Гуманитарная академия, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. И

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

1.1 Введение. 18

1.2 Понятие о функции и взаимоотношениях. 23

1.3 Информация и обратная связь. 30

1.4 Избыточность. 35

1.5 Метакоммуникация и понятие исчисления. 44

1.6 Заключение. 48

1.61 Концепция черного ящика. 48

1.62 Сознательное и бессознательное. 50

1.63 Настоящее и прошлое. 50

1.64 Следствие и причина. 51

1.65 Кругообразность паттернов коммуникации. 52

1.66 Относительность «нормального» и «аномального»

53

ГЛАВА 2. АКСИОМЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

2.1 Вступление. 56

2.2 Невозможность отсутствия коммуникации. 56

2.21 Все поведение – это коммуникация. 56

2.22 Элементы коммуникации (сообщение, взаимодействие, паттерн). 58

2.23 Попытка шизофреника не вступать в коммуникацию . 59

2.24 Определение аксиомы. 60

2.3 Коммуникация: уровень содержания и уровень отно-

шения. 60

2.31 «Описательный» и «побудительный» аспекты. 60

Оглавление

2.32 Данные и инструкции в работе компьютера. 61

2.33 Коммуникация и метакоммуникация. 62

2.34 Определение аксиомы. •. 63

2.4 Пунктуация последовательности событий. 64

2.41 Пунктуация и последовательность событий. 64

2.42 Разница в пунктуации и различные «реальности»

66

2.43	Бесконечный знакопеременный ряд Больцано.	69
2.44	Определение аксиомы.....	70
2.5	Цифровая и аналогическая коммуникация.«.	70
2.51	Естественные и искусственные организмы.	70
2.52	Человеческая коммуникация.-.	72
2.53	Уникальное использование человеком обоих типов коммуникации.	74
2.54	Проблема перевода.	76
2.55	Определение аксиомы.·.-	79
2.6	Симметрическое и комплементарное взаимодействие	80
2.61	Шизмогенез.-.	80
2.62	Определение симметричности и комплементарности.	
2.63	Метакомплементарность.	82
2.64	Определение аксиомы.	83
2.7	Заключение.	83
ГЛАВА 3. ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ		
3.1	Введение.·.-···	86
3.2	Невозможность отсутствия коммуникации.	87
3.21	Отрицание коммуникации при шизофрении.	88
3.22	Ее противоположность.	89
3.23	Способы коммуникации.	90
3.231	«Отказ» от коммуникации.	90
3.232	Принятие коммуникации.-.	91
3.233	Препятствование коммуникации.	91
3.234	Симптом как коммуникация.	94
3.3	Уровневая структура коммуникации (содержание и отношение).-	96
3.31	Смещение уровней.·.	97
3.32	Несогласие.«.	
3.33	Определение себя и другого.-.	Ю1
3.331	Подтверждение.	
3.332	Отрицание.-	
3.333	Игнорирование.	104
3.34	Уровни межличностного восприятия.	108
Оглавление		
3.35	Невосприимчивость.	109
3.4	Пунктуация последовательности событий.-.	112
3.41	Разногласия в пунктуации.	113
3.42	Пунктуация и реальность.,,,.	114
3.43	Причина и следствие.	115
3.44	Самоисполняющиеся пророчества.	118
3.5	Ошибки в «переводе» аналогического и цифрового материала.,,,.	119

119	3.51	Неопределенность аналогической коммуникации	
122	3.52	Аналогическая коммуникация и взаимоотношения	
122	3.53	Отсутствие «нет» в аналогической коммуникации	
	3.531	Передача «нет» через отсутствие.	124
	3.532	Ритуал.	126
	3.54	Функция истинности в аналогической коммуникации.	127
	3.55	Истерические симптомы как аналогический перевод.	127
	3.6	Возможная патология симметрического и комплементарного взаимодействия.„.	129
	3.61	Эскалация симметричности.	129
	3.62	Ригидная комплементарность.	130
	3.63	Эффект взаимной стабилизации двух типов коммуникации.	132
	3.64	Примеры.	133
	3.65	Заключение.	142

ГЛАВА 4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

	4.1	Введение.	146
	4.2	Взаимодействие как система.	147
	4.21	Время как переменная.	148
	4.22	Определение системы.„.	149
	4.23	Окружающая среда и подсистемы.	150
	4.3	Характеристики открытых систем.„.	153
	4.31	Целостность.	153
	4.311	Несуммарность.	155
	4.312	Разнонаправленность	156
	4.32	Обратная связь	157
	4.33	Равнорезультатность.	158
161	4.4	Длительно существующие системы взаимодействия	
	4.41	Продолжающиеся взаимоотношения.,	161
	4.411	Описание или объяснение.	162

\007\

Оглавление

	4.42	Ограниченность.,.	164
	4.43	Правила взаимоотношений.	165
	4.44	Семья как система.„.	167
	4.441	Целостность.	168
	4.442	Несуммарность.	169
	4.443	Обратная связь и гомеостаз.	173

4.444 Калибровка и ступенчатые функции. 181

4.5 Выводы. 182

ГЛАВА 5. ПАРАДОКСАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

5.1 Природа парадокса. 186

5.11 Определение. 187

5.12 Три типа парадоксов. 189

5.2 Логико-математические парадоксы. 191

5.3 Парадоксальные определения. 193

5.4 Прагматические парадоксы. 196

5.41 Парадоксальные предписания. 196

5.42 Примеры парадоксальной коммуникации. 198

5.43 Теория двойного ограничения. 217

5.431 Составляющие двойного ограничения.,. 218

5.432 Патогенность двойного ограничения. 220

5.433 Связь с шизофренией. 222

5.434 Противоречивые и парадоксальные предписания.
222

5.435 Поведенческие следствия двойного ограничения.
226

5.44 Парадоксальные обещания/предсказания. 229

5.441 Объявление преподавателя. 229

5.442 Недостатки ясного мышления. 232

5.443 Доверие как проблема. 234

5.444 Неопределенность. 235

5.445 Практический пример. 233

5.446 Доверие – дилемма узника.,,. 237

5.5 Выводы. 241

ГЛАВА 6. ПАРАДОКСЫ В ПСИХОТЕРАПИИ

6.1 Иллюзия альтернативного выбора. 244

6.11 Рассказ Батской ткачихи. 244

6.12 Определение. 246

6.2 «Игра без конца». 248

6.21 Три возможных решения.,,. 249

8

Оглавление

6.22 Парадигма психотерапевтического вмешательства.
251

6.3 Предписание симптомов. 253

6.31 Симптом как спонтанное поведение. 253

6.32 Устранение симптома. 254

6.33 Симптом в межличностном контексте. 256

6.34 Краткий обзор. 257

6.4 Терапевтическое двойное ограничение. 258

6.5 Примеры терапевтического двойного ограничения.
260

6.6 Парадоксы в игре, юморе и творчестве. 274

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ II ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

7.1 Экзистенциальное бытие. 280

7.2 Окружающая среда как программа. 281

7.3 Гипостазирование реальности. 283

7.4 Уровень знания, послышки третьего порядка. 284

7.41 Аналогии послышек третьего порядка. 287

7.5 Смысл и ничто. 289

7.6 Изменение послышек третьего порядка. 292

7.61 Аналогии с теорией доказательств. 294

7.62 Доказательство Гёделя. 296

7.63 «Трактат» Витгенштейна и главный парадокс человеческого существования. 297

Посвящается Грегори Бейтсону, другу и наставнику.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена прагматическим (поведенческим) эффектам человеческой коммуникации, причем особое внимание здесь уделяется расстройствам проведения ТТ¹ ейчас, когда форм1Ш*зова~нъгтолько' грамматический"1и синтаксический коды вербальной коммуникации, когда 'Q^c^_ск\$lmiЩi3^iJш^U^og^__возможности создания успешной теоретической структуры семантики человеческой коммуникации, любая попытка систематизировать ее прагматику должна показаться следствием невежественности или самонадеянности. Если на современном этапе развития науки не существует даже удовлетворительного объяснения того, как происходит процесс овладения родным языком, то перспектива обобщения формальных связей между коммуникацией и поведением представляется еще более туманной.

С другой стороны, очевидно, что коммуникация — это *conditio sine qua* поп человеческого существования и общественного устройства. Также очевидно, что с начала своего существования человек вовлечен в сложный процесс овладения правилами коммуникации, лшььГйвднимально' осознавая, из чего состоит эта совокупность правил, это *исчисление* человеческой коммуникации.

\011\

Психология межличностных коммуникаций

Не намног(^дальше продвигаемся в предлагаемой
книге и мы сами. Это псего ли:ль попытки разработать модель и представить факты, эту модель

подтверждающие. Наука о прагматике человеческой коммуникации находится на младенческой стадии своего развития, она едва может прочесть и написать свое имя, ей еще далеко до разработки собственного непротиворечивого языка. Ее интеграция с результатами научных изысканий в других областях — дело будущего. Однако мы надеемся на то, что такая интеграция произойдет, и эта книга адресована всем тем, чья работа связана с изучением и решением проблем взаимодействия в самом широком смысле этого слова.

Нас могут упрекнуть, что в этой книге не рассматриваются важные исследования, напрямую связанные с предметом нашего изучения. Недостаток подробных ссылок на невербальную коммуникацию может стать одним из источников подобной критики, отсутствие ссылок на общую семантику — другим. Но эта книга -- всего лишь введение в прагматику человеческой коммуникации (ту область, которая вплоть до настоящего времени привлекала к себе необоснованно мало внимания), и поэтому мы не можем указать на все существующие связи прагматики с другими областями знания, не превратив ее в энциклопедию, в плохом смысле этого слова. По той же причине пришлось, ограничить количество ссылок на множество других работ по теории человеческой коммуникации, особенно в тех случаях, когда такие работы ограничиваются рассмотрением коммуникации как одностороннего феномена (от говорящего к слушающему) и останавливаются незадолго до понимания коммуникации как процесса взаимодействия. '

Междисциплинарные связи предмета нашего изучения отражены в манере подачи материала. Примеры и аналогии „добирались из весьма широкого спектра областей, хотя предпочтение отдавалось психопатологии. Особенно важно прояснить, что там, где

12

Введение

для аналогий использовалась математика, она применялась только как язык, превосходно подходящий

для выражения сложных взаимоотношений; однако это вовсе не означает, что мы полагаем, будто наши данные готовы для перевода в числовую форму. И наоборот, многим читателям может показаться, что использование нами литературных примеров довольно спорно с научной точки зрения, поскольку доказывать что-либо, ссылаясь на плоды художественного вымысла, -- не самый _.

убедительный способ аргументации. Однако с помощью этих литературных цитат мы не доказываем, а просто, иллюстрируем и разъясняем теоретические положения на более понятном языке; мы вовсе не полагаем, что эти цитаты сами по себе " что-то доказывают. Если коротко, " эти ана-логии^и_пр_имеры — это описательные, а не прогностические модели.

Во многих параграфах этой книги при использовании базовых понятий из других областей знания приведены определения этих понятий, совершенно не интересные для человека, специализир^ющего.с.я. выданной области. Чтобы предостеречь такого читателя, а также для удобства всех остальных здесь приводятся крат-

" "J ДД.^-- . ---- — С.— ., .--fcj. — а^.^увм^А-а-
*.

кий_щзйд содержания глав и их разделов.

Глава 1 посвящена попытке создать теоретическую сrjD^Кругу описания. Там вводятся основные понятия, такие как функция (параграф 1.2 ¹). информация и о- ратная связь (параграф 1.3). избыточность (параграф 1.4), также в этой главе высказывается существовании некоего, еще не формализованного кода, исчислти^ (параграф 1.5) человеческой коммуникации, правила которого можно наблюдать в успешной ком-

¹ Десятичное подразделение глав было введено не для того, чтобы запутать читателя или произвести на него впечатление, а для того, чтобы сделать структуру глав более четкой и облегчить перекрестные ссылки в работе.

\013\

муникации, тогда как при наличии коммуникативных расстройств данные правила нарушаются.

В Главе 2 определены¹ ^которые^^к^щмы этого гипотетического ис_числ^дия, "в то время как дозмож-ные виды патологии, связанные с^этими аксиомами, освещены в Главе\$,

, теория коммуникации выходит на уро- вень организации или структуры, основой здесь 'яв- поэтому большая часть главы посвтценд.дфщущденвю или примененикТпринц^йпов общей теории, систем.

Ъ_Главе £ описываются поведенческие эффекты па^адйк^аТЭто требует определения понятия (параграфы 5.1, 5.2 и 5.3), которое может быть пропущено читателем, знакомым с литературой по антиномиям, особенно той, что касается парадокса Рассела. В разделе

5.4 представлено менее известное понятие о парадоксах, особенно теория двой-и ее важность для понимания ши-

зрфренической коммуникации. Тлобоопо!священ а терапевт.

радоксаГЗа исключением теоретических рассуждений в параграфах 6.1 и 6.2, в этой глав уделается

акцент на возможностях клинического приложения парадокса л ьныхТтаттёрнов коммуникации. Эта глава заканчивается коротким экскурсом в роль парадокса в игре, юморе и творчестве (параграф 6.6).

В *Заключении* описываются ^гтр_облемь! коммуни-кации человека £ реальностью в самом широком смысле этого слова, но это не более чем обзор. Мы говорим о том, что порядок, аналогичный уровневой структуре логических типов, наполняет осознание человеком своего существования и определяет, в конечном итоге, познаваемость Вселенной.

С рукописью знакомились множество экспертов, от психиатров и биологов до инженеров-электронщиков, и в ходе этого рассмотрения стало понятно, что любой раздел для одних представляется слиш-

14

Введение

ком упрощенным, а для других — слишком специализированным. То же касается включения определений (в тексте или в сносках): для того, кто каждый день использует этот термин в своей профессиональной деятельности, включение в текст определения может показаться проявлением оскорбительной снисходительности, в то время как для обычных читателей недостаток определений может быть воспринято как неуважение к себе («Если вы не знаете, что значит это слово, мы не собираемся вам объяснять»).

Авторы хотят выразить признательность многим людям, которые читали рукопись целиком или частично, и помогали поддержкой или советом, особенно Полу С. Ачиллсу, Джону Ч. Викленду, Карлосу Е. Слуцки, Расселу Ли, Ричарду Фишу и Артуру Бодину, всем нашим коллегам в Институте исследований психики; Альберту Е. Шефлеку, Институт психиатрии Восточной Пенсильвании и Медицинская школа университета Темпля; Карлу Х. Прибраму, Ральфу Якобсу и Вильяму Дементу, Медицинская школа университета Стенфорда; Генри Лонгли, инженеру проекта, Западная исследовательская лаборатория; Ноэлю

Томпсону, начальнику Отдела медицинской электроники, Фонд медицинских исследований Пало Альто; Джону П. Спигелу, Центр исследования личности, Гарвардский университет. Естественно, что ответственность за сделанные утверждения и возможные ошибки лежит целиком на авторах.

Эта работа была поддержана Национальным институтом психического здоровья, Фондом Роберта С. Вилера, Фондом Джеймса МакКина и Национальной ассоциацией психического здоровья, о помощи которых мы с благодарностью заявляем.

Пало Альто

Глава 1. СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

1.1

Изучите описанные ниже ситуации: Популяция лисиц в определенной области на севере Канады демонстрирует строгую периодичность повышения и снижения своей численности. В течение четырехгодичного цикла она возрастает до максимума, падает почти до грани вымирания и, наконец, снова начинает увеличиваться. Если бы внимание биолога было приковано только к лисам, данная цикличность оставалась бы необъяснимой, поскольку в природе этих лис или всего их вида нет ничего, что могло бы указать на причину этих изменений. Однако если учесть, что лисы питаются практически исключительно только дикими кроликами, и что у этих кроликов почти нет других естественных врагов, это отношение между двумя видами позволяет дать удовлетворительное объяснение загадочному феномену. Можно заметить, что кролики существуют в таком же цикле, но периоды прироста и падё-

18

Глава 1. Система основных понятий

ниячи елейности^попу_ляции располагаются^у^их в^ другом порядке: чем больше лисиц, тем больше^кро-ликов сши^съедают, чтогудиеоди/г к постепенному уменьшению количества их пищи. Поэтому количест- Ш~ТТис"уменьшается7что дае^шанс выжившим кво-ликам расплодиться и процветать в условиях времен-ноГО отсутствия "их врагов — лисиц. Вновь восстано- лшшоёизобгшие кроликов способствует выживанию и"Ув"е7Гичёкию численности лисиц, и все повторяется сначала.

Человеку становится плохо, и его отвозят в больницу. Осматривающий его врач диагностирует потерю сознания: очень низкое артериальное давление и, в общем, клиническую картину, напоминающую алкогольное или наркотическое отравление. Анализы, однако, не выявляют присутствия этих веществ. Состояние пациента остается необъяснимым до тех пор, пока он не приходит в сознание и не сообщает, что он – горный инженер и только что вернулся после двухлетней работы в угольной шахте, расположенной на глубине 15000 футов в Андах. Теперь становится понятно состояние пациента – это не болезнь в привычном смысле этого слова, т. е. не недостаток какого-либо органа или ткани, а проблема адаптации здорового организма к коренным образом изменившейся окружающей среде. Если бы внимание медика было сконцентрировано только на самом пациенте или на экологии окружающей среды, состояние больного оставалось бы непонятным и загадочным.

В саду загородного дома на виду у прохожих ползает вокруг луга бородатый человек, описывая восьмерки, постоянно поглядывает через плечо и безостановочно кричит. Так этиолог Конрад Лоренц описывает свое поведение во время эксперимента по изучению импринтинга у утят, когда он пытался заменить им мать. Лоренц поздравил ее, – пишет он, – с тем, как мои утята послушно, неточно, переваливаясь, шли за мной,

\019\

Психология межличностных коммуникаций

а затем неожиданно посмотрел вверх и увидел бледных лиц над садовой оградой: группа туристов стояла около забора и с ужасом смотрела в его направлении». Утята были спрятаны в высокой траве и все, что видели туристы – это совершенно «необъяснимое, безусловно безумное поведение».

В этих внешне не связанных примерах есть одна общая деталь: явление остается необъяснимым до тех пор, пока поле наблюдения не расширяется настолько, чтобы включить в себя контекст, в котором это

явление происходит: Игнорирование сложных взаимоотношений события и матрицы, в которой оно происходит, организма и «среды, приводит к столкновению исследователя с чем-то «загадочным», либо к соблазну приписать объекту изучения такие свой-

ства. которыми он, возможно, не обладает. Этот факт получил широкое признание в биологии, в то время как наука о поведении все еще в большой степени базируется на монадическом подходе к изучению человека и на использовании традиционного метода изолированных переменных. Это становится особенно очевидным, когда объектом изучения является нарушенное поведение. Если человек с нарушенным поведением (психопатологией) изучается изолированно, исследование имеет отношение к природе этого состояния или, в более широком смысле, к природе человеческой психики. Если рамки исследования расширяются так, чтобы включить влияние, которое это поведение оказывает на других/их реакции на него и тот контекст,

в котором это все происходит, фокус смещается с индивидуальной моноады на взаимоотношения между образом, исследователем человеческого поведения

переходит от изучения внутренних механизмов психики к анализу внешних проявлений взаимоотношений между людьми.

Движущим механизмом этих внешних проявлений

\020\

Мы считаем, что изучение человеческой коммуникации может быть, разделено на те же три области: синтаксис, семантику и прагматику. Первые были выделены Моррисом (1966), а затем Карнапом (1953, р. 9) для изучения семиотики (общей теории знаков и языков). Проецируя эти три области на структуру человеческой коммуникации, можно сказать, что первая из них имеет отношение к проблемам передачи информации, и находится поэтому в сфере профессиональных интересов разработчиков теории информации. Их интересуют такие проблемы, как кодирование, каналы, объем, избыточность и другие статистические характеристики языка. Эти проблемы носят преимущественно синтаксический характер, здесь неважно значение передаваемых символов. Значение — это то, что находится в центре внимания семантики. Хотя в принципе синтаксически точная передача рядов символов вполне возможна, они оставались бы бессмысленными, если бы отправитель и получатель не договорились предварительно об их значении. В этом смысле любая передаваемая информация предполагает

договоренность относительно семантического содержания сообщений.

Наконец, коммуникация влияет на поведение, и это — *прагматический* аспект. Таким образом, можно четко разграничить три сферы человеческой коммуникации, но, тем не менее, они являются взаимозависимыми. Как утверждает Джордж (55, р. 41), «можно сказать, что синтаксис — это математическая логика, семантика — это философия или философия науки, а прагматика — это психология, но эти области не так уж сильно разнятся между собой».

В данной книге будут затронуты, все три аспекта коммуникации, но главное внимание будет уделено прагматике, т. е. поведенческим эффектам коммуникации. В этой связи необходимо с самого начала *понять*, что термины «коммуникация» и «поведение» употребляются фактически как синонимы, поскольку —

\021\

Психология межличностных коммуникаций

ку единицы анализа в прагматике — это не только слова, их формы, их значения, которые являются элементами рассмотрения в синтаксисе и семантике, но также и невербальные компоненты, язык тела — Даже более того, нам представляется возможным рассматривать в качестве поведенческих проявлений личности особенности того *контекста*, в котором происходит коммуникация. Таким образом, с точки зрения прагматики, все поведение, а не только речь, является *коммуникацией*, а вся коммуникация — даже характеристики самого контекста — влияют на поведение."

С традиционной точки зрения, прагматика, прежде всего", "имеет "дело с: тем эффектом, который указывает та или иная информация на "ее~п~лучателя" тогда как нас также будет интересовать и другой, неразрывно связанный^ первым, вопрос: какое влияние на отправителя оказывает реакция получателя? Таким образом, мы предпочитаем рассматривать скорее *взаимоотношения между отправителем и получателем, посредником в которых является коммуникация*, а не замыкаться на отношении: ^ между знаком и отправителем или знаком и получателем.

Поскольку коммуникационный подход к изучению человеческого поведения, как нормального, так и отклоняющегося от нормы, основывается на наблюдении внешних проявлений взаимоотношений, в самом широком

смысле этого слова, концептуально он гораздо ближе к математике, чем к традиционной психологии, поскольку математика – это именно та наука, которая занимается отношениями между сущностями, а не их природой. В психологии же, напротив, традиционно преобладает склонность к монади-ческому взгляду на человека и, следовательно, те сложные паттерны взаимоотношений и взаимодействия, существование которых становится все более и более очевидным, остаются практически вне сферы ее внимания.

22

Глава 1. Система основных понятий

Мы будем говорить о близости нашей теории и математики при каждом удобном случае. Это не должно отпугнуть читателя, не имеющего углубленной подготовки в этой области, поскольку ему не придется столкнуться с формулами или другими специальными символами. Возможно, когда-нибудь человеческое поведение будет адекватно описано на языке математических символов, но в наши планы такие попытки не входят. Скорее, мы будем ссылаться на многочисленные работы, имеющиеся в определенных областях математики, когда их результаты могут быть использованы для описания феноменов человеческой коммуникации.

Понятие о функции и взаимоотношениях

Главная причина того, что математика должна быть использована для проведения аналогий или в качестве объяснительного принципа, заключается в полезности математического понятия «функция». Для объяснения этого необходим краткий экскурс в теорию чисел.

С точки зрения философов науки наиболее значительным шагом в развитии современного математического мышления явилось постепенное появление нового понимания числа в период от Декарта до наших дней. Для математиков Древней Греции числа были конкретными, вещественными величинами, понимаемыми как свойства реальных предметов. Поэтому геометрия занималась измерениями, а арифметика –• счетом. Освальд Шпенглер в своей блестящей работе «О смысле чисел» (146) показывает, что не только понятие о нуле как о числе было немислимым, но и отрицательным величинам также не было места в реальности античного мира: «Отрицательных величин не

Психология межличностных коммуникаций

существует. Выражение $-2 \times -3 = +6$ не несет в себе ни следа наглядности или представления какой-либо величины» (Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – С. 217.) Представление о том, что числа должны выражать величины, преобладало на протяжении двух тысяч лет, как уточняет Шпенглер:

До сих пор не существовало второй такой культуры, которая воздавала бы столько почестей свершениям иной, давно угасшей культуры и была бы в научном смысле столь податливой к влияниям, как западная по отношению к античной. Прошло немало времени, пока мы нашли в себе мужество думать собственным умом. В основе лежало постоянное желание подражать античности. И все-таки каждый шаг был в этом смысле фактическим удалением от искомой цели. Оттого история западного знания есть история поступательной эмансипации от античного мышления, история освобождения, которое, не будучи даже желанным, форсировалось глубинами бессознательного. Так, развитие новой математики принимало формы тайной, затяжной, наконец, победной борьбы против понятия величины. (Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – с. 229).

Нет необходимости в деталях описывать, как была одержана эта победа. Достаточно сказать, что решающее событие произошло в 1591 году, когда Виет впервые использовал буквенные обозначения вместо чисел. В результате представление о числах как о дискретных величинах было оттеснено на второй план, и родилось базовое понятие о *переменной*, понятие, которое античному математику показалось бы

Глава 1. Система основных понятий

не более реальным, чем галлюцинация. Переменные, в отличие от чисел, обозначающих реальные величины, не имеют собственного значения, они обладают значением только относительно друг друга. С появлением переменных открылось новое измерение информационного пространства. Так сформировалась новая математика. Отношение между переменными (обычно, но не всегда, выраженное в виде

равенства) представляет собой функцию. Процитируем еще раз Шпенглера, который говорил, что функции

вообще не являются числами в пластическом смысле, но знаками некоего отношения, в котором отсутствуют признаки величины, формы и однозначности, знаками бесконечности возможных положений одинакового характера, которые, будучи поняты как единство, и суть само число. В идеографической записи, применяющей, к сожалению, множество сбивающих с толку знаков, все уравнение s *целом* фактически представляет собою одностепенное число, а x , y , g в столь же малой степени являются числами, как $+$ и $=$, (Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993. — С. 230.) Таким образом, например, равенство $y^2=4^{ax}$ отражает особую взаимосвязь переменных x и y и включает в себе все свойства кривой.*

* Придавая числам значение величин, легко впасть в заблуждение даже тогда, когда эти числа первоначально использовались для обозначения конкретных величин, как, например, в экономике. Это показано в недавно опубликованной статье Дэвида Штерна (149). Рассуждая о проблеме национального долга, он показывает, что рассматривая его изолированно, т. е. как абсолютную величину, можно отметить, что национальный долг США подскочил с 257 миллиардов долларов в 1947 году до 304 миллиардов в 1962. Однако, если посмотреть на это явление в нужном контексте, например с

\025\

Психологин межличностных коммуникаций

Можно провести интересные параллели между возникновением математического понятия о функции и появлением в психологии понятия «взаимоотношение». Долгое время (в определенном смысле, начиная с Аристотеля) психика рассматривалась как совокупность характеристик, которыми человек может быть наделен в большей или меньшей степени, почти так же, как он может обладать стройным или грузным телом, рыжими или светлыми волосами, и т. д. В конце прошлого века психология вошла в эру экспериментальных исследований, что сделало во многом более научным ее словарь, однако в определенном смысле этот новый словарь все же оставался похожим на прежний: он все еще состоял из

отдельных, мало связанных между собой понятий. Эти понятия рассматривались по аналогии с физическими функциями, и, к несчастью, не имели никакого отношения к математическому понятию о функции. Как мы знаем, ощущения, восприятие, апперцепция, внимание, память и некоторые другие процессы были определены именно как такие функции и во множестве работ изучались, и все еще изучаются в искусственной изоляции. Но Эшби, например, показал, как предположение о существовании памяти напрямую зависит от наблюдаемости данной системы. Он утверждает, что для наблюдателя, владеющего всей необходимой информацией, любая ссылка на прошлое (и, следовательно, на существование памяти в системе) не является необходимой. Он может делать выводы,

точки зрения чистого дохода на душу населения, станет очевидным, что за указанный период произошло снижение со 151% до 80%. Это заблуждение особенно характерно для неспециалистов и политиков, хотя ученые-экономисты давно настаивают на употреблении собственно экономических переменных, а не изолированных или абсолютных единиц.

\026\

Глава 1. Система основных понятий

основываясь на поведении системы *сейчас*. Он приводит такой реальный пример:

.предположим, я в гостях у друга. Когда мимо окон проезжает машина, собака друга неожиданно забивается в угол комнаты. Для меня такое поведение непонятно и необъяснимо. Затем мой друг говорит: «Она попала под машину полгода назад». Теперь поведение собаки объясняется ссылкой на событие шестимесячной давности. Если мы скажем теперь, что собака обладает «памятью», мы будем иметь в виду практически тот же факт: ее поведение может быть объяснено исходя не из теперешнего состояния, а исходя из того, каким было это состояние шесть месяцев назад. Неосторожный наблюдатель может сказать, что собака «обладает» памятью, и думать о собаке как о владеющей чем-то, как если бы у нее было, к примеру, пятно черного цвета на спине. Затем может возникнуть соблазн найти этот «предмет», которым обладает собака. Правда, свойства этого «предмета» окажутся очень странными. Ясно, что память не является чем-то вещественным, тем, чем система может обладать или не обладать. Это понятие, которое использует

наблюдатель, чтобы заполнить пустующее место в случае, когда какая-то часть системы не доступна наблюдению. Чем меньше наблюдаемых переменных, тем большему количеству событий в прошлом наблюдатель будет вынужден приписывать важную роль в актуальном поведении системы. Таким образом, существование памяти в головном мозге лишь частично может считаться объективным феноменом. Неудивительно, что ее характеристики иногда кажутся необычными или даже парадоксальными. Естественно, учитывая все вышеизложенное, эта тема нуждается в тщательном переосмыслении (5, p. 117).

\027\

Психология межличностных коммуникаций

Как мы понимаем, это утверждение никоим образом не отрицает достижения нейропсихологических исследований, касающихся процессов сохранения информации в мозге. Очевидно, что в результате аварии состояние животного изменилось, должно быть, произошли изменения на молекулярном уровне, образовались новые связи, словом, «что-то», чем собака сейчас «обладает». Но Эшби очень точно описывает проблему соотношения теоретического конструкта и его материального воплощения. Другая аналогия, предложенная Бейтсоном (17) — это шахматная партия в развитии. В каждый момент времени положение, сложившееся в партии, можно понять только на основе расстановки фигур на доске (шахматы — это игра с полной информацией), без всякой записи или «памяти» о прошлых ходах. Даже если это положение истолковывается как память об игре, это целиком и полностью настоящая, наблюдаемая интерпретация данного момента.

Когда со временем словарь экспериментальной психологии расширился настолько, чтобы включить в себя контекст межличностных отношений, он по-прежнему оставался монадическим. Такие понятия, как лидерство, зависимость, экстраверсия и интроверсия, воспитание и многие другие стали объектами тщательного изучения. Опасность здесь состоит в том, что все эти термины, после долгого обдумывания и многократного повторения, сами по себе становятся некой псевдореальностью, и постепенно «лидерство», представляющее собой некий теоретический конструкт, становится Лидерством с большой буквы — измеряемым качеством человеческой психики, которое рассматривается как изолированный феномен. Как только происходит такая «материализация»,

мы перестаем осознавать, что термин — это всего лишь краткий символ для обозначения определенной формы имеющих место взаимоотношений.

Каждый ребенок со школы знает, что всякое движение относительно, что его можно воспринять

28

Глава 1. Система основных понятий

только относительно какой-либо точки отсчета. Но многие не осознают того, что тот же самый принцип лежит в основе практически всех видов восприятия, и, следовательно, в основе жизненного опыта человека. Ученые, занимающиеся исследованиями сенсорных процессов и функционирования мозга доказали, что человеком могут восприниматься только взаимоотношения и паттерны взаимоотношений, и именно они являются сущностью человеческого опыта. Поэтому когда благодаря действию хитроумного изобретения движение глаз становится невозможным, так, что один и тот же образ продолжает восприниматься одним и тем же участком сетчатки, четкое зрительное восприятие становится невозможным. Точно так же ровный, не изменяющийся звук является трудным для восприятия и может даже стать незаметным. И если кто-нибудь хочет исследовать твердость и текстуру поверхности, он не просто положит палец на эту поверхность, но станет двигать его вперед и назад, потому что если палец останется неподвижным, почти невозможно получить хоть какую-то полезную информацию, кроме разве что ощущения температуры, которое мы также получаем благодаря разнице температур предмета и пальца. Можно было бы продолжать приводить подобные примеры. Все они подводят нас к одному выводу: в том или ином виде процессы изменения, движения или исследования вовлечены во все виды перцепции (132, р. 173). Другими словами, устанавливается взаимоотношение, в рамках которого производится настолько большое количество проб, насколько позволяет данная ситуация. Таким образом, мы постепенно приближаемся к выводу о том, что все то, о чем идет речь, очень сходно с математическим понятием «функция». Поэтому не «вещи», но функции составляют сущность наших перцептивных процессов, а функции, как мы видели, — это не изолированные переменные, а «знаки, выражающие связь. бесконечность возможных

29

Психология межличностных коммуникаций

позиций вероятностного характера...». Но если это так, нас не должно больше удивлять то, что даже представление человека о самом себе – это на самом деле представление о функциях, о взаимоотношениях, в которые он включен, и неважно, насколько он воплощает это представление в реальной жизни. Кстати, всем этим фактам, от сенсорных нарушений ощущений до проблем самосознания, можно найти подтверждение в обширной ныне литературе, касающейся проявлений и последствий сенсорной депривации.

1.3

Информация и обратная связь

Фрейд покончил со многими заблуждениями традиционной психологии, когда выступил со своей психодинамической теорией поведения человека. Нет нужды описывать здесь его заслуги. Один аспект, однако, имеет самое непосредственное отношение к нашей теме.

Психоаналитическая теория основана на теоретической модели сохранения, которая была наиболее популярной в момент формирования взглядов Фрейда. В соответствии с этой теорией, поведение есть прямой результат гипотетического взаимодействия интрапсихических сил, действующих по правилам, аналогичным законам сохранения и передачи энергии в физике, где, процитируем слова Норберта Винера по этому поводу, «материализм привел в систему свои основные принципы, и ядром этой системы стало понятие энергии» (166, р. 199). В целом, можно сказать, что классический психоанализ оставался преимущественно теорией интрапсихических процессов, поэтому даже в тех случаях, когда взаимодействие со внешними силами было очевидным, оно рассматривалось как вторичное, как, например, в концеп-

30

Глава 1. Система основных понятий

ции «вторичной выгоды».¹ Таким образом, мы можем сказать, что взаимозависимость между индивидуумом и окружающей его средой осталась той областью, на которую сторонники психоаналитического направления практически не обращали внимания. И именно здесь нам необходимо обратиться к понятию *информационного обмена*, то есть коммуникации. Между психодинамической (психоаналитической) моделью, с одной стороны, и любой концепцией взаимодействия окружающей среды и организма с другой, имеется одно фундаментальное различие, и оно

может стать более понятным в свете следующей аналогии (12). Если человек пнет на ходу ногой гальку, энергия будет передана от ноги камню; последний придет в движение и, в конечном счете, остановится снова в положении, которое полностью определено такими факторами, как количество переданной энергии, форма и вес гальки, а также характер поверхности, по которой она катилась. Если, с другой стороны, человек пнет вместо гальки собаку, собака может подпрыгнуть и укусить его. В этом случае отношение между пинком и укусом имеет совершенно другой характер. Очевидно, что собака получает энергию для своей реакции, благодаря своему собственному метаболизму, а не от пинка. Поэтому то, что передается, это уже, скорее, не энергия, а информация. Другими словами, пинок – часть поведения, которое что-то сообщает собаке, и на эту коммуникацию собака реагирует другим поведением (коммуникацией). Именно в этом кроется принципиальное различие между психодинамикой Фрейда и теорией коммуникации как объяснительными моделями человеческого поведения. Несложно заметить, что они относятся к различным уровням сложности и не вы-

¹ Так называемые неофрейдисты, конечно, уделяли гораздо больше внимания взаимодействию индивида с окружающей средой.

31

Психология межличностных коммуникаций
водимы друг из друга: они концептуально неоднородны. Этот концептуальный переход от понятия энергии к понятию информации имел важное значение для головокружительного развития философии науки начиная с конца Второй мировой войны, и особое воздействие он оказал на развитие наших знаний о человеке. Осознание того факта, что информация об эффекте действия, должным образом переданная обратно эффектору, будет способствовать поддержанию стабильности последнего и его адаптации к изменениям окружающей среды, не только послужило толчком к созданию машин высокого порядка (например, систем, самоуправляющихся рассогласованием или целенаправленных механизмов) и привело к созданию новой научной области – кибернетики, но также помогло совершенно по-новому понять функционирование очень сложных взаимодействующих систем, изучаемых в биологии, психологии, социологии, экономике и других областях. Хотя, по крайней мере, на современном этапе, значение

кибернетики нельзя оценить даже приблизительно, ее фундаментальные принципы удивительно просты и будут кратко рассмотрены в нашей работе.

Пока наука занималась изучением линейных, однонаправленных и последовательных причинно-следственных отношений, многие очень важные феномены оставались за пределами огромной территории, оккупированной ею за последние четыре столетия.

Упрощая, можно сказать, что эти феномены имеют своим общим знаменателем связанные между собой понятия *роста* и *изменения*. Чтобы включить эти феномены в цельный образ мира, науке со времен древних греков приходилось прибегать к по-разному определяемым, но всегда туманным и неудобным концепциям, основанным на представлении о том, что ход событий определен некоей причиной и что окончательный исход «как-то» определяет шаги, которые

32

Глава 1. Система основных понятий

к нему приводят; иными словами, эти феномены были охарактеризованы понятием «витализм» и поэтому изгнаны из науки. Таким образом, примерно две с половиной тысячи лет назад началось одно из величайших эпистемологических противостояний, продолжающихся и по сей день: спор между детерминизмом и теологией. Возвращаясь еще раз к изучению человека, можно сказать, что психоанализ, несомненно, принадлежит к детерминистским школам, а, например, аналитическая психология Юнга во многом исходит из представления о «энтелехии», имманентной человеку.

Появление кибернетики изменило эту ситуацию, показав, что, в результате соединения двух принципов можно создать более эффективную систему. Это стало возможным благодаря открытию явления *обратной связи*. Цепь, в которой событие *a* влияет на событие *b*, а *b* затем воздействует на *c*, *c*, в свою очередь, на *d* и так далее, обладала бы свойствами детерминированной линейной системы. Если, однако, *d* вновь воздействует на *a*, система замыкается в круг и начинает функционировать совершенно по-другому. Она демонстрирует поведение, аналогичное проявлению тех феноменов, которые не рассматривались с позиций строгого линейного детерминизма.

Известно, что обратная связь может быть положительной либо отрицательной; последняя будет чаще упоминаться в этой книге, поскольку она характеризует гомеостаз

(состояние равновесия) и поэтому играет важную роль в достижении и поддержании стабильности во взаимоотношениях. Положительная обратная связь, с другой стороны, приводит к изменениям, т. е. к потере стабильности или равновесия. В обоих случаях часть результата деятельности системы возвращается в нее как информация об этом результате. Разница в том, что в случае отрицательной обратной связи эта информация используется, чтобы уменьшить отклонение результата от не-

2 Психология

33

Психология межличностных коммуникаций которой нормы (отсюда прилагательное «отрицательная»), в то время как в случае положительной обратной связи та же самая информация действует в качестве меры отклонения результата, и поэтому является положительной относительно уже существующей тенденции к поддержанию стабильности или разрушению.

Понятие о гомеостазе в человеческих взаимоотношениях будет подробно рассмотрено в параграфе 4.4, здесь же важно отметить, что было бы опрометчивым и неточным заключить, что отрицательная обратная связь является полезной, а положительная – разрушительной. Наше главное предположение состоит в том, что межличностные системы, будь то группы незнакомых между собой людей, супружеские пары, семьи, психотерапевтические или даже межнациональные отношения, можно рассматривать как петли обратной связи, поскольку поведение каждого человека влияет и подвергается влияниям со стороны других людей. Информация, вводимая в такую систему, может способствовать изменениям или поддерживать стабильность, в зависимости от того, какие механизмы обратной связи – положительные или отрицательные – задействованы. В результате изучения семей, в которых один из членов болен шизофренией, стало известно, что существование пациента очень важно для стабильности семьи, и что система очень быстро и эффективно будет реагировать на любые внешние или внутренние попытки изменить ее структуру. Понятно, что в такой стабильности нет ничего хорошего. Столь же очевидно, что любые проявления жизни характеризуются как изменениями, так и стабильностью, поэтому и положительная и отрицательная обратная связь должны сосуществовать, дополняя и взаимно влияя друг на друга.

Прибрам (117) недавно показал, как достижение стабильности влияет на развитие новых видов чувствительности. Таким образом, стабильность – не

34

Глава 1. Система основных понятий
бесплодный конечный пункт даже в относительно постоянной окружающей среде, а скорее, как заметил Клод Бернар, «стабильность внутренней среды – условие существования свободной жизни».

Обратная связь – это своеобразная загадка природы. Системы с обратной связью отличаются не только более высоким уровнем сложности; они качественно отличаются от систем, действующих по обычным механизмам. Их изучение требует новых концептуальных схем; их логика и эпистемология отлична от некоторых традиционных принципов научного анализа, таких, как подход «изолированной переменной» или положение Лапласа о том, что полное знание всей информации в данный момент времени позволит с точностью предсказать все будущие состояния. Саморегулирующиеся системы – системы с обратной связью – требуют разработки своей собственной философии, в которой понятия «паттерн» и «информация» являлись бы столь же существенными, каковыми были понятия о веществе и энергии в начале века. Исследование этих систем, по крайней мере в настоящее время, очень затруднено из-за того, что пока не существует научного языка, способного их адекватно описывать и объяснять; по мнению Визера (167, р. 33) эти системы сами по себе являются своим наилучшим и простейшим объяснением.

1.4

Избыточность

Подробное описание недостатков системной, а также традиционной монадической или линейной теорий было сделано вовсе не для того, чтобы у читателя возникло ощущение безнадежности. Концептуальные трудности подчеркиваются здесь лишь затем, чтобы обосновать необходимость поиска новых подходов, просто потому, что традиционные схемы

35

Психологин межличностных коммуникаций оказываются непригодными. В этом поиске мы обнаруживаем, что в других областях были сделаны открытия, имеющие непосредственное отношение к изучению человеческой коммуникации, и именно они являются

объектом нашего рассмотрения в этой главе. Гомеостат Эшби – великолепная конструкция, и поэтому заслуживает здесь хотя бы краткого рассмотрения. Это устройство состоит из четырех одинаковых саморегулирующихся подсистем, теснейшим образом взаимосвязанных друг с другом, так, что любое внешнее воздействие оказывает влияние на каждую из этих подсистем и вызывает их реакцию. Поэтому ни одна из подсистем не в состоянии изолированно достичь состояния равновесия. Эшби описывает несколько наиболее интересных «поведенческих» характеристик этой машины. Хотя устройство гомеостата очень примитивно по сравнению с человеческим мозгом или с какими-то другими техническими приспособлениями, он может производить 390 625 комбинаций значений своих параметров. Другими словами, это число отражает количество возможных адаптационных реакций на изменения во внешней и внутренней среде. Гомеостат достигает состояния равновесия путем случайного перебора возможных комбинаций вплоть до восстановления желаемой внутренней формы. Это аналогично использованию метода проб и ошибок, к которому прибегают многие организмы в стрессовой ситуации. В случае с гомеостатом время, затраченное на поиск, может колебаться от секунд до часов. Легко понять, что для живых организмов такая временная задержка была бы чрезмерной и серьезно мешала бы выживанию. Эшби доводит эту мысль до логического завершения, когда пишет: «Если бы мы, подобно гомеостатам, пытались разом достичь полной адаптации, мы ждали бы вечно. Но младенец не ждет вечно, наоборот, вероятность того, что он достигнет уровня адаптации взрослого в течение двадцати лет, практически стопроцентна» (4,

36

Глава 1. Система основных понятий

р. 136). Затем Эшби утверждает, что у живых организмов наблюдается своего рода сохранение адаптации. Это означает, что старые адаптационные механизмы не разрушаются, когда образуются новые, и что весь процесс поиска не должен начинаться с самого начала, если решение однажды уже было найдено.

Какое отношение все это имеет к прагматике человеческого общения, станет понятнее после следующего рассуждения. В гомеостате каждый из 390 625 вариантов внутренней конфигурации с равной вероятностью может явиться результатом взаимодействия четырех подсистем.

Таким образом, появление данной конфигурации не оказывает никакого влияния на появление следующей конфигурации или последовательности конфигураций. Цепь событий, в которой каждый элемент всегда имеет равные шансы на появление, – это проявление случайности. Здесь нельзя сделать никаких выводов и нельзя предсказать появление следующей конфигурации. Другими словами, здесь не содержится никакой информации. Однако, если система, подобная гомеостату, получит возможность сохранять найденные адаптационные механизмы для дальнейшего использования, последовательность внутренних конфигураций претерпит коренные изменения, так как некоторые конфигурации станут повторяться чаще, и, следовательно, станут более вероятными, чем другие. Важно отметить, что нет необходимости приписывать какое-либо значение этим группировкам, само их существование является лучшим объяснением. Описываемая цепочка – одно из основных положений теории информации, и она называется стохастическим процессом. Таким образом, стохастический процесс имеет отношение к закономерности, присущей последовательности явлений или событий, неважно, идет ли речь о такой простой последовательности, как результаты извлечения белых и черных шаров из урны, или о такой сложной,

37

Психологин межличностных коммуникаций как особый характер сочетания тональных и оркестровых элементов в произведениях какого-либо композитора, идиосинкразическое использование элементов языка в стиле какого-либо автора, или же о полных диагностической значимости линиях электроэнцефалограммы. В соответствии с теорией информации, стохастический процесс демонстрирует *избыточность* или *принужденность* – понятия, которые используются как синонимы понятия «паттерн», которое мы часто употребляли выше. Рискую быть обвиненными в *избыточных* повторениях, еще раз подчеркнем, что эти паттерны не имеют никаких объяснений или символических значений, и не нуждаются в них. Это не исключает, однако, вероятности того, что они могут быть связаны с другими событиями, как, например, в случае с энцефалограммой'или какими-то другими медицинскими показателями.

Избыточность подробно изучалась в двух из трех областей человеческой коммуникации, а именно в синтаксисе и

семантике. Одна из первых работ – работа Шэннона, Карнапа и Бар-Гилеля – непременно должна быть здесь упомянута. Один из выводов, который можно сделать, исходя из результатов этих исследований, заключается в том, что каждый из нас обладает огромным запасом знаний о закономерностях и статистических вероятностях как в синтаксисе, так и в семантике человеческого общения. Психологически это знание очень интересно, так как оно практически полностью находится за пределами нашего сознания. Никто, кроме, пожалуй, эксперта, не может назвать вероятность последовательности или ранги употребляемости букв и слов в конкретном языке, но все же мы все в состоянии распознать и исправить опечатку, вставить пропущенное слово или вывести из себя заика, заканчивая за него его предложения. Но знать язык и знать что-то о языке – это два совершенно разных вида знания. Таким образом, человек может бегло и правильно разговаривать на родном языке,

38

Глава 1. Система основных понятий

не зная грамматики и синтаксиса, т. е. не зная правил, которые он соблюдает, разговаривая. Если бы этому человеку пришлось изучать другой язык, ему явно потребовались бы знания об этом языке.²

Обращаясь к проблемам избыточности в прагматике человеческой коммуникации, можно отметить, что анализ литературных данных показывает, что этой теме вплоть до сегодняшнего дня было посвящено очень мало публикаций, особенно если мы рассматриваем прагматику как межличностный феномен. Под этим мы подразумеваем, что большинство имеющихся исследований ограничивают себя рассмотрением эффекта, который оказывает личность А на личность В, не уделяя должного внимания тому факту, что В в любом случае влияет на следующий шаг А, и что оба они находятся под влиянием того контекста, в котором происходит взаимодействие, и, в свою очередь, сами на него влияют.

Нетрудно заметить, что у прагматической избыточности много общего с избыточностью синтаксической и семантической. Здесь мы также обладаем огромным объемом информации, которая дает нам возможность оценивать и предсказывать поведение, а также влиять на него. На самом деле, в этой области мы особенно восприимчивы к противоречиям: поведение, которое выбивается из

контекста, или каким-то другим образом свидетельствует о хаотичности или неопределенности, немедленно задевает нас гораздо сильнее, чем просто синтаксические или семантические ошибки. Бенджамин Уорф, великий лингвист, снова и снова указывал на этот феномен, например, в работе «Наука и лингвистика»:

Ученые-лингвисты давно уже поняли, что способность бегло говорить на каком-либо языке вовсе не обязательно предполагает лингвистическое знание этого языка, т. е. понимание феноменов его происхождения, его системы и структуры, точно так же, как способность хорошо играть на бильярде не требует каких-то знаний о законах и механизмах, которые действуют на бильярдном столе (165, р. 213).

39

Психология межличностных коммуникаций
мантические ошибки в коммуникации. И все же в этой области мы практически не осознаем правила, которые реализуются в успешной и нарушаются в нездоровой коммуникации. Коммуникация постоянно на нас воздействует: ранее было высказано предположение о том, что даже наше самосознание зависит от коммуникации. Это было убедительно показано Хором: «Чтобы понимать себя, человек должен быть понят другим. Чтобы быть понятым другим, необходимо понять его» (65, р. 237). Но если лингвистическое понимание основано на правилах грамматики, синтаксиса, семантики и т. д., то каковы правила того вида понимания, о котором писал Хор? Снова мы сталкиваемся с тем, что мы знаем эти правила, не осознавая свое знание. Мы постоянно вступаем в коммуникацию, но все же практически неспособны вступать в коммуникацию по поводу коммуникации. Эта проблема и будет главной темой данной книги.

Поиск паттерна — основа всего научного исследования. Там, где есть паттерн, там есть значение — этот эпистемологический принцип столь же верен и при изучении человеческого взаимодействия. Это изучение было бы не таким уж сложным, если бы можно было просто опросить участников взаимодействия и таким образом узнать у них, какие паттерны они обычно используют, или, другими словами, какие правила поведения они для себя установили. Обычно эта идея реализуется с помощью использования методики анкетного опроса. Однако после осознания того факта, что утверждения нельзя всегда принимать за чистую монету, особенно в психопатологии,

что люди очень часто могут говорить одно, а подразумевать что-нибудь совершенно другое, что существуют, как мы только что видели, вопросы, ответы на которые находятся за пределами сознания человека, стала очевидной необходимость поиска других подходов. Грубо говоря, правила поведения и взаимодействия могут находиться на тех же уровнях

40

Глава 1. Система основных понятий

сознания, которые Фрейд обозначил при анализе оговорок и ошибочных действий: 1) они могут находиться полностью в поле понимания человека, тогда может использоваться анкетный опрос и другие простые вопросно-ответные методы; 2) человек может не осознавать их, но быть способным распознать их, когда на них ему укажут; или 3) они могут располагаться настолько глубоко в бессознательном, что даже если их правильно определить и обратить на них внимание человека, он все равно не сможет их распознать. Бейтсон заострил это сходство с уровнями сознания и описал проблему в рамках современной понятийной структуры:

...продвигаясь вверх по шкале порядков знания, мы все глубже вторгаемся в область все более и более абстрактных паттернов, которые становятся все менее и менее доступны осознанию. Чем выше уровень абстрагирования, тем более общие и формальные основания используются для объединения паттернов, и тем глубже в нейрологические и психологические слои они погружаются и становятся все менее подвластными сознательному контролю. Привычка к зависимости намного меньше осознается человеком, чем тот факт, что в данной ситуации он получил помощь. Возможно он и осознает это, но осознать следующий, более сложный паттерн, а именно то, что, найдя помощь, он обычно кусает кормящую его руку, может быть, будет для этого человека уже невозможным (16).

К счастью для нашего понимания человеческого взаимодействия, картина будет совершенно другой для постороннего наблюдателя. Он подобен тому, кто наблюдает за шахматной партией, не зная ни правил, ни цели игры. Для моделирования непонимания «игроков» в реальной жизни давайте предположим,

41

Психология межличностных коммуникаций

что наш наблюдатель не говорит или не понимает язык игроков и, следовательно, неспособен попросить объяснений. Наблюдателю скоро станет понятно, что поведение игроков характеризуется определенной повторяемостью, избыточностью, благодаря которым могут быть сделаны предварительные выводы. Например, он обратит внимание на то, что за движением одного игрока почти неизменно следует движение другого. Из такого поведения легко понять, что игроки следуют правилу чередования ходов. Правила, управляющие передвижением отдельных фигур, нельзя выделить так же просто, отчасти из-за сложности ходов, а отчасти из-за того, что различные фигуры двигаются с существенно разной частотой. Будет, например, гораздо проще догадаться о правилах перемещения слона, чем о значении такого необычного и нечасто встречающегося передвижения как рокировка, которая вообще может не произойти в ходе одной партии. Обратите внимание также, что при рокировке происходят два последовательных движения одного игрока, и может создаться впечатление, что нарушается правило чередования ходов. И все же намного большая избыточность чередования ходов будет преобладать над меньшей избыточностью рокировки, и даже несмотря на наличие противоречий, наблюдатель вовсе не обязательно откажется от сформулированных гипотез. Таким образом, можно предположить, что после наблюдения ряда партий наблюдатель смог бы, по всей вероятности, сформулировать с высокой степенью точности правила шахмат, включая конечную точку игры, шах и мат. Нужно подчеркнуть, что он смог бы достичь этого результата, даже не располагая возможностью запрашивать информацию. Означает ли все это, что наблюдатель «объяснил» поведение игроков? Мы бы скорее сказали, что он идентифицировал сложный паттерн избыточнос-

42

Глава 1. Система основных понятий

ти.³ Конечно, он мог бы, если бы был к этому склонен, приписать значение каждой отдельной фигуре и каждому правилу игры. На самом деле, он мог бы создать сложную мифологию, имеющую отношение к игре и ее «глубокому» или «истинному» значению, включая причудливые истории о происхождении игры, как это на самом деле было сделано. Но все это не нужно для изучения непосредственно игры, и подобные объяснения или построения мифологии имели бы

такое же отношение к шахматам, какое астрономия имеет к астрологии.⁴

Еще одна иллюстрация может подвести итог нашему обсуждению избыточности в прагматике человеческой коммуникации. Возможно, читатель знает, что компьютерное программирование состоит в том, чтобы организовать относительно небольшое количество определенных правил в некоторую последователь-

³ Такие сложные паттерны и паттерны внутри паттернов на межличностном уровне (в серии психотерапевтических интервью) были подробно изучены Шефленом (139). Его работа, первая в своем роде, не только показывает, что такие паттерны существуют, но и то, что по своей природе они на удивление повторяющиеся и структурированные.

⁴ То, что факт и его объяснение часто бывают никак не связаны между собой, было показано в недавнем эксперименте Бей-власа (20). Каждому испытуемому сообщалось, что он участвует в экспериментальном исследовании «формирования понятий» и выдавались одинаковые серые платы, относительно которых нужно было «формулировать понятия». В каждой паре испытуемых (наблюдаемых отдельно, но одновременно) одному восемь раз из десяти говорили, что то, что он сказал о плате, соответствует действительности (подтверждаемые высказывания отбирались случайно), «правильность» догадок другого подтверждали пять раз из десяти. Идеи испытуемого, «вознагражденного» с частотой 80 процентов остались на простом уровне, в то время как испытуемый, который был «вознагражден» только в 50 процентов случаев, развивал сложные, тонкие и глубокомысленные теории относительно платы, принимая во внимание самые крошечные подробности ее строения. Когда двух испытуемых познакомили друг с другом и просили обсудить свои открытия, испытуемый с более простыми идеями оказывался немедленно подавлен «блеском» идей второго и соглашался, что второй проанализировал плату более точно.

43

Психология межличностных коммуникаций
ность (программу), руководствуясь которой, компьютер способен совершать большое количество довольно гибких, повторяющихся операций. Абсолютно противоположное происходит, если, как было предложено выше, человек наблюдает за коммуникацией в поисках избыточности.

Наблюдая за определенной системой в действии, человек затем старается сделать выводы о законах, определяющих ее функционирование, ее «программу», пользуясь языком нашей компьютерной аналогии.

1.5

Метакоммуникация и понятие исчисления

Знание, полученное нашим гипотетическим наблюдателем, изучающим прагматическую избыточность поведенческого феномена «шахматная игра», обнаруживает существенное сходство с математическим понятием исчисления.

Исчисление, согласно Булю (31, р. 4), является «методом, основанным на использовании символов, которые подчиняются известным и общим законам комбинации, а результаты допускают непротиворечивую интерпретацию».

Мы уже намекали на то, что такое формальное представление возможно и в человеческой коммуникации, но в рассуждении об исчислении нам придется столкнуться с очевидными трудностями. Когда математика становится уже не инструментом, производящим вычисления, а сама является объектом исследования ученых, как, например, происходит при изучении логичности арифметики как системы, ученые используют язык, который является не частью математики, но позволяет говорить о математике. Вслед за Дэвидом Гильбертом (64) этот язык стали называть метаматематическим. Формальная структура математики – это исчисление, метаматематика – это выраженное исчисление. Нагель и

44

Глава 1. Система основных понятий

Ньюман показали различие между двумя этими понятиями с удивительной ясностью:

Трудно переоценить значимость определения различий между математикой и метаматематикой. Если этого не сделать, возникают парадоксы и путаница. Признание значимости этого разделения позволило ясно высветить логическую структуру математического рассуждения. Достоинство этого разделения в том, что оно ведет за собой тщательную кодификацию различных знаков, участвующих в формальных исчислениях, и освобождает от скрытых допущений и некорректного приписывания значений. Кроме того, оно требует точных определений операций и логических правил математических конструкций и дедукции, многие из которых математики применяли, не

зная точно, что же именно они используют⁰⁸, р. 32; курсив наш).

Когда мы используем коммуникацию не ради коммуникации, а для того, чтобы рассуждать о коммуникации, как это неизбежно происходит в исследовании коммуникации, мы используем понятия, которые являются не частью коммуникации, но позволяют говорить о ней. По аналогии с метаматематикой мы называем это метакоммуникацией. В отличие от метаматематики, изучение метакоммуникации сталкивается с двумя серьезными препятствиями. Первое состоит в том, что в области человеческой коммуникации не существует пока ничего похожего на формальную систему исчисления. Как будет скоро показано, эта трудность не делает понятие метакоммуникации бесполезным. Вторая трудность тесно связана с первой: в то время как математики располагают двумя языками (числами и алгебраическими символами, чтобы выразить математику, и обычным языком для выражения метаматематики), нам приходится ограничиваться использованием обычного языка как для коммуникации, так и для метакоммуникации. Мы снова и снова будем сталкиваться с этой проблемой в ходе нашего рассуждения.

45

Психология межличностных коммуникаций

А в этом случае, если определение характеристик такого исчисления — дело, вероятно, весьма отдаленного будущего, зачем нужно использовать понятие об исчислении человеческой коммуникации? По нашему мнению, польза заключается в том, что само по себе понятие — это действенный способ смоделировать природу изучаемого феномена и подняться на более высокий уровень абстрагирования. Давайте суммируем: мы ищем прагматическую избыточность, мы знаем, что это не простые, статичные величины или качества, а паттерны взаимодействия, аналогичные математическому понятию функции; и, наконец, мы предполагаем, что эти паттерны обладают характеристиками, свойственными всем целенаправленным системам; системам, управляемым рассогласованием. Таким образом, если, помня об этих предпосылках, мы тщательно исследуем цепи коммуникации между двумя или более ее участниками, мы получим результаты, которые, конечно, не смогут еще претендовать на звание формальной системы, но которые

по своей природе будут являться аксиомами и теоремами исчисления.

В уже цитированной работе Нагель и Ньюман проводят аналогию между игрой в шахматы и формализованным математическим исчислением. Они объясняют, как фигуры и квадраты доски соотносятся с элементарными знаками исчисления; предписанные позиции фигур на доске — с формулами исчисления; начальные позиции фигур на доске — с аксиомами или первоначальными формулами исчисления; последующие позиции фигур на доске — с формулами, выводимыми из аксиом (например, с теоремами), а правила игры — с правилами умозаключения (или вывода) результатов исчисления (108, р. 35). Они продолжают, показывая, что положение фигур на доске само по себе «бессмысленно», в то

48

Глава 1. Система основных понятий

время как утверждения об этих положениях являются вполне осмысленными. Формулировки этого уровня абстракции так описаны этими авторами:

...исходя из конечного количества допустимых положений на шахматной доске, можно доказать общие «меташахматные» теоремы. Таким образом, можно вывести теорему о количестве возможных первых ходов белых, а также «меташахматную» теорему, согласно которой, если у белых есть только два коня и король, а у черных — только король, то белые не смогут поставить мат черным (108, р. 35).

Мы столь подробно процитировали эту аналогию потому, что она иллюстрирует понятие исчисления не только в метаматематике, но также и в метакоммуникации. Если мы расширим эту аналогию так, чтобы включить двоих игроков, мы будем изучать уже не абстрактную игру, а, скорее, систему человеческого взаимодействия, которая строго управляется сложно организованной совокупностью правил. Единственное различие состоит в том, что мы бы предпочли употреблять термин «формально неразрешимый» вместо «бессмысленный», когда речь идет об отдельном поведенческом акте (например, «ходе» в аналогии с игрой). Такой поведенческий акт, а, может быть вызван повышением квартплаты, эдиповым комплексом, употреблением алкоголя или градом, и любые споры о том, какая из этих причин является «истинной» напоминают схоластические дискуссии о том, какого пола ангелы. До тех пор, пока человеческая психика недоступна

стороннему наблюдению, умозаключения и самоотчеты — это все, чем нам приходится довольствоваться, хотя их невысокая надежность, увы, хорошо известна. Однако, если мы замечаем, что поведение *a* — неважно, какой причиной оно вызвано — одного участника коммуникации вызывает поведение *b*, *c*, *d* или *e* у другого, в то время

47

Психология межличностных коммуникаций как поведение *x*, *y* или *z* явно не допускается, мы можем постулировать метакоммуникационную теорему. Мы полагаем, что все взаимодействие можно описать в терминах аналогии с игрой, то есть вся последовательность «ходов» строго управляется правилами, причем совершенно неважно, насколько участники коммуникации осведомлены об этих правилах, главное, что о них можно сделать поддающиеся ясной интерпретации метакоммуникационные выводы. Это означает, что, как предполагалось в параграфе 1.4, существует пока не объясненное исчисление прагматики человеческой коммуникации, правила которой соблюдаются в успешной и не выполняются в нарушенной коммуникации. Существование такого исчисления можно, на современном уровне наших знаний, сравнить со звездой, существование и положение которой известно благодаря теоретической астрономии, но которая еще не открыта обсерваториями.

1.6

Заклучение

Если мы посмотрим теперь на человеческую коммуникацию, помня о вышеизложенных критериях, несколько концептуальных изменений станут очевидными. Они будут описаны кратко в контексте психопатологии. Эта ссылка на психопатологию не означает, что эти выводы верны только здесь, просто в этой области они кажутся нам особенно важными и очевидными.

1.

В то время, как само существование психики человека отвергается некоторыми радикально настроен-

48

Глава 1. Система основных понятий

ными мыслителями, исследование феноменов психики, как это печально известно всем исследователям, работающим в этой области, невероятно сложно из-за невозможности найти архимедову точку опоры за пределами психики. Много больше, чем остальные дисциплины, психология и психиатрия в конечном счете саморефлексивны: субъект и

объект – это одно и то же, разум познает самое себя, и любые умозаключения характеризуются неизбежной тенденцией к самоподтверждению. Невозможность увидеть психику «за работой» привела в последние годы к заимствованию из сферы телекоммуникации понятия о черном ящике. Изначально применяемая к некоторым видам захваченного вражеского электронного оборудования, которое нельзя было открыть из-за опасения, что внутри может оказаться взрывное устройство, эта концепция более широко приложима к тому факту, что электронное оборудование сейчас настолько сложно, что иногда целесообразнее пренебречь внутренним устройством приспособления и сосредоточиться на изучении его специфических связей ввода-вывода. Хотя можно сказать, что иногда изучение этих связей позволяет сделать выводы о том, что же «на самом деле» происходит внутри ящика, это знание несущественно для изучения *функций устройства в системе более высокого порядка, частью которого оно является*. Если применить эту концепцию к проблемам психологического и психиатрического характера, мы получим эвристическое преимущество, заключающееся в том, что не нужно использовать интрапсихические гипотезы, которые в конечном итоге невозможно подтвердить, и что можно ограничиться доступными наблюдениями связями ввода-вывода, т. е. *коммуникацией*. Этот подход, как мы полагаем, характеризует появившуюся недавно в психиатрии тенденцию рассматривать симптомы как особый вид информации, вводимой в семейную систему, а не как выражение интрапси-хических конфликтов.

49

Психология межличностных коммуникаций

1.62 Сознательное и бессознательное

Если рассматривать поведение человека в рамках представления о черном ящике, то информация на выходе из одного черного ящика будет являться входной информацией для другого. Вопрос, является ли этот информационный обмен сознательным или бессознательным, теряет ту первостепенную значимость, которая придавалась ему в психодинамической теории. Если мы сосредоточиваем свое внимание на реакциях на определенное поведенческое проявление, нам неважно, рассматривается ли это поведение как сознательное или неосознанное, произвольное или непроизвольное, или симптоматическое. Если кому-то наступили на ногу, ему

очень важно знать, было ли это сделано случайно или преднамеренно. Это видение, однако, основывается на его оценке мотивов другого человека, и, следовательно, на предположении о том, что происходит у наступившего в голове. И, конечно, если бы наш герой спросил другого, он все же не мог бы быть полностью уверенным в его мотивах, поскольку тот мог бы утверждать, что его поведение было неосознанным, в то время как оно было умышленным, и наоборот, он мог бы утверждать, что наступил на ногу нарочно, хотя на самом деле это произошло случайно. Все это снова возвращает нас к проблеме приписывания «значений», которое играет важную роль в субъективном переживании опыта коммуникации с другими людьми, но которое является, как мы обнаружили, совершенно неприменимым для научного анализа человеческой коммуникации.

1.63 Настоящее и прошлое

Хотя несомненно, что поведение, по крайней мере, частично, определяется прошлым опытом, по-
50

Глава 1. Система основных понятий

иск причин в прошлом, как это печально известно, совершенно ненадежен. Размышления Эшби о странности такого понятия, как «память», были процитированы выше. Причина этого не только в том, что мы вынуждены опираться на субъективные данные, которые, вполне возможно, страдают теми же искажениями, которых мы стремимся избежать. Дело еще и в том, что то, что человек А рассказывает о своем прошлом человеку В, неразрывно связано и определяется нынешними отношениями между этими двумя людьми. Если, с другой стороны, коммуникация между личностью и ее значимыми другими подвергается непосредственному наблюдению, как было предложено в аналогии с шахматами или как это делается в терапии супружеских пар или целых семей, то можно идентифицировать паттерны коммуникации, которые являются диагностически важными и позволяют спланировать наиболее эффективную стратегию терапевтического вмешательства. Таким образом, этот подход заключается, скорее, в поиске паттернов здесь и теперь, а не сосредоточивается на символическом значении, возможных причинах или мотивации.

1.64 Следствие и причина

Если продолжить рассмотрение в этом ключе, то в том случае, когда речь идет о взаимодействии тесно

связанных между собой индивидов, возможные или гипотетические причины поведения отходят на второй план, а первостепенную значимость приобретают реальные эффекты поведения. Например, снова и снова можно наблюдать, как симптом, остававшийся неподдающимся терапии, несмотря на интенсивный анализ его происхождения, неожиданно обнаруживает свою значимость в контексте семейных взаимоотношений пациента со своей или своим супругом (супругой). Таким образом, симптом может проявлять-

51

Психология межличностных коммуникаций
ся как правило «игры»⁵ в их межличностных отношениях, а не как результат неразрешенного конфликта гипотетических интрапсихических сил. В общем, нам представляется, что симптом – это поведенческое проявление, оказывающее сильное влияние на окружение пациента. Из этого можно сделать практический вывод: там, где на вопрос «почему» о каком-то поведенческом проявлении невозможно дать вразумительного ответа, важную информацию может дать ответ на вопрос «зачем».

1.65 Кругообразность паттернов коммуникации

Все части организма образуют круг. Поэтому каждая часть является и началом, и концом.

Гиппократ

В то время как в линейной, последовательной цепи причинности можно осмысленно рассуждать о начале и конце этой цепочки, эти понятия теряют всякий смысл в системах с петлями обратной связи. У круга нет ни начала, ни конца. Размышляя в рамках подхода к таким системам, мы отходим от представления о том, что, скажем, событие *a* происходит первым, а событие *б* определяется присутствием *a*, поскольку исходя из той же ошибочной логики можно заключить, что событие *б* предшествует *a*, в зависимости от того, где будет решено разорвать круг. Но, как будет показано в следующей главе, эта ошибочная логика все еще используется в изучении человеческого взаимодействия, когда считается, что и индивид *A*, и индивид *B* только реагируют на поведение партнера, без

⁵ В данной книге термин «игра» заимствуется из математической теории игр, и обозначает последовательность поведения, управляющегося правилами,

52

Глава 1. Система основных понятий

осознания того, что они оба, в свою очередь, оказывают влияние на партнера посредством своей реакции. Подобная аргументация используется и в безнадежном споре о том, является ли коммуникация в данной семье патологической потому, что один из ее членов – психотик, или один из ее членов психотик потому, что коммуникация является патологической.

1.66 Относительность «нормального» и «аномального»
Самые первые психиатрические исследования проводились в клиниках для душевнобольных, и их целью была классификация пациентов. Такой подход имеет определенную практическую ценность, в частности, именно благодаря ему были открыты некоторые органические нарушения, например, общий паралич. Следующим практическим шагом было оформление выявленных концептуальных различий между нормой и патологией в рамках использования узаконенной терминологии, в результате появились понятия «психическое здоровье» и «психическое отклонение». Однако, если мы считаем, что с точки зрения коммуникационного подхода поведенческое проявление может изучаться только в том контексте, в котором оно происходит, эти термины практически теряют свой смысл, если использовать их по отношению к индивидам. Таким же образом и само понятие аномалии становится сомнительным. Сейчас общепризнано, что состояние пациента не статично, оно зависит как от ситуации в межличностных отношениях, так и от настроения наблюдателя. Когда, далее, психиатрические симптомы рассматриваются как поведение, соответствующее происходящим взаимодействиям, появляется структура анализа, противоположная той, что используется в традиционной психиатрии. Значимость такого смещения акцентов переоценить трудно. Так, «шизофрения», рассматриваемая как не-

53

Психология межличностных коммуникаций
излечимое и прогрессирующее заболевание личности, и «шизофрения», рассматриваемая как *единственно* возможная реакция на абсурдную или непригодную для существования коммуникационную среду (реакция, которая следует за правилами этой среды, и, соответственно, их закрепляет) – это две совершенно разные вещи, и эта разница обусловлена несовместимостью двух концептуальных схем, хотя клиническая картина, к которой могут применяться обе эти схемы, одна и та же. Этиологические и

терапевтические следствия из этих двух разных посылок также совершенно различны, и поэтому наш интерес к изучению и подчеркиванию значимости коммуникационного подхода — это вовсе не отвлеченная игра ума.

Глава 2.

АКСИОМЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

2.1

Вступление

Выводы, к которым мы пришли в первой главе, подчеркнули несовместимость многих традиционных психиатрических понятий с предлагаемой нами концепцией. Может показаться даже, что изучению прагматики человеческой коммуникации практически не на чем базироваться. Мы хотим показать, что это не так. Чтобы сделать это, нам придется начать с описания некоторых простых свойств коммуникации, которые имеют большое прикладное значение в контексте межличностного взаимодействия. На самом деле, по своей природе эти свойства являются аксиомами в рамках нашего гипотетического исчисления человеческой коммуникации. Определив эти свойства, мы сможем перейти к рассмотрению их возможных патологических нарушений в главе 3.

2.2

Невозможность отсутствия коммуникации

2.21

Прежде всего, у поведения есть свойство, которое является настолько базовым, что часто упускается —

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

стся из виду: у поведения нет противоположности. Другими словами, не существует такой вещи, как не-поведение, или, еще упрощая, у человека не может не быть поведения. Далее, если мы признаем, что любое поведение в ситуации взаимодействия¹ обладает информационной ценностью, т. е. является коммуникацией, становится очевидным, что как бы человек ни старался, он не может не вступать в коммуникацию. Активность или пассивность, слова или молчание — все это передает информацию: влияет на других людей, которые, в свою очередь, не могут не ответить на эту коммуникацию и,

следовательно, сами в нее вступают. Необходимо ясно понимать, что если люди просто не разговаривают друг с другом, или не обращают друг на друга внимания, это вовсе не опровергает утверждения, сделанные выше. Человек у стойки бара, который смотрит прямо вперед, пассажир, сидящий в самолете с закрытыми глазами, — оба они ясно сообщают, что не хотят ни с кем разговаривать, и окружающие обычно прекрасно понимают эти сообщения и оставляют их в покое. Очевидно, что это такая же коммуникация, как и оживленная дискуссия.²

¹ Можно было бы добавить, что также возможно вести воображаемые диалоги, вступать в разговоры с собственными галлюцинациями (15), или с жизнью вообще (см. 8.3). Наверное, такая внутренняя «коммуникация» управляется теми же законами, что и коммуникация межличностная, однако, такие феномены, недоступные внешнему наблюдению, выходят за рамки нашего представления об этом понятии.

² Очень интересное исследование в этой области было проведено Люфтом (98), который изучал то, что он называет «депривацией социальных стимулов». Он посадил двух незнакомых людей в комнате друг напротив друга и велел им «не разговаривать и не общаться никаким другим способом». Последующие беседы выявили высоко стрессогенный характер такой ситуации. Цитируем автора:

...перед ним была еще одна уникальная личность, демонстрирующая непрекращающееся, хотя и безмолвное, поведение. Здесь необходимо отметить, что, как мы полагаем, происходит своеобразное межличностное апробирование, которое лишь частично

57

Психология межличностных коммуникаций

Также мы не можем сказать, что «коммуникация» имеет место, только когда она произвольна, осознанна и успешна, т. е. когда достигается взаимное понимание. Соответствует ли посланное сообщение сообщению полученному — вопрос важный, но относящийся к анализу другого порядка, поскольку здесь бы нам пришлось опираться на оценку особых субъективных данных интроспекции, которых мы, разрабатывая поведенческую теорию коммуникации, стараемся избегать. Наш интерес к неправильному пониманию будет связан с развитием некоторых видов патологии, что происходит помимо, а в

действительности вопреки мотивации или намерениям участников коммуникации.

2.22

Выше термин «коммуникация» употреблялся в двух смыслах: как общий заголовок нашего исследования и как некое, неточно определенное, поведенческое проявление. Пришло время предложить более четкое определение. Мы будем продолжать называть прагматический аспект теории человеческой коммуникации просто «коммуникацией». Для различных же элементов коммуникации (поведения) мы решили использовать термины, которые являются общепринятыми. Отдельный элемент коммуникации мы будем называть *сообщением* или, там, где это не приведет к путанице, *одной коммуникацией*. Серию сообщений, обмен которыми происходит между людьми, мы будем называть *взаимодействием*. (Для тех, кто любит более точные определения, мы можем только ска-

осознанно. Например, как другой человек отреагирует на него и на те маленькие невербальные сигналы, которые он посылает? Встретит ли понимание его вопросительный взгляд или будет холодно проигнорирован? Проявляется ли в осанке другого напряжение, выдающее его неудобство? Чувствует ли он себя комфортнее, ощущая свою значимость, или же к нему отнесутся как к пустому месту? Существует еще много видов легко различаемого поведения, возможного в подобной ситуации...

58

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

зять что последовательность, которую мы называем словом «взаимодействие», содержит в себе больше, чем одно сообщение, но не бесконечное их множество.) Наконец, в главах 4–6 мы добавим понятие *паттерна коммуникации*, который представляет элементы еще более высокого уровня человеческой коммуникации.

Далее, если мы говорим даже о простейшем элементе, очевидно, что, поскольку мы все поведение считаем коммуникацией, мы будем иметь дело не с монофоническим сообщением, а, скорее, с подвижным и многогранным образованием множества поведенческих форм — вербальных, интонационных, пантомимических, контекстуальных — каждое из которых влияет на значение всех остальных. Различные составляющие этого образования (рассматриваемого как целое) способны к совершенно разным и сложным перемещениям, варьируя от конгруэнтности до неконгруэнтности и даже

противоположности. Нас будет интересовать прагматический эффект этих комбинаций в ситуациях межличностного взаимодействия.

2.23

Невозможность отсутствия коммуникации – это феномен, интересный не только с теоретической точки зрения. Это, например, часть так называемой «дилеммы» шизофрении. Если мы понаблюдаем за поведением шизофреника, не думая об этиологии, нам будет казаться, что шизофреник старается не вступать в коммуникацию. Но поскольку даже бессмыслицы, молчание, уход, неподвижность (телесная немота) или любая другая форма отказа сама по себе является коммуникацией, шизофреник сталкивается с невыполнимой задачей отрицания, того что он вступил в коммуникацию, в то же самое время отрицая, что его отказ является коммуникацией. Осознание этой базовой дилеммы шизофрении является ключом к пониманию многих аспектов шизофренической коммуникации, которые в противном случае остаются непонятыми. По-

59

Психология межличностных коммуникаций
сколько любая коммуникация, как мы увидим, подразумевает передачу информации и в связи с этим определяет видение отправителем его отношений с получателем, можно предположить, что шизофреник ведет себя так, как будто он старается избежать этой передачи с помощью избегания коммуникации. Мы не можем установить, является ли это действительно его целью, но эффект такого поведения шизофреника подробно будет рассмотрен в параграфе 3.2.

2.24

Итак, обобщая, мы можем сформулировать мета-коммуникационную аксиому прагматики коммуникации: *не вступать в коммуникацию невозможно.*

2.3

Коммуникация: уровень содержания и уровень отношения

2.31

Выше мы упомянули еще одну аксиому, когда говорили, что любая коммуникация подразумевает передачу информации и поэтому определяет отношения. Другими словами, коммуникация не только передает информацию, но в то же время детерминирует поведение. Вслед за Бейтсоном (132, pp. 179–181) эти две операции называют «описательным» и «побудительным» аспектом коммуникации. Бейтсон иллюстрирует эти два аспекта, приводя физиологическую

аналогию: пусть *A*, *B*, *C* образуют линейную цепь нейронов. Тогда возбуждение нейрона *B* – это и «описание» того, что нейрон *A* находится в возбуждении, и «команда» для нейрона *C* также прийти в состояние возбуждения.

Описательный аспект сообщения передает информацию и является поэтому синонимом *содержания*

60

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации сообщения, когда речь идет о человеческой коммуникации. Это может быть все что угодно, все, что поддается передаче, неважно, является ли данная информация правдивой, ложной, надежной, неправильной или неразрешимой. Побудительный аспект, с другой стороны, касается того, какого рода эта информация, как ее нужно воспринять, и поэтому практически полностью относится к *взаимоотношениям* между людьми, находящимися в коммуникации. Смысл всех подобных утверждений сводится к одному или нескольким из нижеследующего: «Вот как я вижу себя... вот так я вижу тебя... вот так я вижу твое представление обо мне» и так далее до бесконечности. Так, например, сообщения «Нужно отпускать сцепление мягко и постепенно» и «Только отпусти сцепление, и коробка передач полетит к черту» несут приблизительно одну и ту же информационную нагрузку (описательный аспект), но очевидно, что они определяют совершенно разные взаимоотношения. Чтобы избежать любого непонимания вышеизложенного материала, нужно прояснить, что отношения лишь иногда определяются полностью осознанно. На самом деле, чем более спонтанны и «здоровы» отношения, тем более аспект отношений отходит на второй план. Напротив, «нездоровые» отношения характеризуются тем, что за природу отношений идет постоянная борьба, а содержательный аспект коммуникации становится все менее и менее важным.

2.32

Интересно, что еще до того, как исследователи поведения начали задумываться об этих аспектах человеческой коммуникации, инженеры-компьютерщики столкнулись в своей работе с похожими проблемами. Они поняли, что при общении с искусственным организмом необходимо, чтобы коммуникация содержала как описательный, так и побудительный аспект. Например, если компьютер должен перемножить два

Психология межличностных коммуникаций
 числа, ему нужно дать эту информацию (два числа) и
 информацию об этой информации: «перемножь их». Для нас
 важно рассмотреть взаимоотношения между описательным
 (содержание) и побудительным (отношения) аспектами
 коммуникации. По существу, мы определили это еще в
 предыдущем абзаце, когда сказали, что компьютеру нужна
информация (данные) и *информация об этой информации*
 (инструкции). Понятно, что инструкции принадлежат к
 более высокому логическому уровню, чем данные; они
 являются *метаинформацией*, поскольку представляют собой
 информацию об информации, или любое их смешение привело
 бы к получению бессмысленного результата.

2.33

Если мы вернемся теперь к человеческой коммуникации, мы
 увидим, что те же отношения существуют между
 описательным и побудительным аспектами: первый передает
 «данные» коммуникации, а второй то, как эта
 коммуникация должна быть воспринята. «Это приказ» и «Я
 просто шучу» — речевые примеры таких коммуникаций о
 коммуникации. Отношение также может быть выражено
 невербально с помощью крика или улыбки, или ряда других
 способов. Также можно ясно понять характер отношений из
 контекста, в котором происходит коммуникация, например,
 между военнослужащими в форме или на арене цирка.
 Читатель заметит, что аспект отношений, являясь
 коммуникацией о коммуникации, является, конечно, тем же
 самым, что и понятие о метакоммуникации, разработанное
 в первой главе, где оно было ограничено рамками
 понятийной структуры и особым языком, который должен
 использовать исследователь коммуникации, вступая в
 коммуникацию по поводу коммуникации. Теперь можно
 увидеть, что не только такой исследователь, а любой
 человек сталкивается с этой проблемой. Способность к
 метакоммуникации — это не только *conditio sine qua* поп
 успеш-62

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации
 ной коммуникации, она тесно связана с многочисленными
 проблемами осознания себя и других. Мы детально
 рассмотрим этот вопрос в параграфе 3.3, а в данный
 момент мы хотим только показать, что сообщения,
 особенно в письменной коммуникации, могут быть
 составлены с высокой долей метакоммуникационной
 амбивалентности. Как утверждает Черри (34, p. 120),

предложение «Ты думаешь, что он сделает?» может иметь множество различных значений в зависимости от того, на какое слово будет поставлено ударение, что не характерно для письменной речи. Другим примером может стать объявление в ресторане, которое гласит: «Официантам грубить посетителям строго запрещено». Это объявление, по крайней мере теоретически, можно наделить двумя, совершенно противоположными, смыслами. Двусмысленности подобного рода – это далеко не все сложности, вытекающие из двухуровневой структуры коммуникации; как вам, например, объявление, на котором написано: «Не обращайтесь внимания на этот знак»? Как мы увидим в главе, посвященной парадоксальной коммуникации, путаница и неразбериха между двумя этими уровнями – коммуникацией и метакоммуникацией – может приводить к тупиковым ситуациям, по своей структуре аналогичным знаменитым логическим парадоксам.

2.34

Давайте сейчас просто обобщим все вышесказанное и сформулируем еще одну аксиому нашего экспериментального исчисления: *Каждая коммуникация содержит содержательный аспект и аспект отношений, так, что последний систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией.*³

Мы решили утверждать, что отношение систематизирует или классифицирует содержательный аспект, хотя с точки зрения логического анализа абсолютно правильным было бы сказать, что

63

Психология межличностных коммуникаций

2.4 Пунктуация последовательности событий

2.41

Следующая базовая характеристика коммуникации, которую мы хотим рассмотреть, касается взаимодействия – обмена сообщениями между коммуникантами. Внешнему наблюдателю *серия коммуникаций представляется как непрерываемая последовательность взаимообменов.* Однако участники взаимодействия всегда используют то, что Уорф (165), Бейтсон и Джексон называли «пунктуацией последовательности событий». Они утверждают: Психолог, занимающийся изучением стимула-реакции, обычно настолько сужает поле своего внимания к проблемам последовательности обмена, что становится возможным один из элементов информации на входе назвать «стимулом», другой – «подкреплением», а то, что субъект

делает между двумя этими событиями — «реакцией». И на основе такой урезанной последовательности считается возможным рассуждать о «психологии» субъекта. Напротив, та последовательность обмена, о которой мы здесь ведем речь, гораздо длиннее и поэтому обладает особенностью, которая заключается в том, что каждый ее элемент является одновременно и стимулом, и подкреплением, и реакцией. Данный элемент поведения, ⁴ является стимулом, поскольку за ним следует элемент, привносимый В, а за ним — еще один класс определяется объектами, его составляющими, и, следовательно, можно заключить, что содержательный аспект определяет аспект отношений, Но поскольку главный предмет нашего интереса — не информационный обмен, а прагматика коммуникации, мы будем использовать первый подход.

64

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

элемент, привносимый А. Но поскольку элемент А находится между двумя элементами, привносимыми В, он является реакцией. В то же время элемент А является подкреплением, поскольку он следует за элементом, привносимым В. Описываемые здесь обмены образуют, таким образом, цепь из находящихся друг на друга триадических звеньев, каждое из которых сравнимо с последовательностью стимул—реакция—подкрепление. Мы можем взять любую триаду нашего обмена и рассмотреть ее как отдельный опыт в эксперименте по стимульно-реактивно-му обучению.

Если мы посмотрим на какой-либо эксперимент по условно-рефлекторному научению с этой точки зрения, то тотчас же заметим, что повторяющиеся пробы выявляют дифференциацию отношений двух организмов — экспериментатора и его испытуемого. Последовательность попыток организована таким образом, что кажется, что экспериментатор всегда предоставляет «стимулы» и «подкрепления», в то время как испытуемый предоставляет «реакции». Эти слова намеренно взяты здесь в кавычки, потому что распределение ролей происходит фактически только благодаря желанию организмов принять такую систему чередования. «Реальность» определения ролей примерно такого же порядка, что и реальность летучей мыши на карточке из теста Рор-шаха — т. е. в большей или меньшей степени результат действия перцептивных процессов. Крыса, которая говорит: «Я выработала навыку

своего экспериментатора. Каждый раз, когда я нажимаю на рычаг, он дает мне еду» отказывается принять пунктуацию последовательности, которую старается установить экспериментатор.

На самом деле, однако, в длительной последовательности обмена организмы, особенно если это

3 Психология

65

Психология межличностных коммуникаций

люди, так организуют свое взаимодействие, что один из них или другой будет доминирующим, инициативным, зависимым или что-нибудь еще в этом роде. То есть они установят между собой такие паттерны обмена (относительно которых согласие может быть достигнуто, а может быть, и нет) и эти паттерны будут фактически правилами обмена подкреплениями. Наклеивать разные ярлыки очень легко на крыс, но далеко не всегда мы можем поступить точно так же с пациентами психиатрических клиник, и для некоторых терапевтов это настоящая психологическая травма (19, pp. 273–274). Мы не пытаемся определить, является ли пунктуация коммуникационной последовательности, говоря в общем, хорошей или плохой, однако очевидно, что она организует поведенческие события и поэтому оказывает существенное влияние на происходящее взаимодействие. В каждой культуре существует множество пунктуационных норм, они не лучше и не хуже других способов оценивания происходящих событий, просто они помогают организовать коммуникационные последовательности. Например, мы называем человека, придерживающегося одной стратегии поведения в группе, «лидером» а другого человека – «ведомым», хотя, если поразмыслить, трудно сказать, кто из них является первым, или каким было бы поведение одного без другого.

2.42

Несогласие относительно пунктуации последовательности событий лежит в основе возникновения бесконечных проблем во взаимоотношениях. Предположим, у пары есть проблема в супружеских отношениях, причем его стратегия – это пассивное избегание, а она реагирует постоянным ворчанием и придирками. Пытаясь объяснить свою неудовлетворенность, муж будет утверждать, что его избегание – это только *защи-*

66

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

та от ее нападков, в то время как она будет называть его объяснения грубым и умышленным искажением того, что на «самом деле» происходит в их браке, а именно, она будет доказывать, что ворчит, потому что он пассивен.

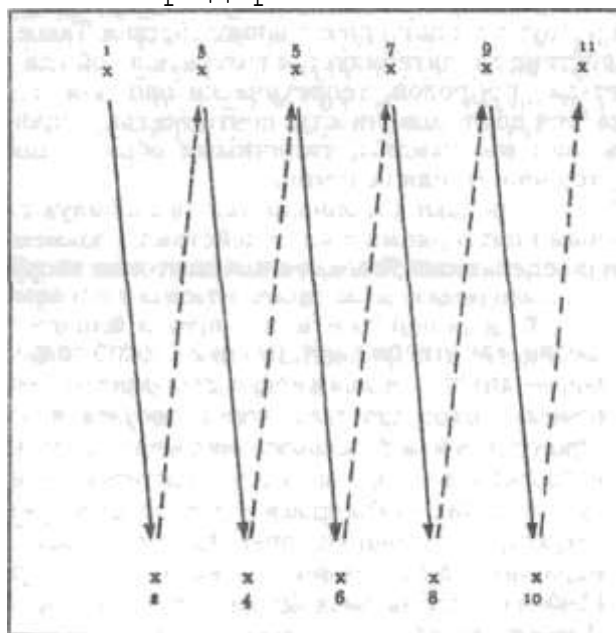
Освобожденные от всех мимолетных и случайных элементов, их ссоры состоят из однообразного обмена посланиями «Я избегаю, потому что ты придираешься» и «Я придираюсь, потому что ты избегаешь». Мы уже упоминали о таком типе коммуникации в параграфе 1.65. Если изобразить их взаимодействие, случайно выбрав начальную точку, то получится примерно следующее:

Наверху — «муж»

Внизу — «жена»

сплошные стрелки — «избегание»

пунктирные стрелки — «придирки».

Психологин межличностных коммуникаций

Можно заметить, что муж воспринимает только триады 2-3-4, 4-5-6, 6-7-8 и т. д., где его поведение (сплошные стрелки) — это «просто» ответ на ее поведение (пунктирные линии). С ней дело обстоит как раз наоборот; она организует последовательность событий в триады 1-2-3, 3-4-5, 5-6-7 и т. д., и считает, что она только реагирует на поведение мужа, а никак не определяет его. При проведении совместной семейной терапии часто приходится просто поражаться тому, насколько сильно проявляется то, что в традиционной психотерапии назвали бы «искажением реальности» относительно ролей обеих сторон. Часто трудно поверить, что у двух личностей может быть настолько разное видение одной и той же части совместного опыта. Эта

проблема лежит в той же области, о которой мы уже упоминали: речь идет о неспособности людей к метакommunikации относительно их соответствующих паттернов взаимодействия. Такое взаимодействие характеризуется колебательной «да-нет-да-нет-да» природой, теоретически оно может продолжаться до бесконечности, почти всегда сопровождаясь, как мы увидим, типичными обвинениями в развращенности или безумии.

Международные отношения также изобилуют аналогичными паттернами взаимодействия; возьмем для примера сделанный Джоадам анализ гонки вооружений:

...если, как утверждают, лучший способ сохранить мир — это готовиться к войне, совершенно неясно, почему все государства считают вооружения других стран угрозой мира. Однако они считают именно так и, соответственно, стараются нарастить свою военную мощь так, чтобы превзойти уровень вооружений тех, кто, по их мнению, представляет угрозу... Эти наращенные вооружения также, в свою очередь, начинают рассматриваться как угроза государством А, чьи якобы оборонные вооружения и спровоциро-68

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

вали рост вооружений в других странах. Воспользовавшись таким предлогом, страна А накапливает еще более мощный запас оружия, чтобы защитить себя от угрозы. Эти возросшие вооружения, в свою очередь, воспринимаются соседними странами как угроза своей безопасности, и т. д.... (79, р. 69).

2.43

И снова математика может предоставить нам наглядную аналогию — понятие «бесконечный ряд знакопеременных». Хотя сам термин был предложен много позже, ряды такого рода впервые были детально изучены австрийским священником Бернардом Боль-цано незадолго до его смерти в 1848 году, когда, видимо, он был очень увлечен идеей бесконечности. Его мысли были посмертно опубликованы в маленькой книге, озаглавленной «Парадоксы бесконечности» (30), которая стала классикой математической литературы. В этой работе Больцано изучает различные виды рядов (S), простейший из которых, наверное, следующий:

$$S = a - a + a - a + a - a + a - a + a - a + a - a + \dots$$

Для наших целей можно представить, что этот ряд выражает коммуникационную последовательность

утверждений и отрицаний сообщения a . Далее, как показывает Больцано, эта последовательность может быть сгруппирована, или, как мы бы сказали, организована несколькими различными, но арифметическими корректными способами.⁴ Результатом будет

⁴ Возможны три следующие группировки („пунктуации“): $S = (a-a) + (a-a) + \{a-a\} + \dots = 0+0+0+\dots = 0$.

Можно по-другому сгруппировать элементы этой последовательности:

$S = a - (a-a) - (a-a) - \dots = a - 0 - 0 - 0 \dots = a$.

69

Психология межличностных коммуникаций
 различный предел ряда в зависимости от способа пунктуации последовательности его элементов. Полученный Больцано результат привел в шок многих математиков, включая Лейбница. К несчастью, разрешение этого парадокса, предложенное Больцано, не имеет ничего общего с аналогичной коммуникационной дилеммой. Там, по словам Бейтсона (17), проблема возникает из-за неправильного представления об организации ряда, а именно из-за ложного убеждения, что у него есть начало; именно это и является ошибкой участников подобного взаимодействия.

2.44

Таким образом, мы добавляем третью метакоммуникационную аксиому: *Природа отношений зависит от пунктуации коммуникационных последовательностей между коммуникантами.*

2.5

Цифровая и аналогическая коммуникация

2.51

В центральной нервной системе функциональные единицы (нейроны) получают так называемые информационные блоки через соединительные элементы (синапсы). Прибыв на синапсы, эти «блоки» порождают возбуждающие или тормозящие постсинаптические потенциалы, которые обобщаются нейроном, и

Еще один вариант:

$S = a - (a - a + a - a + a - a + \dots)$, а поскольку элементы в скобках представляют собой данный ряд, значит $S = a - S$. Следовательно, $2aS = a$ и $S = a/2$ (30, pp. 49–50).

70

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

вызывают либо тормозят его возбуждение. Эта особая часть деятельности нервной системы, состоящая в возбуждении или отсутствии возбуждения, проводит, таким образом, двоичную цифровую информацию. Гуморальная система, с другой стороны, не основывается на оцифровывании информации. Эта система передает информацию, выбрасывая различные количества особых веществ в кровеносную систему. Известно, что нервная и гормональная системы коммуникации внутри организма не просто существуют бок о бок, они взаимно дополняют друг друга и зависят друг от друга, часто очень сложным образом. Те же две базовые модели коммуникации можно обнаружить в работе приспособлений, созданных руками человека:⁵ существуют компьютеры, которые используют принцип дихотомии электронных ламп или транзисторов и называются *цифровыми*, потому что в своей основе они вычислители и работают с цифрами; и существует другой класс машин, которые манипулируют дискретными положительными величинами – аналогами фактов – и поэтому называются *аналогическими*. В цифровых компьютерах как данные, так и инструкции преобразуются в форму чисел,

⁵ Интересно, что существует основание полагать, что инженеры-компьютерщики пришли к этому результату совершенно независимо от того, что физиологи уже знали в это время. Этот факт сам по себе является прекрасной иллюстрацией утверждения фон Бергаланфи (25), который говорил, что сложные системы обладают своей собственной неотъемлемой закономерностью, которую можно проследить на различных системных уровнях, например, атомном, молекулярном, клеточном, организменном, индивидуальном, социальном и т. д. Эта история имела место на одном междисциплинарном собрании ученых, интересующихся проблемой обратной связи (возможно, это было на одном из собраний Фонда Джозия Мэйси). Великому гистологу фон Бонину показали электросхему приспособления, осуществляющего выборочное чтение, и он тотчас воскликнул: «Да ведь это же схема третьего слоя зрительной коры...» Мы не можем поручиться, что так было на самом деле, но, как говорится в итальянской пословице «*se pop e vero, e ben trovato*» (даже если это и неправда, история стоит того, чтобы ее рассказать).

так что часто, особенно в случае инструкций, существует лишь произвольная связь между определенной информацией и ее цифровым выражением. Другими словами, этим числам произвольно приписываются кодовые имена, которые так же мало походят на реальные величины, как телефонные номера мало напоминают своих абонентов. С другой стороны, как мы уже видели, принцип аналогии лежит в основе всех аналогических компьютеров. Так же, как и в гуморальной системе живых организмов, где носителями информации являются определенные вещества и их концентрация в кровеносной системе, в аналогических компьютерах данные принимают форму дискретных и поэтому всегда положительных величин, например, интенсивность электрического тока, количество оборотов колеса, степень смещения элементов и тому подобное. Так называемая машина приливов (инструмент, состоящий из шкал, зубцов и рычагов и раньше использовавшийся для подсчета приливов и отливов за любой промежуток времени) может считаться простейшим аналогическим компьютером, и, конечно, гомеостат Эшби, упомянутый в главе 1, является образцом аналогической машины, даже несмотря на то, что он ничего не считает.

2.52

В человеческой коммуникации на объекты — в самом широком смысле этого слова — можно ссылаться двумя абсолютно разными способами. Они могут быть представлены с помощью изо-бражения либо с помощью имени. Так, в письменном предложении «Кошка поймала мышку» существительные можно было бы заменить на картинки; если бы предложение было произнесено, можно было бы указать на настоящих кошку и мышку. Нет нужды говорить, что это был бы странный способ коммуникации; обычно мы используем устное или письменное «имя», т. е. слово. Эти два типа коммуникации — один с помощью понятного са-

72

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации
мого по себе изображения, другой с помощью слова — являются эквивалентами понятий об аналогической и цифровой коммуникации. Всегда, когда слово употребляется, чтобы *назвать* что-то, очевидно, что отношение между словом и поименованным предметом является случайно установленным. Слова — это произвольно приписываемые знаки, управляемые в соответствии с логическими законами языка. Нет никакой

причины, почему три буквы «к-о-т» должны обозначать определенное животное. Это просто семантическая договоренность, существующая в языке, и за пределами этой договоренности не существует никакой другой связи между словом и предметом, который оно обозначает, хотя здесь и существует возможное, но не очень важное исключение в виде звукоподражательных слов. Как говорят Бейтсон и Джексон «В числе пять нет ничего, напоминающего пять; в слове «стол» нет ничего, похожего на стол» (19, р. 271).

В аналогической коммуникации, с другой стороны, содержится что-то «похожее на предмет», что используется, чтобы этот предмет выразить. Аналогическая коммуникация теснее соотнесена с предметом, который она пытается обозначить. Разница между этими двумя способами коммуникации может стать понятнее, если вспомнить, что невозможно понять речь на иностранном языке, слушая ее, например, по радио, в то время как довольно много существенной информации можно получить с помощью языка знаков или так называемых осмысленных движений, даже если они используются человеком из совершенно другой культуры. Мы полагаем, что аналогическая коммуникация уходит своими корнями в гораздо более древние периоды эволюции, и поэтому обладает большей общей надежностью, чем относительно более молодая, и гораздо более абстрактная, цифровая вербальная коммуникация.

Что же тогда представляет собой аналогическая коммуникация? Ответ на это вопрос относительно

73

Психология межличностных коммуникаций прост: это практически все виды невербальной коммуникации. Этот термин, однако, может вводить в заблуждение, так как его понимание часто ограничивается только движениями тела, так называемой кинесикой. Мы считаем, что это понятие включает в себя осанку, жестикуляцию, мимику, голосовые модуляции, последовательность, ритм и темп самой речи, любые другие невербальные проявления, на которые способен организм, а также коммуникационные ключи, неизбежно присутствующие в любом контексте, в котором происходит взаимодействие.⁶

2.53

Человек — это единственный живой организм, о котором известно, что он использует как цифровой, так и

аналогический способ коммуникации.⁷ Важность этого факта все еще часто понимается неправильно, но ее трудно переоценить. С другой стороны, несомненно, что человеческая коммуникация осуществляется посредством цифрового способа. Более того, многие, если не все, достижения нашей цивилизации были бы невозможны без изобретения цифрового языка. Это особенно важно тогда, когда речь идет о разделении информации об объектах и о функции передачи информации во времени. И все же существует обширная область, в которой мы почти полностью полагаемся на аналогическую коммуникацию, часто с очень небольшими изменениями того, что мы унаследовали от наших предков-млекопитающих.

⁶ Первостепенное коммуникационное значение контекста очень легко недооценить при анализе человеческой коммуникации, и все же если человек вдруг решит почистить свои зубы на оживленной улице, а не в собственной ванной, он будет немедленно схвачен и доставлен в полицейский участок или сумасшедший дом. Это лишь один пример прагматического эффекта невербальной коммуникации.

⁷ Есть основание полагать, что киты и дельфины, возможно, тоже используют цифровую коммуникацию, но исследования в этой области еще не завершены.

74

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

Это область *взаимоотношений*. Основываясь на работах Тинбергена (153) и Лоренца (96), а также на результатах своих исследований Бейтсон (8) показал, что вокализации, «говорящие» движения и знаки, показывающие настроение, у животных являются аналогической коммуникацией, с помощью которой они определяют природу своих отношений, а не обозначают объекты. Таким образом, используя один из его примеров, когда я открываю холодильник, и приходит кошка, трется о мои ноги и мяукает, это не означает: «Я хочу молока», как это выразил бы человек, а подразумевает просьбу об установлении определенных отношений: «Будь моей мамой», поскольку такое поведение наблюдается только у котят по отношению к взрослым кошкам, и никогда — между двумя взрослыми животными. И наоборот, любители животных часто убеждены, что их животные «понимают» их речь. На самом деле, животное понимает не значение слов, конечно, а тот избыток аналогической коммуникации,

который сопровождает речь. Если отношения являются основной проблемой коммуникации, мы обнаруживаем, что цифровой язык практически не имеет смысла. Это касается не только случаев взаимодействия между животными или между человеком и животным, но и многих других сторон человеческой жизни, например, ухода, любви, оказания помощи, сражений, и, конечно, всех видов общения с очень маленькими детьми и тяжелыми психиатрическими больными. Всегда считалось, что дети, психически больные люди и животные обладают особой интуицией относительно искренности или неискренности человеческих отношений, потому что легко притворяться вербально, но трудно внести ложь в область аналогической коммуникации.

Говоря коротко, если мы вспомним, что каждая коммуникация содержит содержательный аспект и аспект отношений, можно ожидать, что два способа коммуникации не только существуют бок о бок, но

75

Психология межличностных коммуникаций и дополняют друг друга в каждом сообщении. Далее, мы можем ожидать, что содержательный аспект передается цифровым способом, в то время как аспект отношений будет преимущественно аналогическим по своей природе.

2.54

В этой связи можно рассмотреть прагматическую важность определенных различий между цифровым и аналогическим способами коммуникации. Чтобы сделать эти различия более явными, мы можем вернуться к рассмотрению того, как представлены цифровые и аналогические формы в искусственных коммуникационных системах.

Функционирование, точность и изменчивость двух типов компьютеров – цифровых и аналогических – очень различны. Аналогии, используемые в аналогических компьютерах вместо реальных величин, никогда не станут чем-то большим, чем приближениями к истинному значению, и действие этого постоянного источника погрешностей еще более усиливается в ходе осуществления самих вычислительных операций. Зубцы, шестеренки и передачи никогда нельзя построить превосходно точно, и даже когда действие аналогической машины целиком основано на дискретной силе электрического тока, электрическом сопротивлении, реостатах и тому подобном, эти аналогии все же подвержены практически неконтролируемым флуктуациям. С другой стороны, можно было бы сказать,

что цифровая машина работает безупречно точно, если бы место для хранения цифр не было ограничено так, что приходится округлять все результаты, содержащие цифр больше, чем машина может удержать в памяти. Любой, кто когда-нибудь пользовался логарифмической линейкой (это прекрасный пример аналогического компьютера) знает, что с ее помощью можно получить лишь приблизительный результат, в то время как любой настольный

76

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

калькулятор может предоставить точный результат, если только количество цифр не превысит максимум, с которым калькулятор способен справляться.

Помимо своей великолепной точности, цифровой компьютер обладает тем огромным преимуществом, что он является не только арифметической, но и логической машиной.

МакКалок и Питтс (101) показали, что шестнадцать функций истинности логического исчисления могут быть представлены комбинациями двоичных блоков, так что, например, совокупность двух импульсов представит логическое «и», взаимное исключение двух импульсов представит логическое «или», а импульс, который тормозит возбуждение всех элементов, представляет отрицание. Ничего даже приблизительно похожего на это не может быть в аналогических компьютерах. Поскольку они оперируют только дискретными, положительными величинами, они не могут представить ни одного отрицательного значения, включая само отрицание и другие функции истинности.

Некоторые характеристики компьютеров также приложимы к человеческой коммуникации: цифровой материал сообщений находится на гораздо более высоком уровне сложности, изменчивости и абстракции, чем аналогический материал. Кроме того, мы полагаем, что аналогическая коммуникация не обладает ничем похожим на логический синтаксис цифрового языка. Это означает, что в аналогическом языке нет эквивалентов таких жизненно важных элементов рассуждения, как конструкции «если... то», «или... или» и многих других, и поэтому выражение абстрактных понятий становится столь же трудным, если не невозможным, как в примитивном рисуночном письме, где каждое понятие может быть представлено лишь посредством своего физического изображения. Более того, аналогический язык, так же как и аналогическое

вычисление, страдает отсутствием простейшего отрицания, например, там нельзя даже выразить понятие «нет».

77

Психология межличностных коммуникаций

Проиллюстрируем это положение: существуют слезы горя и слезы гнева, сжатые кулаки могут быть сигналом агрессивности или скованности, улыбка может выразить симпатию или презрение, немногословность может быть проинтерпретирована как знак тактичности или безразличия. Интересно, не несут ли все аналогические сообщения подобную амбивалентность, напоминающую фрейдовское «Gegensinn der Urworte» (противоположный смысл изначальных слов)? Аналогическая коммуникация не проясняет, какое из двух разных значений имелось в виду, также она не содержит индикаторов, позволивших бы разграничивать настоящее, прошлое и будущее.^в Эти индикаторы и уточнители присутствуют в цифровой коммуникации, но цифровой коммуникации, в свою очередь, не хватает адекватного словаря для выражения оттенков взаимоотношений.

Человеку постоянно приходится сочетать эти два языка, будучи либо отправителем, либо получателем. Он должен постоянно переводить с одного языка на другой, сталкиваясь при этом с очень интересными дилеммами, которые будут подробнее рассмотрены в главе, посвященной патологической коммуникации (параграф 3.5). В человеческой коммуникации трудности перевода проявляются двояко. Трудно не

^в Читатель, наверное, уже обнаружил, что существует значительное сходство между цифровым и аналогическим способами коммуникации и психоаналитическими понятиями *первичного* и *вторичного* процессов. Перенеся описание ид, сделанное Фрейдом, из интрапсихической в межличностную систему описания, мы получим определение аналогической коммуникации:

Законы логики, прежде всего законы отрицания, не властны над процессами, происходящими в ид. Противоположные импульсы существуют бок о бок, не нейтрализуя друг друга и не отталкиваясь друг от друга... В ид нет ничего, что можно было бы сравнить с отрицанием, и мы поражены тем, что находим там опровержение утверждения философов о пространстве и времени как необходимых формах наших психических процессов (49, р. 104; курсив наш).

78

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации
только перейти с цифрового способа на аналогический, не потеряв при этом массу информации (см. параграф 3.55 о формировании истерических симптомов), обратный переход также чрезвычайно затруднителен: чтобы *говорить об отношениях*, нужно адекватно перевести информацию из цифровой в аналогическую форму коммуникации. Сходные проблемы могут наблюдаться, когда два вида коммуникации должны сосуществовать, как это отметил Хэйли в своей превосходной работе «Семейная терапия»:

Когда мужчина и женщина решают, что их связь должна быть узаконена посредством брачной церемонии, они сталкиваются с проблемой, которая будет проявляться в течение всего их брака: теперь, когда они женаты, они вместе потому, что им так хочется, или потому, что они должны? (60, р. 119)

В свете вышеизложенного мы бы сказали, что, когда к аналогической части их отношений (ухаживанию) добавляется оцифровывание (брачный контракт) недвусмысленное определение их взаимоотношений становится очень затруднительным.⁹

2.55

Итак, обобщим: *Люди используют как цифровой, так и аналогический способ коммуникации. Цифровой язык обладает чрезвычайно сложным и мощным логическим синтаксисом, но испытывает недостаток адекватной семантики в области отношений, в то время как у аналогического языка есть семантика, но нет адекватного синтаксиса для недвусмысленного определения природы отношений.*

* По тем же причинам можно предположить, что развод воспринимается как нечто гораздо более определенное, если обычная сухая официальная процедура получения свидетельства о расторжении брака сопровождается каким-либо аналогическим ритуалом окончательного разделения.

79

Психология межличностных коммуникаций

2.6

Симметрическое и комплементарное взаимодействие

2.81

В 1935 году Бейтсон (6) сообщил о межличностном феномене, который он наблюдал в племени Иат-мул в Новой Гвинее. Подробно он описал этот феномен годом позже. Он назвал этот феномен *шизмогене-зом* и определил его как процесс *дифференциации норм индивидуального поведения в*

результате кумулятивного взаимодействия между индивидами. В 1939 году Ричардсон (125) применил это понятие в своем анализе войн и внешней политики, с 1952 года Бейтсон и другие используют его в области психиатрических исследований (сравните 157, pp. 7–17; также 143). Это понятие, эвристическая ценность которого, как мы видим, распространяется за пределы любой отдельно взятой дисциплины, было уточнено Бейтсоном следующим образом:

Когда мы определяем предмет своего изучения в рамках реакций индивида на реакции других индивидов, сразу становится ясно, что мы должны рассматривать взаимоотношения между двумя индивидами как нечто, подверженное изменениям, даже и без внешнего вмешательства. Мы должны рассматривать не только реакции *A* на поведение *B*, но и продолжить рассмотрение того, как эти реакции влияют на последующее поведение *B*, и эффект, который это оказывает на *A*.

Также становится очевидно, что многие системы отношений как между индивидами, так и между группами индивидов, проявляют тенденцию к прогрессирующим изменениям. Если, например, один из паттернов культурно одобряемого поведения инди-

80

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации

вида *A*, получает в данной культуре наименование «доминантности», в то время как ожидается, что индивид *B* будет в ответ демонстрировать то, что в данной культуре принято называть «подчинением», можно предположить, что это подчинение вызовет усиление доминантности, а эта доминантность, в свою очередь, потребует еще большего подчинения. Таким образом, мы получаем здесь положение, обладающее тенденцией к прогрессирующему развитию. И если не будет других факторов, способных остановить приращение доминантного и подчиненного поведения, очевидно, что *A* должен становиться все более и более доминантным, а *B* — все более и более подчиненным. Это прогрессирующее изменение будет иметь место и если *A* и *B* являются независимыми друг от друга индивидами, и если являются членами одной группы. Прогрессирующие изменения такого рода мы можем назвать *комплементарным палзмогеиезом*. Но в отношениях индивидов или групп есть и еще один паттерн, обладающий теми же зачатками прогрессирующих изменений. Если, например, мы обнаруживаем, что

хвастовство является культурным паттерном поведения в одной группе, и что другая группа также отвечает на него хвастовством, может возникнуть ситуация соревнования, в которой хвастовство приводит к еще большему хвастовству, и так далее. Этот вид прогрессирующих изменений мы можем назвать *симметрическим* шизмогенезом (10, pp. 176–177).

2.62

Употребляя понятия, имеющие отношение к описанным выше двум паттернам, сейчас уже не употребляют термин «схизмогенетический процесс», а говорят о симметрическом и комплементарном взаимодействии. Их можно описать как отношения, бази-

81

Психология межличностных коммуникаций рующиеся на равенстве или на отличии. В первом случае партнеры стараются скопировать поведение друг друга, и поэтому их отношения можно назвать *симметрическими*. Слабость или сила, нравственность или безнравственность не имеют здесь никакого значения, поскольку равенство может поддерживаться в любой из этих областей. Во втором случае поведение одного партнера дополняет поведение другого, формируя особый вид поведенческого гештальта, и такой тип взаимодействия называется *комплементарным*. Симметричные отношения, таким образом, характеризуются равенством и минимизацией различий, в то время как особенностью комплементарного взаимодействия является доведение различий до максимума.

В комплементарных взаимоотношениях можно выделить две различные позиции. Один партнер занимает более высокую, важную, первичную позицию, а другой – подчиненную, вторичную, более низкую. Эти понятия довольно полезны, если их не приравнивать к словам «хороший» или «плохой», «сильный» или «слабый». Комплементарные отношения могут устанавливаться социальной или культурной средой (как в случае взаимоотношений матери и младенца, врача и больного, учителя и ученика), или это может быть характерный стиль отношений данной диады. В любом случае важно подчеркнуть, что природа этих отношений носит взаимозависимый характер, разные, но взаимодополняющие типы поведения подкрепляют друг друга. Нельзя сказать, что один из партнеров установил комплементарные отношения с другим, скорее каждый из них ведет себя так, что это предполагает и одновременно

является причиной поведения другого, т. е. можно сказать, что их определения взаимоотношений соответствуют друг другу (см. параграф 2.3).

2.63

Существует и третий тип взаимоотношений – «метакомплементарные», в которых А позволяет или заставляет В

Глава 2. Аксиомы теории коммуникации
ставляет В отвечать за себя, по этой же причине мы могли бы добавить еще и «псевдосимметрические» отношения, при которых А позволяет или заставляет В быть симметрическим. Эту последовательность можно было бы продолжать бесконечно, если мы не вспомним различие, сделанное ранее (см. 1.4) между наблюдением поведенческой избыточности и ее возможными мифологическими толкованиями. То есть, нас интересует то, как пара себя ведет и мы не отвлекаемся на выяснение причин, по которым (как участники поведения полагают) демонстрируется именно такое поведение. Хотя если участники взаимодействия используют множество уровней коммуникации (см. 2.2), чтобы выразить различные паттерны на различных уровнях, могут возникнуть парадоксальные результаты, имеющие большое прагматическое значение (см. 5.41; 5.42, пример 3; 6.5, пример 2d).

2.64

Возможная патология (эскалация при симметрии и ригидность при комплементарности) этих форм коммуникации будет описана в следующей главе. А сейчас мы просто сформулируем последнюю аксиому: *Все коммуникационные обмены являются либо симметрическими, либо комплементарными, в зависимости от того, основываются ли они на равенстве или на различиях.*

2.7 Заключение

Рассматривая вышеизложенные аксиомы в общем, еще раз подчеркнем отдельные моменты. Прежде всего, должно быть ясно, что они являются рабочими, не очень строго сформулированными, и скорее предварительными, чем окончательными. Во-вторых, они достаточно разнородны в том, какие именно факты из

83

Психология межличностных коммуникаций
многочисленных наблюдений коммуникации в них используются. Они объединены не своим происхождением, а своей прагматической важностью, которая, в свою

очередь, основана скорее не на мелких подробностях, а скорее на их принадлежности к межличностной (а не монадической) системе координат. Берд-вистл даже полагает, что личность не осуществляет коммуникацию; она вовлекается в коммуникацию или становится ее частью. Она может двигаться или издавать звуки, ...но она не осуществляет коммуникацию. Другими словами, она не порождает коммуникацию, а участвует в ней. Значит, коммуникация является системой, несводимой к простой модели из действия и реакции, как бы сложно ни определялись последние. Как систему ее возможно осмыслить лишь на транзактном уровне (28, р. 104). Таким образом, невозможность не вступать в коммуникацию делает все ситуации, в которые включены два или более человека, *межличностными*, коммуникационными. Прагматическая, межличностная значимость цифровой и аналогической форм заключается не только в гипотетическом изоморфизме с понятиями содержания и отношений, но и в неизбежной и весьма значимой амбивалентности, с которой сталкивается как отправитель, так и получатель при переходе с одной формы коммуникации на другую. Описание проблем организации основывается преимущественно на коренном преобразовании классической модели действия-реакции. И, наконец, парадигма симметричности-комплементарности ближе всего, пожалуй, подходит к математическому понятию *функции*, где позиции индивидов – это просто переменные в бесконечном множестве возможных значений, причем их величина не абсолютна, а может быть определена только относительно других.

84

ГЛАВА 3.

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

85

3.1 Введение

Следствием каждой из только что описанных аксиом могут быть некоторые виды патологии, которые мы рассмотрим в этой главе. По нашему мнению, прагматические следствия этих аксиом лучше всего проиллюстрировать теми нарушениями, которые могут иметь место в человеческой коммуникации. То есть, мы рассмотрим, каким образом и при каких обстоятельствах данные принципы коммуникации могут деформироваться. Мы увидим, что поведенческие последствия этого феномена часто связаны с различными

видами индивидуальной психопатологии, поэтому наряду с иллюстрированием нашей теории, мы сможем предложить другую структуру, в которой обычно наблюдаемое в таких случаях поведение может рассматриваться как проявление симптомов психического заболевания. (Патологии, связанные с каждой аксиомой, будут описаны в том же порядке, что и в главе 2, за исключением нескольких взаимно пересе-

86

Глава 3. Патологическая коммуникация
кающихся участков, неизбежно возникающих по мере прогрессирующего усложнения нашего материала.)¹

3.2

Невозможность отсутствия коммуникации

Выше уже говорилось о существовании своеобразной «дилеммы шизофреника», которая заключается в том, что такие пациенты ведут себя так, как будто стараются отрицать, что они вовлечены в коммуникацию, а затем сталкиваются с необходимостью отрицать, что их отрицание уже само по себе является коммуникацией. Так же вероятна и ситуация, в которой пациент, как кажется, хочет вступить в коммуникацию, не принимая, однако, правил, присущих всем видам коммуникации. Например, молодая **женщина**, больная шизофренией, вламывается в кабинет психиатра **на** свою первую с ним встречу и **радостно заявляет**: «Моей матери пришлось выйти замуж, и вот теперь я здесь». Прошли недели, прежде чем удалось прояснить хотя бы несколько значений, содержащихся в этом высказывании, значений, которые сначала **не** были приняты в расчет как из-за их непонятной формы, так и из-за наигранной веселости и живости женщины. Как оказалось, ее фраза должна была проинформировать врача о том, что:

¹ Использование стенограмм речевых высказываний сильно упрощает материал, но этот способ не является удовлетворительным, поскольку здесь происходит главным образом передача лексического содержания, и теряется большая часть аналогического материала, такого как интонации голоса, скорость речи, паузы, эмоциональный подтекст, содержащийся в смехе, вздохах и так далее. Подобный анализ примеров взаимодействия, произведенный в письменной форме и аудиозаписи, см. в работе Вацлавика (157).

87

Психология межличностных коммуникаций

1. Ее появление на свет – результат внебрачной беременности;
2. Этот факт каким-то образом послужил причиной ее заболевания;
3. Выражение «пришлось выйти замуж», говорящее о вынужденности брака ее матери, может свидетельствовать как о том, что мать сама не виновата, т. к. осуждение общества заставило ее выйти замуж, так и о том, что мать страдала из-за вынужденного характера ситуации и обвиняла в этом саму пациентку;
4. Слово «здесь» обозначало как кабинет психиатра, так и существование пациентки на земле, и поэтому подразумевало, что, с одной стороны, мать привела ее к сумасшествию, а с другой стороны то, что пациентка в неоплатном долгу перед своей матерью, которая грешила и страдала, чтобы дать ей жизнь.

3.21

Таким образом, шизофреник пользуется языком, который ставит слушателя перед необходимостью выбора среди множества возможных значений, которые не только различны, но часто и не совместимы друг с другом. Поэтому появляется возможность отрицать некоторые или все аспекты сообщения. Если бы мы заставили упомянутую выше пациентку объяснить, что же она имела в виду, она могла бы сказать что-нибудь вроде: «О, я не знаю, должно быть, я ненормальная». Если бы ее попросили разъяснить какой-нибудь аспект своего высказывания, она могла бы ответить: «О, нет, это совсем не то, что я имею в виду...» Но даже, несмотря на чрезмерную запутанность, ее утверждение – это несомненное описание противоречивости ситуации, в которой она оказалась, и выражение «Я, должно быть, ненормальная» вполне понятно, учитывая, что для адаптации в нашем парадоксальном мире ей необходимо тем или иным образом обманывать саму себя. Более подробное описание отрицания

88

Глава 3. Патологическая коммуникация
коммуникации при шизофрении можно найти у Хэйли ((10, pp. 89–99), где приводятся интересные аналогии с клиническими формами шизофрении.

3.22

Противоположная ситуация описана в книге «Алиса и Зеркалье», где прямая коммуникация Алисы искажается «промыванием мозгов» Черной и Белой **Королев**. Они

утверждают, что Алиса пытается отрицать что-то, и приписывают это ее душевному состоянию:

– Я совсем не думала... – начала было Алиса, но Черная Королева нетерпеливо прервала ее.

– Вот это мне и не нравится. Ты должна была подумать. Как, по-твоему, нужен кому-нибудь ребенок, который не думает? Даже в шутке должна быть какая-то мысль, а ребенок, согласишься сама, вовсе не шутка. Ты нас в этом не разубедишь, как ни старайся, хоть обеими руками!

– Я никогда не разубеждаю руками, – возразила Алиса.

– Никто и не говорит, что ты разубеждаешь руками,

– сказала Черная Королева. – Я и говорю: руками нас не разубедишь!

– Она в таком настроении, – прибавила Белая Королева, – когда обязательно нужно с кем-то спорить. Не важно о чем – только бы спорить.

– Злобный, отвратительный нрав, – заметила Черная Королева.

Наступила неловкая пауза.

(Цит. по: Кэррол Л. Приключения Алисы в стране чудес; Алиса в Зазеркалье. Пер. с англ. Н. Демуровой. – Петрозаводск, Карелия, 1979. – С. 216.)

Можно только восхититься глубиной интуитивного понимания автором прагматического эффекта

89

Психология межличностных коммуникаций алогичной коммуникации подобного рода, поскольку, потерпев такое промывание мозгов еще немного, Алиса падает в обморок.

3.23

Значение обсуждаемого нами феномена не ограничивается, конечно, только волшебными сказками или шизофренией. Он имеет гораздо более широкое приложение к проблемам человеческого взаимодействия. По-видимому, попытка не вступать в коммуникацию будет присутствовать в любой ситуации, в которой ее участники пытаются избежать соблюдения правил, свойственных любой коммуникации. Типичная ситуация такого рода – встреча двух незнакомых людей, один из которых хочет побеседовать, а второй – нет, например, это могут быть два пассажира в самолете.² Пусть А – это тот пассажир, который не хочет разговаривать. Есть две вещи, которые он не может сделать: он не может физически покинуть место событий, и он не может не вступать в коммуникацию. Прагматика

данной коммуникационной ситуации сужается, таким образом, всего до нескольких возможных реакций:

3.231 «Отказ» от коммуникации

Пассажир А может дать понять пассажиру В, в более или менее грубой форме, что он не заинтересован в беседе. Поскольку это не соответствует правилам вежливости, такое поведение потребует определенного мужества и будет способствовать возникновению довольно напряженного и неловкого молчания, так что, на самом деле, отношений с В избежать не удастся.

² Мы еще раз хотим подчеркнуть, что исследование *мотивов* этих двух людей не имеет ровно никакого отношения к целям нашего анализа.

90

Глава 3. Патологическая коммуникация

3.232 Принятие коммуникации

Пассажир А может сдаться и вступить в диалог. Вполне возможно, что он возненавидит и самого себя, за собственную слабость и другого пассажира, но это нас не касается. Действительно важно здесь то, что очень скоро он осознает мудрость армейского правила «При захвате в плен сообщайте только свое имя, звание и порядковый номер», поскольку вполне может быть, что пассажир В не захочет остановиться на полпути и постарается выяснить об А все, включая его мысли, чувства и убеждения. И начав один раз отвечать, остановиться для А будет все труднее и труднее. Этот факт очень хорошо известен тем, кто занимается «промыванием мозгов».

3.233 11рспятствование коммуникации

Л может защитить себя с помощью использования техники препятствования, т. е. он может осуществлять коммуникацию таким образом, чтобы сводить на нет СВОЮ собственную коммуникацию или коммуникацию другого человека. К этой технике относится широкий спектр коммуникационных феноменов, таких как противоречивые высказывания, непоследовательность, перемена темы, неполные предложения, неправильное понимание, невразумительность или манерность речи, буквальное толкование метафор или метафорическое понимание буквальных замечаний и т. д.³ Прекрасный пример такого рода коммуникации можно найти в первой сцене кинофильма «Лолита», где у Квилти, напуганного держащим в руках пистолет Гумбертом, начался припадок бессвязной речи, в то время как

³ Здесь, несомненно, лидируют итальянцы, с их неподражаемым ответом «та...», который означает буквально «но», хотя может использоваться для выражения сомнения, согласия, несогласия, недоумения, безразличия, порицания, презрения, гнева, уступки, сарказма, отрицания и, возможно, еще дюжины других вещей и, поэтому практически ничего, насколько позволяет содержание.

91

Психология межличностных коммуникаций его враг тщетно пытался пробиться сквозь безостановочный поток его высказываний: «Послушай, я сейчас тебя застрелю!» (Понятие о мотивации едва ли поможет определить, была ли эта полная паника или продуманный способ защиты.) Другой пример такого рода – великолепная бессмыслица Льюиса Кэррола – стихок, который читает Белый Кролик.

Они сказали: ты был к ней, Сказали, но ему. Она бальзам на душу мне – И я пойду ко дну.

Она сказала им: он здесь. (И это было так.) Она захочет быстро весь – Ты стинешь за пятак.

Я дал ей раз, они же – два, Ты три отвесил нам. Он все отдал тебе, едва Я взялся за карман.

И так далее еще на протяжении трех строф. Если мы теперь сравним это с отрывком из интервью с нормальным добровольцем-испытуемым, который явно чувствует себя некомфортно, отвечая на вопросы интервьюера, но знает, что он должен отвечать, мы обнаружим, что это очень сходный вид коммуникации, и по форме, и по явной недостаточности содержания:

Интервьюер: Каково Вам, мистер Р., жить со своей семьей в одном городе с Вашими родителями? *Мистер Р.:* Ну, мы стараемся, а-а, честно говоря, я предпочитаю, чтобы Мэри (его жена) здесь решала, а не я решал или что-то в этом роде. Мне нравится их видеть, но я не очень стремлюсь ездить к ним, или чтобы они...о-о, так всегда было, даже до того, как Мэри и я впервые встретились, и это просто была принимаемая данность, в нашей семье я был един-

92

Глава 3. Патологическая коммуникация
ственным ребенком, и они предпочитали никогда не, а-а, вмешиваться. Я не думаю, здесь есть... я думаю, в любой семье есть, а-а, своего рода подводные течения. Неважно, моя это семья или любая другая. И даже Мэри и

я чувствуем что-то, когда... мы оба, наверное, педанты. И, а-а, опять же, мы очень... мы... негибкие и... мы того же ждем от наших детей и чувствуем, что если приходится быть осторожным, я имею в виду, что, если, а-а, то родители могут вмешиваться, мы чувствуем, мы видели, что у других так бывает, и мы просто, это как раз то, против чего наша семья всегда пыталась защищаться, но, а-а, просто, я бы не сказал, что мы пытаемся изолироваться от родителей (157, pp. 20–21). Неудивительно, что к коммуникации такого типа человек обычно прибегает, когда он оказывается в ситуации, в которой чувствует себя обязанным вступить в коммуникацию, но в то же время хочет избежать **соблюдения правил**, свойственных всякой коммуникации. Поэтому с точки зрения теории коммуникации нет большой разницы между поведением так **называемого** нормального человека, попавшего в руки опытного интервьюера, и так называемым психически **больным** человеком, который оказывается перед сходной дилеммой: **он** не может ни покинуть место действия, ни **отказаться от коммуникации**, но по каким-то своим личным причинам боится или не хочет вступить в коммуникацию. В любом случае, результатом будет бессвязный словесный поток, за исключением того случая, если интервьюером окажется сторонник глубинной юнгианской психологии; тогда он будет рассматривать речь больного как проявления бессознательного, в то время как для самого больного такая коммуникация может быть прекрасным способом поддерживать хорошее настроение интервьюера, говоря что-то, не говорить абсолютно

93

Психология межличностных коммуникаций ничего. Точно так же анализ, в котором делается акцент на «когнитивные нарушения» и «иррациональность», при оценке такого рода коммуникации не уделяет должного внимания *контексту*}. Давайте еще раз подчеркнем, что на клиническом конце поведенческого спектра «сумасшедшая» коммуникация (поведение) не обязательно представляет собой проявление больного рассудка, а может просто быть единственно возможной реакцией на абсурдную или невыносимую коммуникационную среду.

3,234 Симптом как коммуникация

Наконец, существует четвертый вариант поведения, который *A* может использовать в ответ на болтливость *B*: он может притвориться спящим, глухим, пьяным, сделать

вид, что не знает английского языка, или изобразить наличие любого другого дефекта, делающего коммуникацию оправданно невозможной. Во всех этих случаях сообщение остается одним и тем же, а именно: «Л бы не возражал поговорить с тобой, но что-то сильнее меня, то, в чем я не виноват, мне мешает». Такое обращение к силам или причинам, неподвластным чьему-то контролю, все же имеет один недостаток: А знает, что на самом деле он жульничает. Но такая поведенческая «уловка» становится безупречной, если человек убеждает себя, что он на самом деле находится во власти сил, которыми не может управлять, и, тем самым, освобождает себя как от порицания значимых других, так и от уколов собственной совести. Это, однако, всего лишь более сложный способ сказать, что у него имеется какой-либо симптом — психоневротический,

⁴ В этой связи мы отсылаем читателя к коммуникационному анализу психоаналитического понятия «перенос», который видится как единственно возможный ответ на совершенно необычную ситуацию. См. Джексон и Хэйли (76), эта работа также обсуждается в 6.5, пример 2.

94

Глава 3. Патологическая коммуникация психосоматический или психотический. Маргарет Мид, описывая различия между личностями американцев и русских, отметила, что американец может сослаться на головную боль как причину не идти на **вечеринку**, в то время как у русского в данной ситуации может действительно заболеть голова. В психиатрии D малоизвестной работе Фромм-Рейхманн описыва**ется** использование для коммуникации кататониче-ских симптомов (51), а в 1954 году Джексон привел **пример** того, как пациент использовал истерические **симптомы** для коммуникации со своей семьей. Более подробное описание исследований симптомов в каче-**стве** коммуникации читатель может найти у Саса (151) и Лртисса (3). Может показаться, что такое определение симптома **с** точки зрения коммуникации содержит спор-нос допущение, состоящее в том, что человек сам убеждает себя в чем-то. Вместо использования того сомнительного аргумента, что повседневные клинические наблюдения убеждают нас в истинности по-**добного** допущения, мы лучше сошлемся на экспери-м¹ итШ1ыП.Н¹ исследования Мак-Гиннесом феномена «перцептивной защиты» (102). Испытуемого сажают пород тахистоскопом, прибором, который позволяет

демонстрировать слова на маленьком экране в течение очень небольших промежутков времени. Порог чуждого, пости испытываемого определяется в нескольких пробных попытках, и затем его просят сообщить о том, какое слово он увидел, или ему показывается, что он увидел, при каждой экспозиции. Список стимульных слов состоит как из нейтральных, так и «критических», эмоционально окрашенных слов, например, изнасилование, разврат, шлюха. Сравнительный анализ показывает, что пороги узнавания последних слов значимо выше, чем нейтральных, т. е. испытуемый «видит» меньше эмоционально окрашенных слов. Но это значит, что для того, чтобы чаще терпеть неудачи при попытке прочитать со-

95

Психология межличностных коммуникаций
циально запрещаемое слово, испытуемый должен сначала понять, что это именно такое слово, а затем как-то убедить себя в невозможности прочитать его. Таким образом он избегает необходимости громко прочитать это слово экспериментатору. (В этой связи мы должны отметить, что психологическое тестирование, в общем, должно учитывать коммуникационный контекст, в котором оно происходит. Едва ли можно сомневаться, что для испытываемого и его поступков немаловажно, с кем происходит взаимодействие: со сморщенным старым профессором, с роботом или с прекрасной блондинкой. На самом деле, недавние тщательные исследования проблемы предубежденности экспериментатора, проведенные Розенталем (см., например, 130), подтвердили, что сложная и высоко эффективная, хотя и не до конца исследованная, коммуникация происходит и в жестко структурированном эксперименте.)

Давайте подведем итог. Теория коммуникации рассматривает симптом как невербальное сообщение: это вовсе не я не хочу (или хочу) это делать, это что-то мне неподвластное, например, мои нервы, моя болезнь, моя тревога, мое плохое зрение, алкоголь, мое воспитание, коммунисты или моя жена.

3.3

Уровневая структура коммуникации (содержание и отношение)

Пара на совместной семейной терапии затронула следующий случай. Когда муж был один дома, ему позвонил из другого города друг и сказал, что на несколько дней он

приедет в город, где живет наша семейная пара. Муж незамедлительно предложил ему остановиться у них, зная, что его жена также пригласила бы этого друга, т. е. она сделала бы то же самое, будь она на его месте. Однако, когда жена

96

Глава 3. Патологическая коммуникация

пришла домой, по поводу приглашения друга разразился громкий семейный скандал. При обсуждении проблемы на терапевтической сессии выяснилось, что и муж, и жена согласны, что пригласить друга остановиться у них – самое правильное и естественное решение в данной ситуации. Они были ошеломлены, когда поняли, что, с одной стороны, они согласны, а с другой стороны, все же «как-то» не согласны в точке зрения на один, казалось бы, вопрос.

3.31

На самом деле в этом споре были затронуты две проблемы. Первая из них касалась выбора наиболее адекватного способа поведения, т. е. приглашения, и к области вполне уместна цифровая коммуникация. По второй проблеме касалась отношений между участниками коммуникации – вопрос о том, кто имеет право брать на себя инициативу, не посоветовавшись с другим; эта проблема не может быть столь же просто разрешена с помощью цифрового способа коммуникации, поскольку она требует от мужа и жены способности разговаривать об их отношениях. В своих попытках разрешить разногласия эта пара допустила очень распространенную ошибку:

несогласие супругов относилось к метакommunikационному уровню (уровню отношений), а разрешить его они пытались на уровне содержания, где не было никакого разногласия. Такая ситуация привела к появлению псевдоразногласий. Другой муж, также наблюдаемый в ходе семейной терапии, сумел сам выявить и сформулировать различие между уровнями содержания и отношения. Он пережил со своей женой множество неистовых семейных конфликтов, обычно возникавших на основе несогласия по поводу какой-либо бытовой проблемы. Однажды ей удалось логически доказать ему, что на самом деле он ошибается, и он ответил: «Ну, ты, возможно, и права, но ты ошиба-

4 Психология

97

Психология межличностных коммуникаций

ешься, потому что споришь со мной». Подобное смешение аспектов содержания и отношения той или иной проблемы знакомо любому психотерапевту, особенно тому, кто занимается семейной психотерапией. Невероятные трудности, возникающие при попытках снять это смешение, также хорошо известны. В то время как однообразная избыточность псевдоразногласий между мужьями и женами легко становится очевидной для терапевта, клиенты воспринимают каждый случай изолированно и поэтому он кажется им совершенно новым, просто потому, что на практике проблемы могут возникать на основе совершенно различных видов деятельности, от просмотра телепрограмм до кукурузных хлопьев и секса. Эта ситуация мастерски была описана Кёстлером:

Семейные отношения напоминают самолет, в котором обычные законы здравого смысла и правила управления не применяются. Там – лабиринты напряжения, ссоры и примирения, чья внутренняя логика противоречива, чья этика родом из джунглей, и чьи ценности и критерии деформированы как искривленное пространство в изолированной вселенной. Эта вселенная переполнена памятью о прошлом опыте, но из этого опыта не извлекается никаких уроков; она переполнена прошлым, но это прошлое не помогает планировать будущее. В этой вселенной после каждого кризиса и примирения история всегда начинается заново, а историческое время всегда на нуле (86, р. 218; курсив наш).

3.32

Феномен разногласий позволяет создать хорошую структуру для описания нарушений коммуникации, возникающих из-за смешения содержания и отноше-

98

Глава 3. Патологическая коммуникация
ния. Разногласия могут возникать на любом из двух уровней, и эти две формы являются взаимозависимыми. Например, разногласия по поводу истинности утверждения «У урана 92 электрона», по-видимому, можно разрешить с помощью ссылок на объективную реальность, например, на учебник по химии, поскольку эта реальность не только доказывает, что итсш урана действительно имеет 92 электрона, но и то, что один из спорящих прав, а другой ошибался. Гопоря об этих двух результатах, можно отметить, что первый разрешает разногласие на содержательном уровне, в то время как второй создает проблему в отношениях. Теперь же, очевидно, чтобы

разрешить эту новую проблему, участникам взаимодействию бесполезно продолжать говорить об атомах, они должны начать говорить о себе и своих взаимоотношениях. Чтобы сделать это, они должны определить, являются ли их отношения симметрическими или комплементарными: например, тот, кто был не прав, может испытывать восхищение перед выдающимися иканиями другого, или негодовать по поводу его пре-оосходства и решить одержать над ним верх в следующий раз, чтобы восстановить равенство в отношениях." Конечно, если бы он не мог ждать этого следующего риза, он мог бы использовать подход «к черту логику» и попытаться одержать верх, доказывая, что число 92 – это опечатка, или говорить о том, что у него есть друг-ученый, который только что докапал, что число электронов не имеет ровно никакого значения, и т. д. Прекрасный пример использования техники такого рода предоставляли нам русские и китайские партийные идеологи, которые, бук-

' Любая из этих возможностей может быть подходящей или неподходящей, «хорошей» или «плохой», в зависимости от отношений.

99

Психология межличностных коммуникаций
важно интерпретируя слова Маркса, пытались доказать, что «на самом деле» Маркс имел в виду именно это, а все остальные – просто плохие марксисты. В ходе подобной борьбы слова могут постепенно потерять последние следы смыслового значения и стать просто орудием самоутверждения,⁶ как об этом с подкупающей прямоотой заявил Шалтай-Болтай:

– Я не понимаю, при чем здесь «слава»? – спросила Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

– И не поймешь, пока я тебе не объясню, – ответил он. – Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

– Но «слава» совсем не значит: «Разъяснил, как по полкам разложил!» – возразила Алиса.

– Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай. – Вот в чем вопрос!

(Цит. по: Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес; Алиса в Зазеркалье. Пер. с англ. Н. Демуровой. –

Петрозаводск, Карелия, 1979. – С. 188. Последний курсив наш.)

Таким образом, все это – просто еще один способ показать, что, сталкиваясь с разногласиями, два человека должны определить, являются их отношения симметрическими или комплементарными.

⁶ С. Поттер, которого можно считать автором этого термина, приводит много глубоких и забавных иллюстраций этого положения.

100

Глава 3. Патологическая коммуникация

3.33 Определение себя и другого

Теперь предположим, что то же утверждение об уране один физик адресовал другому. Здесь может полникнуть совсем иной тип взаимодействия, так как **вероятнее** всего ответом другого будет гнев, обида или сарказм: «Я знаю, что ты считаешь меня полным идиотом, но я все же посещал школу несколько лет...» или что-нибудь еще в этом роде. Это взаимодействие отличается тем, что здесь нет разногласия на **содержательном** уровне. Фактическая достоверность высказывания не может быть оспорена; фактически, это утверждение не передает никакой информации, поскольку то, что содержится на **содержательном** уровне, уже известно обоим участникам взаимодействия. Именно этот факт – согласие на **содержательном уровне** – приводит к появлению разногласия на уровне отношений, то есть, в области **метакоммуникации**. Здесь, однако, разногласие приводит к гораздо более важным с прагматической точки зрения **последствиям**, чем разногласия на **содержательном** уровне. **Как** мы уже видели, на уровне отношений люди не **осуществляют** коммуникацию по поводу фактов, находящихся за пределами их отношений, а предлагают друг другу определения этих взаимоотношений и, **косвенным образом**, самих себя.⁷ Как мы уже упоминали и параграфе 2.3, эти определения сами характеризуются наличием достаточно сложно иерархизи-

⁷ Сравните, у Камминга:

Я предполагаю, что многое из того, что Лангер называет «явным выражением идей» или самоценной символической активностью, у психически нормальных людей проявляется как функция постоянной перестройки «Я-концепции», предъявления этой «Я-концепции» другим с целью ее подтверждения и принятия или отвержения «Я-концепций» других людей. Далее, я полагаю, что «Я-концепция»

постоянно нуждается в перестройке, если речь идет о существовании людей, а не неодушевленных предметов, и в основном процесс перестройки «Я-концепции» происходит в ходе межличностного взаимодействия (35, р. 113).

101

Психология межличностных коммуникаций рованной структуры. Предположим, что личность Л предлагает другой личности, Д, определение себя. Л может сделать это одним из множества возможных способов, но как бы ни складывалась коммуникация на содержательном уровне, прототипом метакоммуникации будет «Вот так я вижу себя».⁸ В природе человеческой коммуникации заложены три возможных ответа Д на самоопределение Л, и все они имеют огромное значение для прагматики человеческой коммуникации.

3.331 Подтверждение

Д может принять (подтвердить) определение, данное Л самому себе. Насколько мы понимаем, это подтверждение видения Л самого себя со стороны Д является, возможно, важнейшим фактором, обеспечивающим психическое развитие и стабильность, который на сегодняшний день можно выделить на основе нашего изучения коммуникации. Это может показаться удивительным, но без этого эффекта самоподтверждения человеческая коммуникация вряд ли бы вышла за пределы взаимообменов, необходимых для защиты и выживания, поскольку просто не было бы причин поддерживать коммуникацию ради самой коммуникации. Повседневный опыт убеждает нас в том, что большая доля нашей коммуникации направлена на реализацию именно этой цели. Широчайший диапазон эмоций, которые люди могут испытывать по отношению друг к другу (от любви до ненависти), вряд ли существовал бы, и мы жили бы в мире, лишенном всего, кроме сугубо утилитарных устремлений, в мире, лишенном красоты, поэзии, игры и юмора. По всей видимости, помимо простого информационного обмена, человек должен общаться с дру-

⁸ На самом деле, это нужно понимать как «Вот так я вижу себя по отношению к тебе в данной ситуации», но в целях упрощения мы будем опускать часть, выделенную курсивом.

102

Глава 3. Патологическая коммуникация
тими, чтобы осознавать самого себя, и экспериментальные подтверждения этой интуитивной догадки все полнее предоставляются нам результатами исследований сенсорной депривации, которые показывают, что человек не может

сохранять эмоциональную стабильность, общаясь долгое время только с самим собой. Нам кажется, здесь присутствует то, что экзистенциалисты называют встречей, так же и в любой другой форме углубления самоосознания, которое происходит в результате осознания отношений с другим человеком. «В человеческом обществе», — пишет Мартин Бубер, на всех его уровнях, люди получают подтверждение своих личностных качеств и способностей один от другого, в той или иной степени, и сообщество может называться человеческим в той мере, в которой его члены подтверждают один другого... Основой совместной жизни людей являются два обстоятельства. Первое из них — желание каждого человека получить подтверждение от другого того, каким он является и даже того, каким он может стать; второе — врожденная способность человека подтверждать таким образом своего собрата по человеческому племени. То, что эта способность представляет собой необозримую непаханую целину, составляет слабость и сомнительность человечества: настоящая человечность возможна только тогда, когда эта способность ярко проявляется (32, pp. 101–102).

3.332 Отрицание

Вторым возможным ответом Д на данное Л определение самого себя является отрицание этого определения. Отрицание, однако, независимо от того, насколько оно болезненно, по крайней мере, предполагает определенность в том, что именно отрицается, и, следовательно, обязательно отвергает ис-

103

Психология межличностных коммуникаций
тинность сложившегося у Л образа себя. В действительности, некоторые формы отрицания могут быть даже конструктивными, например, отказ психиатра принять определение собственной личности, предложенное пациентом в ситуации переноса, когда пациент пытается заставить терапевта играть по правилам своей «межличностной игры». Здесь мы отсылаем читателя к работам двух авторов, которые в рамках собственной понятийной структуры подробно разработали этот вопрос — Берна (23, 24) и Хэйли (60).

3.333 Игнорирование

Следующая возможность является, возможно, самой важной, с точки зрения как прагматики, так и психопатологии. Это феномен игнорирования, который, как мы увидим,

сильно отличается от прямого отвержения определения чьей-нибудь личности. Частично мы опираемся здесь на материал, представленный Лэ-ингом (68) из Тавистокского института человеческих отношений, а также на результаты собственных исследований коммуникации при шизофрении. Лэинг цитирует Вильяма Джеймса, который однажды написал: «Нельзя придумать более жестокого наказания, чем представить, что можно было бы оставить человека совершенно свободным в обществе, но полностью лишить его всякого внимания со стороны других людей» (88, р. 89). Несомненно, такая ситуация привела бы к «потере себя», что является буквальным переводом «умопомешательства». Игнорирование, как мы видим в патологической коммуникации, не имеет отношения к истинности или ложности (если бы такой критерий существовал) определения *Л* собственной личности; игнорирование скорее отрицает само существование *Л* как источника этого определения. Другими словами, в то время как отвержение подразумевает сообщение «Ты ошибаешься», игнорирование сообщает «Ты не существуешь». Или, если изложить это более строгим языком, подтверждение и отвержение личности другого в формальной логике

104

Глава 3. Патологическая коммуникация

можно было бы соотнести с понятиями «истинный» и «ложный», а игнорирование – с понятием «неразрешимый», которое, как известно, относится к другому логическому порядку.⁹ Процитируем Лэинга:

В результате изучения семей шизофреников стало известно, что характерным паттерном для них является не то, что ребенок подвергается прямому игно-

" Иногда, хотя и довольно редко, игнорирование в буквальном **смысле** этого слова может играть важную роль во взаимоотношениях, как это можно увидеть из

приведенного ниже отрывка записи сессии совместной семейной терапии. Эта пара обратилась за помощью, поскольку бурные ссоры заставляли их чувствовать несостоятельность своего брака. Они были женаты двадцать один год. Муж – преуспевающий бизнесмен. В начале этого разговора жена отместила, что все эти годы она не знала, как он на самом деле к **ней** относится.

Психиатр: Итак, вы говорите, что муж не подавал вам знаков, по которым вы могли бы понять, что поступаете хорошо. *Жена:* Да.

Психиатр: Дэн критикует вас, когда вы заслуживаете критики? *Муж*: Л родко оо критикую... *Жона* (соглашается): Он редко меня критикует. *Психиатр*: Да, но тогда, как же вы знаете... *Жона* (перебивая): Он хвалит. (Короткий смешок.) Понимаете, это ужасно путает... Предположим, я готовлю что-нибудь, и у меня это подгорает, а он говорит, что «это очоень, очоень мило». Потом, когда я делаю что-нибудь дойсівитольно очоень вкусное, он снова говорит, что «это очоень, очоень мило». Я говорила ему, что не могу понять, действительно ли ему нравится, я не понимаю, критикует он меня или хвалит. Он думает, что, если он меня похвалит, я буду лучше стараться, а когда я действительно заслуживаю похвалы, он, он всегда меня похвалит, это правда, но проблема в том, что его похвала потеряла для меня свою ценность. *Психиатр*: Поэтому вам действительно трудно понять, как к вам относится тот, кто все время хвалит. *Жона* (перебивая): Да, я не знаю, критикует он меня, или действительно искренне хвалит. Этот пример особенно интересен тем, что хотя супруги полностью осознают паттерн, во власти которого они оказались, это сознание не помогает им найти какой-нибудь выход из сложившейся ситуации.

105

Психология межличностных коммуникаций рированию или даже очевидным травмам, а то, что его аутентичность страдает от едва заметного, но постоянного, искажения, часто совершенно неумышленного (р. 91).

Главным здесь является то..., что независимо от того, что [человек] чувствует, как он себя ведет, какое значение он придает ситуации, истинность его чувств отрицается, его поступки лишаются своих мотивов, намерений и последствий, из ситуации изымается значение, которое он ей придает, так, что он чувствует себя сбитым с толку и отчужденным (pp. 135–136).

А теперь еще один пример, подробно описанный в другой работе (78). Он взят из сессии совместной семейной терапии с участием целой семьи, состоящей из родителей, их двадцатипятилетнего сына Дэйва (которому диагноз «шизофрения» официально был поставлен в 21 год во время службы в армии; после этого он жил дома, а примерно за год до этого интервью был госпитализирован) и девятнадцатилетнего сына Чарльза. Когда дискуссия

сосредоточилась на том, какое напряжение в семье вызывают еженедельные визиты пациента, психиатр отметил, что, как кажется, Дэйва как бы просят нести неподъемный груз заботливости всей семьи. Дэйв, таким образом, становится единственным индикатором того, насколько хорошо или плохо идут дела в семье на выходных. Удивительно, но пациент с готовностью поддержал этот разговор:

1. Дэйв: Ну, иногда мне кажется, что мои родители, и Чарльз тоже, очень озабочены, может, чересчур сильно озабочены тем, как я могу себя чувствовать. Потому что я не устраиваю скандалы, когда приезжаю домой, или...

2. Мать: М-м-м. В последнее время, с тех пор, как у тебя есть машина, ты действительно себя так не ведешь. Но раньше, ты так поступал.

106

Глава 3. Патологическая коммуникация

3. Дэйв: Да, я знаю, что я так поступал...

4. Мать (соглашаясь): Да, но даже в последнее время, дважды, с тех пор, как у тебя есть машина.

5. Дэйв: Да, ладно, все равно, а-а (вздыхает), жаль, что я так вел себя, я думаю, я просто хотел бы хорошо проводить время или что-нибудь... (вздыхает, пауза).

6. Психиатр: Знаешь, где-то в середине ты сменил тему, когда твоя мама была ласкова с тобой. Это... можно понять, но ты не можешь себе этого позволить в твоём положении.

7. Дэйв (соглашаясь): М-м-м.

8. Психиатр: Это делает тебя еще более ненормальным. Тогда ты даже не знаешь, о чем ты думаешь.

9. Мать: А что он изменил?

10. Психиатр: Ну, я же не могу читать его мысли, поэтому я не знаю, что он изначально собирался сказать, у меня есть только общая идея, возможно, из опыта...

/ /. Дэйв (перебивая): Ну, просто дело, дело в том, что это я в семье болен, и это дает каждому возможность быть хорошим мальчиком и поднять настроение Дэйва, неважно плохое на самом деле у Дэйва настроение, или нет. Это иногда достает, я чувствую. Другими словами, я — это я, и если людям не нравится то, какие они, то есть какой я на самом деле, я считаю, они должны говорить об этом или что-нибудь еще, по-моему, это важно (78, р. 89).

107

Психология межличностных коммуникаций

Оговорка пациента демонстрирует его дилемму: он говорит: «Я – это я», но открытым остается вопрос: моя самость – это «я», или «они»? Просто назвать это проявлением «слабости границ эго» или чем-то еще в этом роде – значит оставить без внимания межличностный факт игнорирования, который только что здесь был представлен не только в рассказе Дэйва о том, как он проводит выходные, но и прямо в данном отрывке, когда мать незамедлительно отреагировала игнорированием на истинность впечатлений Дэйва (высказывания 1–5). В свете как данного игнорирования, так и тех, которые пациент описывал, его оговорка поворачивается новой стороной.

3.34 Уровни межличностного восприятия

Мы готовы, наконец, вернуться к иерархии сообщений, которую можно обнаружить при анализе коммуникации на уровне отношений. Мы увидели, что определение *Л* своей личности («Вот как я вижу себя...») может быть встречено тремя различными вариантами ответов *Д*: подтверждением, отвержением или игнорированием. (Эта классификация, в сущности, та же, что была использована в параграфах 3.231–3.233.) Далее, эти три ответа имеют один общий знаменатель, а именно: с помощью любого из них *Д* передает: «Вот как я вижу тебя».¹⁰

Таким образом, в разговоре на метакоммуникационном уровне присутствует сообщение от *Л* к *Д*: «Вот как я вижу себя». За ним следует сообщение от *Д* к *Л*: «Вот как я вижу тебя». На это сообщение *Л* ответит сообщением, утверждающим, помимо прочего: «Вот как я вижу то, как ты видишь меня», на что *Д*, в свою

¹⁰ На первый взгляд, эта формула не совсем совпадает с описанным выше понятием игнорирования. Однако, при тщательном анализе даже сообщение «Ты для меня не существуешь как отдельная личность» сводится к «Вот как я вижу тебя: ты не существуешь». То, что это высказывание парадоксально, не означает, что оно невозможно. Подробнее мы обсудим это в главе 6.

Глава 3. Патологическая коммуникация

очередь, ответит: «Вот как я вижу то, как ты видишь, как я вижу тебя». Как уже предполагалось, эта последовательность теоретически бесконечна, хотя с практической точки зрения нужно признать, что невозможно иметь дело с сообщениями более высокого

уровни абстракции, чем последнее из упомянутых здесь. Далее, необходимо отметить, что любое из этих сообщений может быть подвергнуто получателем тому же подтверждению, отрицанию или игнорированию, которые были описаны выше, и то же самое касается, конечно, и определений Д которые он может давать собственной личности, результатом чего будет одновременный метакоммуникационный разговор с Л. Все это приводит к формированию коммуникационного контекста, чья сложность поражает воображение и который имеет определенные прагматические последствия.

3.35 Невосприимчивость

Об этих последствиях известно пока еще не очень много, но Лэинг, Филипсон и Ли провели многообещающее исследование в этой области и дали нам разрешение процитировать здесь некоторые результаты из своего неопубликованного доклада (93).¹¹ Игнорирование личности другого – это, главным образом, результат особого рода неосознанности процесса межличностной перцепции. Это явление получило название невосприимчивости. Ли предлагает следующее определение:

Нас интересует аспект осознания или неосознания. Для того, чтобы взаимодействие протекало гладко и успешно, необходимо, чтобы каждый партнер был

¹¹ Слишком поздно, чтобы это можно было включить в данный обзор, указанные авторы опубликовали свои открытия в форме книги: R. D. Laing, H. Phillipson and A. R. Lee, *Interpersonal Perception; A Theory and Method of Research*. New York, Springer Publishing Company, 1966. В этой весьма незаурядной работе разработаны полная теоретическая система и метод исследования.

109

Психология межличностных коммуникаций способен понимать точку зрения другого. Поскольку межличностное восприятие происходит на многих уровнях, невосприимчивость тоже может иметь место на многих уровнях. Для каждого уровня восприятия существует аналогичный уровень невосприятия или невосприимчивости. Там, где теряется точное осознание, то есть возникает невосприимчивость, партнеры в диаде имеют дело с псевдопроблемами... Они достигают поддельной гармонии, которой не существует, или спорят по поводу вымышленных разногласий, которых тоже не существует. Именно такая ситуация характерна, по моему мнению, для семьи

шизофреника: они постоянно строят гармоничные отношения на сыпучем песке псевдосогласия или жестоко ссорятся на почве псевдоразногласий.

Затем Ли продолжает, показывая, что невосприимчивость может иметь место уже на первом уровне иерархии, то есть, на сообщение Л «Вот как я вижу себя» ответ Д «Вот как я вижу тебя» дается образом, несопоставимым с самоопределением Л. Л может затем заключить, что Д не понимает (не одобряет, не любит) его, в то время как Д, с другой стороны, может предположить, что Л чувствует его (Д) понимание (или одобрение, или любовь). В этом случае нельзя сказать, что Д не соглашается с Л, он, скорее, игнорирует или неправильно интерпретирует сообщение Л, а это согласуется с нашим определением игнорирования. Можно говорить о существовании невосприимчивости второго уровня, когда Л не осознает, что его сообщение не дошло до Д; то есть Л не передает точно «Вот как я вижу то, как ты видишь [в данном случае – неправильно понимаешь] меня». Таким образом, на этом уровне возникает невосприимчивость к невосприимчивости.

На основе изучения семей, включающих больного шизофренией, Ли делает важный вывод относительно прагматики коммуникации такого рода:

110

Глава 3. Патологическая коммуникация

Типичный паттерн состоит в том, что невосприимчивость родителей относится к первому уровню, а невосприимчивость шизофреника – ко второму. То есть, обычно родитель не в состоянии зафиксировать точку зрения ребенка, в то время как ребенок не фиксирует, что его точка зрения не была (а возможно, не может быть) зафиксирована. Чаще всего родители остаются невосприимчивы к точке зрения ребенка, поскольку она нелестна для них, или противоречит их системе ценностей. То есть родитель продолжает считать, что ребенок на самом деле верит в то, во что, по мнению родителей, он «должен» верить. Ребенок, в свою очередь, не может распознать это. Он полагает, что его сообщению было получено, и действует в соответствии с этим. В такой ситуации он неизбежно оказывается обескуражен последующим результатом. Он чувствует, что как будто раз за разом натывается на невидимую прочную стеклянную стену. Результатом этого является постоянное ощущение запутанности, что приводит к появлению волнения и

тревоги, а иногда и отчаяния. В конце концов он начинает чувствовать, что его жизнь лишена всякого смысла. Один такой ребенок, страдающий шизофренией, в ходе курса терапии в конце концов осознал, как обстоят дела, и сформулировал свое противоречие следующим образом: «Каждый раз, когда я не соглашаюсь со своей мамой, мне кажется, она говорит себе: „О, я слышу, что ты говоришь вслух, но я знаю, что на самом деле ты думаешь совсем по-другому“, и как будто забывает то, что я только что сказал».

Лэинг и Эстерсон (90) приводят разнообразные клинические иллюстрации невосприимчивости на уровне отношений, подобные описанным выше. Один пример представлен на рисунке 1.

111

Психология межличностных коммуникаций

Схема 1 «Невосприимчивость» в семье шизофреника¹²

Некоторые качества, приписываемые пациентке ее родителями

Всегда счастливая На самом деле она оживленная и веселая В семье нет дисгармонии

Они никогда не «держали ее на коротком поводке»

Она «себе на уме»

Самоописание **пациентки**

Часто в депрессии и испугана Это притворная бодрость

Дисгармония настолько полная, что с родителями невозможно разговаривать Пытались управлять всеми важными аспектами ее жизни с помощью сарказма, просьб, насмешек

Частично справедливо, но она все еще чувствует страх перед отцом, не может рассказать ему о своих истинных чувствах, чувствует себя под его контролем

3.4

Пунктуация последовательности событий

Он смеялся, потому что думал, что они не могут попасть в него. Он не знал, что они просто тренируются стрелять мимо.

Брехт

Несколько примеров возможных осложнений, связанных с этим феноменом, уже были затронуты в предыдущей главе. Они показывают, что неразре-

¹²Лэинг и Эстерсон (90, р. 188), с изменениями.

112

Глава 3. Патологическая коммуникация

шейные разногласия по поводу пунктуации коммуникационной последовательности могут напрямую приводить к туникам в межличностном общении, когда нередко **звучат взаимные** обвинения в испорченности и ненормальности.

3.41

Разногласия в пунктуации последовательности событий случаются, конечно, во всех тех случаях, **в которых, по** крайней мере, один из участников коммуникации не обладает тем же объемом информации, что и второй, но не знает об этом. Можно принести следующий простой пример подобной последо-**птсльности**: Л пишет письмо Д с предложением вместе **поучаствооать в** иском рискованном предприятии. Д **отпочиет** утвердительно, но при пересылке письмо теряется. Через некоторое время Л заключает, **■по** Д проигнорировал его приглашение и решает тоже не обращать больше на него внимания. Д, **с** другой стороны, обижается, что его письмо осталось **без ответа**, и тоже решает больше не общаться **с** Л. Наминая с этого момента, их молчаливая вражда может продолжаться до бесконечности, если только они не решат все же разобраться в том, что произошло **с** их коммуникацией, то есть, не вступят в ме-**такоммуникацию**. Только тогда они обнаружат, что Л не знал, что Д ответил на письмо, в то время как Д не знал, что его ответ не дошел до Л. Как видно из этого примера, случайное внешнее событие помешало согласованности организации.

Один из авторов данной книги однажды на себе прочувствовал феномен рассогласованной организации, когда участвовал в конкурсе на замещение вакантной должности ассистента в психиатрическом исследовательском институте. В назначенное время он пришел в кабинет директора на собеседование, и между ним и секретарем произошел следующий разговор:

113

Психология межличностных коммуникаций

Посетитель: Добрый день. У меня назначена встреча с доктором Х. Моя фамилия Вацлавик.

Секретарь: Я этого не говорила.

Посетитель (озадаченный и несколько раздосадованный): Но я вам это говорю.

Секретарь (в замешательстве): Тогда зачем вы сказали, что это не так?

Посетитель: Но я же сказал, что это *именно* так!

В этот момент посетитель твердо «удостоверился», что он стал объектом какой-то непонятной и неприятной шутки, в то время как секретарь, как потом выяснилось, решила, что посетитель, должно быть, — новый пациент-психотик доктора Х. Постепенно стало ясно, что вместо «Моя фамилия Вацлавик», секретарь поняла «Моя фамилия не Славик», хотя, на самом деле, она этого никогда не утверждала. Интересно, что даже в этом кратком взаимообмене в довольно безличном контексте рассогласованная организация, здесь обусловленная неправильным пониманием слов, немедленно приводит участников коммуникации к выводам об испорченности или ненормальности партнера.

3.42

Говоря в общем, мы не можем быть уверены ни в том, что другой обладает тем же объемом информации, ни в том, что другой обязательно сделает такие же выводы из этой информации. По оценкам экспертов в области коммуникации человек получает десять тысяч сенсорных импульсов (экстроцептивных и проприоцептивных) за одну секунду. Но очевидно, что должен существовать довольно жесткий механизм отбора, позволяющий избежать перегрузки высших нервных центров незначимой информацией. Но решение вопроса о том, что является важным, а

114

Глава 3. Патологическая коммуникация

что нет, совершенно по-разному происходит у разных людей, причем есть основания предполагать, что критерии этого отбора находятся далеко за пределами сознания индивида. По всей вероятности, мы сами творим спую реальность, или, словами Гамлета, «...не существует пещей добрых и злых, это наше мышление делает их таковыми». Мы можем только предполагать, что в основе этих организационных конфликтов лежит твердое и часто не подвергаемое сомнениям убеждение в том, что существует только одна реальность, мир таков, каким я его вижу, а любая точка зрения, отличная от моей, связана с недостаточной разумностью или дурными намерениями моего оппонента. Довольно наших предположений. Мы можем наблюдать во всех реальных случаях патологической коммуникации то, что они представляют собой порочный круг, который невозможно разорвать, до тех пор, пока сама коммуникация не станет темой коммуникации, то есть пока участники коммуникации не вступят в метакоммуникацию.¹³ Но чтобы сделать это,

они должны выйти за пределы круга, и эта необходимость выйти за пределы данной ситуации, чтобы разрешить ее, будет периодически затрагиваться в последующих частях нашей книги.

3.43 Причина и следствие

Во всех случаях рассогласованной коммуникационной организации обычно можно наблюдать конфликт относительно того, что является причиной, а что следствием, хотя в действительности ни одно из этих понятий неприменимо к исчислению происходящего взаимодействия. Обратимся еще раз к примеру Джоада (параграф 2.42). Можно заметить, что государство А вооружается, потому что чувствует угрозу со стороны государства В (то есть А рассмат-

^{1:1} Такая метакommunikация необязательно должна быть вербальной, а также ее не всегда можно сравнить с «инсайтом» (см. 7.32).

115

Психология межличностных коммуникаций

ривает свое поведение как результат поведения В), в то время как государство В называет вооружения А *причиной* своих собственных «защитных» мер. Ричардсон указывает практически на ту же самую проблему, описывая гонку вооружений в 1912 году:

Военные приготовления как Антанты, так и Альянса возрастали. Обычным объяснением тогда было, а, возможно, и до сих пор является то, что мотивы двух сторон совершенно различны, поскольку мы делаем только то, что правильно, справедливо и необходимо для нашей защиты, а вот они создают угрозу миру, строят гнусные интриги и идут на поводу у разнузданных амбиций. В этом утверждении содержится несколько отчетливых противопоставлений. Первое заключается в том, что их поступки безнравственны, а наши высокоморальны. По поводу государственных разногласий такого рода очень трудно сказать что-нибудь такое, с чем бы мог согласиться весь мир. Но там есть еще одно сомнительное противопоставление, относительно которого есть надежда на достижение общего согласия. В 1912–1914 годах декларировалось, что их мотивы постоянны и не зависят от нашего поведения, в то время как наши мотивы являются ответом на их поведение и изменяются в соответствии с ним (125, р. 1244; курсив наш).

С прагматической точки зрения взаимодействия государств или отдельных индивидов мало отличаются друг от друга,

поскольку рассогласование в организации приводит к формированию различных образов окружающего мира, включая и природу отношений, и, таким образом, к появлению межнациональных или межличностных конфликтов. Следующий пример показывает, как тот же паттерн работает на межличностном уровне:

116

Глава 3. Патологическая коммуникация

Муж (терапевту): Из долгого опыта я знаю, что, ради сохранения мира в доме, я не должен вмешиваться в то, что она делает.

Жена: Это неправда. Я бы хотела, чтобы ты проявлял больше инициативы, и сам решал что-нибудь хотя бы изредка, потому что... Муж (перебивает): Да ты никогда мне этого не позволяешь!

Жена: Я бы с удовольствием тебе позволяла, только если бы я это делала, вообще бы ничего не происходило, и мне бы приходилось делать все в последний момент.

Муж (терапевту): Вы видите? Проблемы нельзя рошшь по мере их возникновения, все должно быть эшшаниропано и организовано за неделю вперед. Жопа (со злостью): Приведи мне хотя бы один пример, когда ты действительно сделал что-нибудь за последние годы.

Муж: Думаю, что не могу, потому что для всех, в том числе и для детей, лучше, если я позволяю юбе делать все по-своему. Я понял это на самых ранних этапах нашего брака. Жена: Но ты же никогда не вел себя по-другому, с самого начала ты оставлял все мне! Муж: Ради Бога, послушайте это! (пауза, затем обращается к терапевту). Я думаю, сейчас она говорит о том, что я всегда спрашивал ее, чего она хочет, например, «куда бы ты хотела пойти сегодня вечером», или «что бы ты хотела делать на выходных», и вместо того, чтобы понимать, что я старался сделать ей приятное, она на меня злится...

Жена (терапевту): Просто он не понимает, что, выслушивая эту ерунду типа «Я соглашусь со всем, что ты хочешь дорогая» месяц за месяцем, начинаешь чувствовать, что на самом деле ему абсолютно наплевать на то, чего действительно хочешь.

117

Психология межличностных коммуникаций

Тот же механизм содержится в примере, приведенном Лэингом и Эстерсоном. В разговоре участвуют мать и ее дочь, больная шизофренией. Незадолго до госпитализации

дочь предприняла слабую попытку физического нападения на мать.

Дочь:

Мать:

Дочь: Мать:

Дочь:

Ну, почему я на тебя напала? Возможно, я искала что-то, что-то, чего мне не хватало – любви, может, это была жажда любви. Ты бы не приняла ее. Ты всегда считала, что все это слишком сентиментально. Да? А когда ты мне это предлагала? Ну, например, если я собиралась поцеловать тебя, ты говорила: «Прекрати эти нежности». Но я никогда не знала, что мне можно поцеловать тебя (90, pp. 20–21).

3.44

Это подводит нас к важному понятию о *самоисполняющемся пророчестве*, которое, с точки зрения взаимодействия, является, возможно, наиболее интересным феноменом в области пунктуации. Самоисполняющееся пророчество можно считать коммуникационным эквивалентом «выпрашивания вопроса». Это поведение, которое вызывает у окружающих такую реакцию, на которую это поведение было бы естественным ответом. Например, человек, строящий свое поведение на основе предпосылки «никто меня не любит», будет вести себя недоверчиво, демонстрируя массу защитных реакций, или агрессивно. Такое поведение вряд ли вызовет симпатию окружающих, что подтвердит изначальную предпосылку этого человека. Для целей анализа прагматики человеческой коммуникации нам, опять-таки, совершенно неважно, почему у человека возникает такая предпосылка, как она возникла и насколько он ее не осознает. Праг-

118

Глава 3. Патологическая коммуникация

матически мы можем наблюдать, что межличностное поведение этого индивида демонстрирует данный вид избыточности, и что оно оказывает соответствующее воздействие на окружающих, приводя к образованию у них определенных отношений. Типичным для данной последовательности является то, что рассматриваемый человек ошибочно считает, что он **просто** реагирует на отношение окружающих, а не **провоцирует** его. Это и составляет здесь проблему пунктуации.

3.5

Ошибки в «переводе» аналогического и цифрового материала

При попытке описать эти ошибки, нам вспомнил-ел **случай**, описанный в романе Дэниэля Вари «Ворота **счастливых воробьев**». Герой, европеец, живущий в Пекине в 20-е годы, берет уроки мандаринской письменности у китайского профессора. Его просят перемести предложение, составленное из трех иероглифов, **которые** он правильно расшифровывает как «округлый предмет», «сидящий» и «вода». Пытаясь объединить эти понятия в утвердительное предложение (т. е. перевести на цифровой язык, как мы бы сказали), у него получается «Кто-то принимает сидячую панну», что вызывает презрение у утонченного профессора, поскольку предложение на самом деле представляет собой поэтическое описание заката на море.

3.51

Подобно китайской письменности, аналогический материал сообщений, как уже упоминалось, не обладает многими элементами, составляющими морфо-

119

Психология межличностных коммуникаций логию и синтаксис цифрового языка. Поэтому при переводе сообщений с аналогического на цифровой язык, эти элементы должны быть переданы переводчиком, подобно тому, как в интерпретации снов цифровая структура должна быть более или менее интуитивно сопоставлена с калейдоскопической образностью сна.

Аналогический коммуникационный материал, как мы уже видели, антитетичен; ему можно придать совершенно различные, а часто и несовместимые, цифровые значения. Не только отправителю трудно вербализовать свои аналогические сообщения; если возникают межличностные разногласия по поводу определенного фрагмента аналогической коммуникации, то каждый партнер, скорее всего, будет стремиться в процессе перевода в цифровую форму установить такую форму оцифровки, которая будет соответствовать его видению природы взаимоотношений. Вручение подарка, например, — это, несомненно, фрагмент аналогической коммуникации. Однако в зависимости от того, как получатель подарка видит свои взаимоотношения с дарителем, он может воспринять подарок как знак любви, как взятку или как возмещение убытков. Многие мужья боятся, что их могут заподозрить в каком-нибудь

тайном проступке, если они нарушат правила семейной «игры» и неожиданно преподнесут жене букет цветов. Каково цифровое значение бледности, дрожи, повышенного потоотделения или заикания, которые может проявлять человек на допросе? Это может быть окончательным подтверждением его вины, а может быть просто поведением невинного человека, который как кошмар переживает подозрения в совершении преступления, и осознает, что его страх может быть истолкован как подтверждение его виновности. Психотерапия, несомненно, огромное значение

Глава 3. Патологическая коммуникация и иг придает корректной и корректирующей оцифровке аналогического материала; по сути дела, успех или провал любой интерпретации определяется тем, насколько терапевт способен переводить с одной формы коммуникации на другую, и готовностью пациента сменить свою собственную оцифровку на более адекватную и менее травматическую. У Риоха (127, 128) можно найти подробное обсуждение этих проблем в коммуникации шизофреников, отношениях праца и пациента, и многих других социальных и культурных явлениях. Далее если перевод кажется вполне адекватным, цифровая коммуникация на уровне отношений может оказаться необычайно неубедительной. Этот факт отбрасывается на следующей карикатуре из «Пеннатса»:

В своем неопубликованном докладе Бейтсон высказал предположение о том, что еще одна базовая ошибка, которая может произойти при переходах с одной формы коммуникации на другую, заключается в принятии допущения о том, что аналогические сообщения по своей природе являются утверждениями, совсем как цифровые сообщения. Существуют, однако, значительные основания полагать, что это **не** так. Он пишет:

Когда один осьминог или одно государство делает угрожающий жест, другой осьминог или другое государство может заключить: «Оно сильное» или «Он будет драться», но это не есть первоначальное сообщение. На самом деле, само сообщение не содержит изъявительного наклонения, его лучше сравнить с предложением или вопросом в цифровом мире.

В этой связи необходимо вспомнить, что все аналогические сообщения являются *просьбами о взаимоотношениях*, и поэтому они выступают в роли предложений относительно будущих правил взаимоотношений, и здесь мы используем другое определение Бейтсона. С помощью своего поведения, считает Бейтсон, я могу выразить или предложить любовь, ненависть, вражду и т. д., но тебе решать, приписать ли в будущем положительное или отрицательное значение истинности моему сообщению. Можно **и** не объяснять, что это — неиссякаемый источник конфликтов во взаимоотношениях.

3.53

Цифровой язык, как было объяснено в предыдущей главе, обладает логическим синтаксисом и поэтому превосходно подходит для коммуникации на содержательном уровне. Но при переводе аналогиче-

122

Глава 3. Патологическая коммуникация

си-ого материала в цифровую форму должны быть **введены** 'логические функции истинности, которые отсутствуют в аналогической форме. Это отсутствие **становится особенно** заметным в случае отрицания, **где** оно проявляется в том, что в аналогической форме не бывает цифрового «нет». Другими словами, просто передать аналогическое сообщение «Я нападу на тебя», в то время как сообщить «Я *не* нападу ни тебя» чрезвычайно трудно. Точно так же трудно, гели **нс** невозможно, внедрить отрицания в аналогический компьютер.

В романе Кёстлера «Прибытие и отправление» герой, молодой человек с обезображенным в результате **пытток** лицом, сбежавший с оккупированной наци-стными **родины**, **влюбляется** в красивую девушку. Он не **надеется**, что она ответит взаимностью на его **чувствия**, **всё**, что он хочет — это быть с ней рядом **и** гладить ее волосы. Она отвергает его невинные ухаживания, тем самым увеличивая и его отчаяние, и **страсть**, пока он не овладевает ею силой. Она лежала, отвернувшись к стене, ее голова странно повернута, как голова куклы со сломанной шеей. И теперь, наконец, он мог гладить ее волосы, мягко, нежно, так, как всегда хотел. Затем он понял, что она плачет, ее плечи сотрясаются от сухих, без-звучных рыданий. Он продолжал ласкать ее волосы и плечи и прошептал:

«Понимаешь, ты же не хотела меня слушать». Неожиданно она вытянулась, прервав рыдания: «Что ты сказал?» «Я сказал, что всё, чего я хотел, — чтобы ты не уходила и позволила мне гладить твои волосы и приносить тебе напитки со льдом... Честное слово, это всё, чего я хотел».

Ее плечи затряслись от слегка истеричного смеха. «Боже мой, какой же ты дурак».

123

Психология межличностных коммуникаций

«Ты сердисься на меня? Не надо. Я не хотел». Она подтянула колени, отодвигаясь от него, и прижалась к стене. «Оставь меня в покое, дай мне побыть немного одной». Она снова заплакала, на этот раз тише. Он сполз с дивана, присел на корточки на ковер, как раньше, и взял ее руку, которая лежала на подушке. Рука была безжизненной, влажной и нездорово горячей.

«Понимаешь, — сказал он, воодушевленный тем, что она не отняла руку, — когда я был ребенком, у нас была черная кошечка, с которой я всегда хотел поиграть, но она была слишком пуглива и всегда убегала. Однажды мне удалось хитростью заманить ее в детскую, но она спряталась под шкафом и не выходила. Поэтому я отодвинул шкаф от стены и злился все больше и больше, потому что она не разрешала мне себя погладить, а потом она спряталась под столом, я перевернул стол, и разбил две картины на стене и перевернул всю комнату вверх тормашками, и со стулом гонялся за кошкой по всей комнате. Когда пришла моя мама и спросила, что я делаю, и я сказал, что просто хотел погладить эту глупую кошку, мне задали

крепкую порку. Но я ведь сказал правду...» (85, pp. 40–41).

Здесь отчаяние, вызванное отвержением и неспособность доказать, что он не собирается причинить вред, привели к насилию.

3.531 Передача «нет» через отсутствие

Если мы теперь, как это делал Бейтсон, понаблюдаем за поведением животных, то обнаружим, что единственное решение этой проблемы состоит в том, что сначала действие, которое нужно отрицать, демонстрируется или предлагается, а потом не доводится до своего завершения. Это интересное и лишь

124

Глава 3. Патологическая коммуникация

отчасти «иррациональное» поведение можно наблюдать не только во взаимодействии животных, но также и на человеческом уровне.

Мы наблюдали очень интересный коммуникационный паттерн установления доверительных отношений между людьми и бутылконосыми дельфинами. Возможно, это ритуал, разработанный всего лишь дну мл животными «для себя», но все равно он представляет великолепный пример передачи «нет» посредством аналогической коммуникации. Очевидно, дельфины заключили, что рука — одна из наиболее нижних и уязвимых частей человеческого тела. Каждый ин дельфинов старался установить контакт с нешткомцом, имяп в пасть его руку и легонько сжав ео челюстями, усаженными мощными зубами, спосибнмми начисто откусить всю руку. Если человек позволял это сделать, дельфин, видимо, понимал это как сообщение о полном доверии. Следующий шаг дельфина заключался в том, что он помещал переднюю брюшную часть своего тела (его наиболее уязвимую часть, расположенную примерно там же, где человеческое горло) на руку, ногу или ступню чело-ш.чса, сигнализируя тем самым о своей уверенности в дружественности намерений человека. Однако очевидно, что эта процедура может сопровождаться неправильными интерпретациями на каждом шагу.

Па поэтическом уровне во многом похожая форма иааимоотношений, на этот раз между человеком и трансцендентальным, представлена в начальных строчках первой «Дуинской элегии» Рильке, где красота переживается как отрицание неотъемлемого, но [u-t* же возможного, разрушения:

Кто из ангельских воинств услышал бы крик мой? Пусть бы услышал. Но если б он сердца коснулся Вдруг моего, я сгинул бы в то же мгновенье, Сокрушенный могучим его бытием. С красоты начинается ужас.

125

Психология межличностных коммуникаций
Выдержать это начало еще мы способны;
Мы красотой восхищаемся, ибо она погнушалась
Уничтожить «ас (с. 280; курсив наш).¹⁴

3.532

На основе примера с дельфинами можно предположить, что ритуал может быть передаточным звеном между аналогической и цифровой коммуникацией, там копируется материал сообщения, но в форме повторений и стилизаций, форме, находящейся посередине между аналогией и символом. Так, мы можем наблюдать, что такие животные как кошки регулярно устанавливают комплементарные, но ненасильственные взаимоотношения посредством следующего ритуала. Животное с более низким статусом (обычно более молодое или находящееся за пределами собственной территории) бросается на спину, выставив свою яремную вену, которую безнаказанно прикусывает вторая кошка. Этот метод установления отношений типа «Я не нападу на тебя», кажется, принимается обоими животными; еще интереснее то, что, как было замечено, подобное кодирование с успехом применяется также и в межвидовой коммуникации (например, между кошками и собаками). Аналогический материал часто формализуется в ритуалах человеческого общества, а поскольку такой материал канонизируется, он приближается к символической или цифровой коммуникации, обнаруживая интересные наложения.

Если говорить о патологии, тот же механизм, как представляется, обуславливает сексуальный мазохизм. Нам представляется, что сообщение «Я не убью тебя» является обманчивым (и только притупляет, по крайней мере временно, глубокий страх ужасного наказания, испытываемый мазохистом) средством анало-

¹⁴ Перевод В. Микушевича. Цит. по: Рильке Р. М. Собрание стихотворений. Пер. с нем. СПб.: Биант, 1995.

126

Глава 3. Патологическая коммуникация
гичгского отрицания, содержащегося в ритуале унижения и наказания, о котором мазохист знает, что он наверняка прекратится незадолго до воображаемого кошмара.

3.54

Те, кто знакомы с символической логикой, согласятся, что, по всей вероятности, нет необходимости доказывать отсутствие всех логических функций истинности в аналогическом материале, достаточно ограничиться несколькими наиболее важными. Логическая функция истинности *альтернация* (не исключающее *или*), истолковываемая как «или один, ||.ми оГш», но всей видимости, отсутствует в аналогичном материале. В то время как с помощью цифро-шпш иньки легко передать сообщение «один или другой, и.пи оба», совершенно не очевидно, как это можно вставить в аналогическое сообщение, в действительности, ято, скорее всего, невозможно. Специалисты в области символической логики установили, что для того, чтобы представить все основные функции истинности (отрицание, пересечение, альтернация, импликация и эквивалентность), две из пяти – отрицание и альтернация (или, иначе, отрицание и пересечение) – необходимы и достаточны для представления трех (ietiiixix. По этой причине, хотя мы не знаем ничего особенного о прагматической важности отсутствия других функций истинности в аналогическом материале, можно заключить, что, поскольку они являются не чем иным, как производными от «пет» и «или», похожие трудности в переводе не обойдут их стороной.

3.55

Бейтсон и Джексон предположили, что перевод цифрового материала в аналогическую форму играет важную роль в формировании истерии. Этот процесс, противоположный тому, который мы только что обсуждали,

127

Психология межличностных коммуникаций представляет собой ретрансляцию уже оцифрованного сообщения обратно в аналогическую форму: Противоположная, но гораздо более сложная проблема, встает перед нами в связи с истерией. Несомненно, это слово объединяет широкий спектр формальных паттернов, но нам представляется, что, по крайней мере, часть случаев включает ошибки перевода цифровой коммуникации в аналогическую. Лишение цифрового материала логических пометок приводит к формированию ложного симптома. Вербальная «головная боль», изобретенная как удобный предлог для того, чтобы не выполнять какое-нибудь задание, может стать субъективной реальностью и обусловить появление реальной боли (19, p. 282).

Если вспомнить, что первым следствием неудачи в коммуникации обычно является частичная потеря способности к цифровой метакоммуникации относительно характера взаимоотношений, этот «возврат к аналогии» представляется благовидной попыткой найти компромиссное решение.¹⁵ Символическая природа конверсионных симптомов и, в общем, их близость к символизму снов осознавалась со времен Леболта, Бернхейма и Шарко. А что есть символ как не представление в реальную величину чего-то, что являет-

¹⁵ Опять же, существует мало различий между поведением отдельных индивидов и целых народов. Когда в отношениях двух стран возникает серьезное напряжение, типичное поведение заключается в том, что разрываются дипломатические отношения, как следствие, начинает использоваться аналогичная коммуникация типа мобилизации, концентрации войск и других аналогичных сообщений такого рода. Самое абсурдное в этом то, что цифровая коммуникация (дипломатическая процедура) прерывается в тот момент, когда она нужнее всего. Появление „горячей линии“ между Вашингтоном и Москвой может быть рассмотрено, в этой связи, как некая профилактическая мера, хотя ее официальное назначение в том, чтобы просто ускорить коммуникацию в кризисных ситуациях.

128

Глава 3. Патологическая коммуникация
ел абстрактной функцией, аспектом взаимоотношений, как это было описано в параграфе 1.2. Всей своей работой К. Г. Юнг показывает, что символ по-является там, где то, что мы называем «оцифровка», пока невозможно. Но нам кажется, что симво-лизация также имеет место и там, где оцифровка уже невозможна, и что это обычно происходит, когда отношения вторгаются в морально или социально табуированные области, такие как инцест.

3.6

Возможная патология симметрического и комплементарного взаимодействия

Чтобы избежать часто встречающегося недопо-нимания, мы не устаем повторять, что симметричность и комплементарность сами по себе не являются «хорошими» или «плохими», «нормальными» или «ненормальными» и т. д. Эти два понятия просто на-пыпают те две категории, на которые можно разделить осе обмена коммуникацией. Оба эти вида взаимоотношений выполняют важные функции,

и из того, что мы знаем о здоровых отношениях, можно сделать вывод, что оба они должны присутствовать, хотя и с изменениями, в различных областях. Как мы постираемся показать, это означает, что каждый паттерн может стабилизировать другой, когда в одном из них происходит сбой, а также то, что не только возможно, но и необходимо, чтобы два партнера взаимодействовали симметрично в одних областях и комплементарно – в других.

3.01 Эскалация симметричности

Как и любой другой паттерн коммуникации, эти два также имеют свою потенциально возможную патологию, которая вначале будет описана, а затем проиллюстрирована клиническим материалом. Мы уже

5 Психология 129

Психология межличностных коммуникаций высказывали предположение, что в симметрических взаимоотношениях постоянно присутствует опасность соревновательности. Как можно заметить из наблюдений и за людьми, и за государствами, идея равенства становится особенно обнадеживающей, когда одному удается быть просто чуть-чуть «равнее» других, если использовать знаменитую фразу Оруэлла. Эта тенденция проявляется в эскалации равенства симметрического взаимодействия, когда происходит потеря стабильности и так называемый сбой, что приводит к ссорам и конфликтам между индивидами или войнам между государствами. В семейных конфликтах, например, можно наблюдать, как супруги проходят через нарастающий паттерн фрустрации до тех пор, пока не останавливаются, достигнув полного физического или эмоционального истощения, затем следует период беспокойного перемирия, пока они не накопят сил для следующего раунда. Таким образом, патология в симметрических взаимоотношениях характеризуется более или менее открытой враждой, или *схизмой*, в том значении, которое придавал этому слову Лидс (95). В здоровых симметрических взаимоотношениях партнеры способны уважительно относиться друг к другу, что ведет к появлению доверия и уважения со стороны другого и составляет основу для реалистического обоюдного подтверждения личностей партнеров. Если и когда симметрические отношения нарушаются, мы обычно наблюдаем скорее отвержение, а не игнорирование личности другого.

3.62 Ригидная комплементарность

В комплементарных взаимоотношениях также возможно такое же здоровое, позитивное подтверждение друг друга. Патологические изменения комплементарных взаимоотношений, с другой стороны, совершенно отличны, и характеризуются тенденцией проявляться в игнорировании, а не отвержении личности другого. Поэтому они более важны с точки зрения

130

Глава 3. Патологическая коммуникация психопатологии, чем более и менее открытая **борьба** в симметрических взаимоотношениях.

Типичная проблема возникает в комплементарных **отношениях**, когда Л требует, чтобы Д подтвердил **описание**, данное Л собственной личности, которое не **согласуется** с образом Л, сложившимся у Д. В результате Д оказывается перед специфической дилеммой: он **должен** изменить определение собственной личности **так**, чтобы оно дополняло и, таким образом, поддерживало определение Л, поскольку в природе комплементарных отношений заложено, что определение личности может быть поддержано только с помощью **выполнения** партнером особой комплементарной роли. **Как-никак**, нельзя быть матерью, если нет ребенка. Но паттерны материнско-детских отношений меняются со временем. Тот же паттерн, который был биологически и эмоционально необходим на ранней стадии жизни младенца, становится серьезным препятствием для его дальнейшего развития, если не происходят нужные изменения во взаимоотношениях. Таким образом, в **зависимости** от контекста, один и тот же паттерн **может давать** полное подтверждение личности в один момент времени, а в более поздний (или ранний) период истории взаимоотношений играть роль игнорирования. **Поскольку** патология комплементарных отношений **проявляется** ярче, в литературе ей уделялось гораздо **больше внимания**, чем аналогичным явлениям в симметрических взаимоотношениях. Психоналитики называют их садомазохизмом и рассматривают как более или менее случайную связь двух индивидов, чьи девиации характера согласуются с таковыми партнера. Среди более новых и более ориентированных на взаимодействие исследований можно назвать концепцию супружеской асимметрии Лидса (95), доклад Шефлена об «отвратительной парочке» (136), и понятие о «заговоре» в понимании Лэинга (88). В этих отношениях мы можем

наблюдать растущее чувство фрустрации и отчаяния у **одного** или обоих партнеров. Жалобы на возрастающие

131

Психология межличностных коммуникаций

пугающие ощущения самоотчуждения и деперсонализации, на абулию можно часто услышать от людей, которые, за пределами своего дома (или по какой-либо еще причине лишившись своего партнера) вполне способны эффективно действовать и которые, если с ними беседовать поодиночке, могут показаться очень хорошо адаптированными. Часто эта картина драматически изменяется, если их понаблюдать вместе со своими «половинками». Патология их *взаимоотношений* тогда становится очевидной. Пожалуй, самым выдающимся исследованием патологии комплементарных взаимоотношений является знаменитая работа двух французских психиатров прошлого века. То, насколько мало наш подход претендует на оригинальность, можно документально подтвердить следующими, например, абзацами. Авторы вначале описывают пациента и затем продолжают:

Приведенное выше описание относится к душевнобольному пациенту, агенту, который провоцирует ситуацию. Его партнера гораздо труднее описать, но все же *тщательное исследование поможет распознать законы, которым подчиняется этот второй участник коммуникационного безумия...* Когда *молчаливый контракт*, связывающий обоих безумцев, почти установлен, проблема заключается не только в том, чтобы изучить влияние, которое оказывает безумный на предположительно здорового человека, но также и противоположное, влияние рационального на помешанного, и показать, как с помощью взаимных компромиссов различия сводятся на нет (92, р. 4; курсив наш).

3.63

Как уже кратко упоминалось в начале этого раздела, паттерны симметрических и комплементарных взаимоотношений могут стабилизировать друг друга, и переключение с одного паттерна на другой и обрат-

132

Глава 3. Патологическая коммуникация

но является важнейшим гомеостатическим механизмом. Это подразумевает терапевтическое приложение, которое заключается в том, что, по крайней мере, теоретически, терапевтическое изменение может быть произведено путем прямого привнесения симметричности и комплементарности

(или наоборот) во время лечения. Мы говорим «по крайней мере, теоретически» поскольку слишком хорошо известно, как трудно на практике внести какие-либо изменения в ригидную систему, чьи участники, как кажется, «лучше будут мириться со знакомыми проблемами, чем менять их на что-то, о чем они ничего не знают».

3.64

Чтобы объяснить предшествующий материал, здесь приводятся три отрывка из так называемых структурированных семейных интервью (159). Все три из них представляют собой ответы на стандартный вопрос интервьюера, обращенный к супругам: «Как, среди миллионов людей на Земле, вы нашли друг друга?». Нужно четко уяснить, что сама по себе фактическая историческая информация, содержащаяся в подобных сообщениях, имеет только второстепенную значимость, хотя она может быть относительно точной и сама по себе являться отражением симметричного или комплементарного взаимодействия, которое тогда происходило. По здесь нас интересует не эта историческая информация, которая может быть искажена выборочностью воспоминаний или принятием желаемого за действительное. Первая пара демонстрирует симметрию отношений, что проявилось во время ответа на вопрос интервьюера. История их знакомства, рассказанная ими, — это только, так сказать, сырой, необработанный материал, которым они манипулируют в соответствии с правилами своей игры в «кто главнее». И для них, и для нас, важно не что случилось, а кто имеет право об этом говорить. Другими словами, в центре нашего внимания — не

133

содержательный аспект, а аспект отношений их коммуникации.

1. Первый отрывок — пример типичного симметричного обмена.¹⁶

Расшифровка

И.: Как, среди миллионов людей на Земле, вы двое нашли друг друга? М.: Мы... оба работали в одном месте. Моя жена работала на арифмометре, а я чинил арифмометры и...

Ж.: Мы работали в одном здании.

М.: Она работала в фирме, где было много оборудования, и я работал там большую часть времени, потому что там было много оборудования. И вот там мы и встретились.

Ж. Несколько девушек, которые там работали, познакомили нас.

Комментарии

М. говорит первым, предлагая в одностороннем порядке свою версию произошедшего, тем самым определяя свое право поступать таким образом.

Ж. перефразирует ту же информацию своими словами, не просто соглашаясь с ним, вместо этого она восстанавливает симметрию в обсуждении этой темы. М. не добавляет никакой новой информации, а просто перефразирует то же тавтологическое предложение, с которого он начал. Таким образом, он симметрично противостоит ее поведению, настаивая на своем праве дать эту информацию: на уровне отношений они спорят, за кем останется «последнее слово». М. пытается выиграть спор с помощью законченности своего второго предложения. Ж. не сдается, она изменяет его утверждение, вновь заявляя свое право участвовать на равных в этой дискуссии.

¹⁰ В расшифровках используются следующие сокращения: М — муж, Ж — жена, И — интервьюер.

134

(Пауза.)

М.: В действительности, мы познакомились на вечеринке, я имею в виду, мы в первый раз были вместе на вечеринке, которую устроил один из наших сослуживцев. Но мы уже видели друг друга раньше, на работе. Ж.: Мы никогда не встречались до этого вечера. (Короткий смешок.)

(Пауза.)

М. (очень мягко): М-м-м. (Длинная пауза.)

Хотя этот новый поворот так же пассивен, как и интерпретация их «работы в одном здании» (где не описывается проявление инициативы ни одного из них), она утверждает себя как «немного более равную», ссылаясь на «других девушек» — группу, в которой, очевидно, именно она, а не М., была «своей». Эта пауза заканчивает первый раунд симметричного взаимного обмена, но вся дискуссия не заканчивается. Хотя и в смягченной и компромиссной форме, это повторное утверждение неправомочности ее определения.

Это прямое отрицание, а не просто перефразировка, возможно означающее, что спор начинает набирать обороты. (Обратите внимание, что слово «встречались» может иметь здесь несколько значений — от «встретились»

глазами» до «были официально представлены друг другу», поэтому ее опровержение не имеет силы, если в нем усомнятся, она не будет им связана. Ее смех – тоже способ «сказать что-то, на самом деле не говоря этого»). М.: признает свое поражение, соглашаясь с ней; но у «м-м-м» может быть множество разно-

135

Психология межличностных коммуникаций

И.: Но все же, я представляю, как мимо проходят дюжины, а может, больше, людей, и как же среди всех этих людей вы двое нашли друг друга? М.: Она была там самая красивая. (Короткий смешок.)

(Пауза.)

Ж. (быстро): Я не знаю, главная причина, по которой я начала с ним встречаться, заключается в том, что девочки, а он поговорил с несколькими другими девушками до того, как поговорить со мной,

136

образных значений, кроме того, этот звук был произнесен практически неслышно, без всякой уверенности и ударения, результатом чего явилась полная неопределенность. Более того, предыдущее высказывание настолько неопределенное, что совершенно непонятно, что может означать согласив с ним. В любом случае, он не идет дальше, и не предоставляет свою новую версию. Поэтому они достигают конца второго раунда, который снова обозначен паузой, которая, как представляется, сигнализирует о том, что они дошли до опасной черты (открытого противостояния и конфликта) и готовы свернуть дискуссию, даже не завершая спор на содержательном уровне. Интервьюер вмешивается, чтобы продолжить дискуссию.

БЛ. делает сильный рывок вперед; этот сомнительный комплимент ставит ее в положение сравнения с другими, в котором он выступает как судья.

Она отвечает на его высокомерность, выстраивая собственную версию: она заинтересовалась им только потому, что он изначально интересовался ею. (Точка, вокруг которой они строят симметрию,

Глава 3. Патологическая коммуникация

и рассказал им, что он интересуется мной, и они более или менее спланировали вечеринку, и вот там мы и познакомились.

М.: Ни самом деле, никто не планировал вечеринку с этой целью...

Ж. (поребивает): Да, но было запланировано, что мы познакомимся на вечеринке. Официально познакомимся. **Лично.** (Короткий смешок.) Мы работали раньше, но у **меня** не было привычки..., ну, *i*ам было около шестидесяти жошцин и десть или двенад-цать мужчин. Поэтому у **меня** не было привычки... **М.** (продолжает): Конечно, она была застенчивая и роб-кам по отношению к э-э, странным мужчинам, которые там **работали, но** женщины знали **это,** (*i* **Пауза.**) Л гам со многими **флиртовал** (короткий смешок). Это ничего не значило, это просто... (вздых), просто мои натура, п полягаю.

Ота пара обратилась за помощью, поскольку они опасались, что их постоянные конфликты могут отразиться на их детях. Кроме того, как можно предположить на основании приведенного отрывка, они жаловались на проблемы в сексуальной сфере, где, конечно, их неспособность к комплементарным отно-птгпиям сказывается особенно болезненно.

2. Вторая пара участвовала в исследовательском проекте, включавшем случайно отобранные семьи. У исследователей сложилось общее мнение, что эмоционально они довольно далеки друг от друга, а у смещается с того, чья версия их знакомства будет высказана и признана истинной, на то, **кто,** так сказать, взял приз во время их ухаживаний.) Прямое отвержение ее определения.

Согласившись с его поправкой, **Ж.** повторила то, что только что сказала. Ее безличная формулировка была ослаблена, и теперь она полагается на прямое самоопределение («Я такой человек...»), а это неопровержимый аргумент в установлении равенства. **М.** дает симметричный ответ, основанный на его «натуре», и очередной раунд заканчивается.

137

Психология межличностных коммуникаций жены достаточно заметная депрессия. Их взаимодействие типично комплементарно, муж занимает главенствующую, а жена — подчиненную позицию. Но, как мы уже объясняли в предыдущей главе, эти понятия не нужно рассматривать как проявления соответственно силы и слабости. Вполне очевидно, что амнезия и беспомощность этой женщины не только дают ему возможность играть роль сильного, «настоящего» мужчины, но и являются теми факторами, по отношению к которым его сила и мужественность совершенно бессильны. Таким образом, мы снова

сталкиваемся с сильнейшим воздействием, которое оказывает эмоциональный симптом, в широком смысле этого слова, на межличностное взаимодействие.

Отрывок начинается немногим позже того, как интервьюер задает свой стандартный вопрос об их знакомстве, и после того, как муж объясняет, что она пришла на работу в офис, расположенный по соседству от его.

М.: Послушай, когда ты там начала работать?

Ж.: Я не знаю...

М. (перебивает): Мне кажется, я пришел в октябре, годом раньше, ... а ты, наверное, начала работать примерно в феврале, а-а-а, январе или феврале, а может быть, в феврале или в марте, потому что твой день рождения был в декабре, в том же году.

Ж.: М-м, я даже не помню...

М. (перебивает): Поэтому я послал ей цветы в день нашего первого свидания. До этого мы никуда не ходили, правда?

Ж. (с коротким смешком): Да, я была очень удивлена.

М.: Так все и началось. Примерно через год мы поженились. Немного больше, чем через год.

И.: Что вы...

138

Глава 3. Патологическая коммуникация

М. (перебивает): Хотя Джейн ушла из компании вскоре после этого. Я думаю, ты работала там не более пары месяцев, да?

Ж.: Изпинито, понимаете, я не помню (легкий смешок), как долго или когда я пошла...

М. (перебивает): Да, пару месяцев, а затем ты снова стала преподавать. (Ж.: гм, гм) Потому что мы, я полагаю, она поняла, что эта работа на оборонном предприятии не так уж способствует военным действиям, как она полагала до того, как начала там работать.

И.: Поэтому вы, вы пошли в школу?

Ж.: Да, я работала там раньше. (И.: гм) Я пошла туда работать.

И.: И вы продолжали встречаться без перерывов. (М.: о, да) Что, а, помимо того факта, что ваша жена очень привлекательна, что еще вас объединяет?

М.: Совершенно ничего (смеется). И никогда не было, правда? (резкий вздох). (Пауза.)

3. Третий пример взят из интервью клинически **здоровой** пары, которая добровольно захотела при-**ММТИ**. **участие** и таком же исследовании. Здесь можно наметить, как им

удастся сохранять теплые **отношения и взаимно** поддерживать друг друга, гибко переходя с симметрического типа на комплементарный.¹⁷ Таким образом, даже хотя некоторые их реплики можно посчитать взаимоуничтожительными, они не

" Совершенно новые коммуникационные условия возникают в области симметрического и комплементарного взаимодействия, если сообщение определяет отношения как симметрические и комплементарные *одновременно*. Возможно, это самый распространенный и важный вариант возникновения парадокса в человеческой коммуникации, и прагматические последствия этой формы коммуникационно!) неопределенности будут отдельно рассмотрены в главе 6.

139

Психология межличностных коммуникаций представляют угрозу стабильности их взаимоотношений и взаимному подтверждению их ролей.

Расшифровка

Комментарии

И.: Как, среди миллионов людей на Земле, вы двое нашли друг друга? Ж.: Как мы...? И.: ...нашли друг друга. Ж.: Ну, ...

М. (перебивает): Ну, я вам расскажу. (Ж. смеется, М. присоединяется.)

Ж. Ну, ну, я расскажу это. На самом деле, я работала, когда закончила среднюю школу. Это было время Депрессии, и я получила работу, э-э, «девушки на тротуаре». По-моему, тогда это так называлось, и была...

М.: ...это был ресторан, обслуживающий клиентов прямо в автомобиле, ...

Ж.: Я работала в таком ресторане, пока не нашла другую работу. А он работал...

Ж. начинает, тем самым определяя свое право так поступать.

М. напористо наступает, производя симметричный маневр. Это смягчено тем, что оба засмеялись. Ж. вновь наступает, в точности повторяя слова М., а затем пускаясь в долгие объяснения, определяя свое видение ситуации.

Ж. попадает в затруднительное положение, поскольку «девушка на тротуаре» может означать «уличная девушка». М. спасает ее, проясняя, где она работала, при этом *лосво-ему* описывая ситуацию. Вплоть до этого момента их взаимодействие является симметрическим. Ж. принимает

его определение и тщательно следует за тем исправлением смысла высказывания, которое он сделал. Она принимает комплементарную нижестоящую позицию.

140

Глава 3. Патологическая коммуникация

М.: Л ее подвез.

Ж.: Действительно, я думаю, так оно и было. (Оба смеются.) М Вот так.

Ж/. Но он был очень робким. Он принадлежал к типу робких мужчин, и я думала, ну... М Она говорит, я преодолел это, я не знаю.

Ж.: Я, я чувствовала... М.: Это псе ...

Ж.: ...что он безопасен, поэтому н, п поохллп с ним домой. М, (вмешиваясь): Это был в кикой то степени вызов, потому что я провел выходные за і ородом с парой своих дру-:іой, и на пути обратно в город мы обсуждали, что мне уже давно пора завести по-гпопмную девушку. Ж. (смеясь): И так получилось, что я там стояла...

Комплементарная вышестоящая позиция. Комплементарная нижестоящая позиция (принимает определение М.).

Комплементарная вышестоящая позиция. Таким образом, наблюдавшаяся ранее симметричная эскалация была прервана переходом к комплементарности, завершение спора становится возможным; М. подводит итог, и раунд заканчивается. Ж. предпринимает попытку взять реванш за то, что он ее подвез.

М. принимает нижестоящую позицию. М. принимает то, что она определила его как робкого, т. е. не только то, что он не был агрессивным, но и то, что она до сих пор вправе судить об этом. („Она говорит ... я не знаю".)

М. продолжает свою интерпретацию еще дальше, и говорит, что у него не было девушки, что его друзья оказывали на него влияние в его поступках, и т. д.

Хотя содержание этого высказывания звучит несколько уничижительно, и поэтому комплементарно ниже, в данном контексте ее высказыва-

141

Психология межличностных коммуникаций

М.: Итак, мы остановились в этом месте, чтобы выпить пива, или что-то вроде этого (оба смеются), а она там была. Поэтому я, а-а-а, ... Ж. Вот так это было.

ние зеркально отражает поведение М. в его пассивности. (Обратите внимание на необходимость разграничивать ее мотивацию и межличностные последствия, так что

симметрия может основываться и на принижении так же, как и на других формах соперничества.)

М. симметрично высказывает обе их формулировки ситуации, и вновь смех прекращает дискуссию.

Ж. подводит окончание, совсем как это сделал М. в **конце** первого раунда словами «**Вот** так».

3.85

При анализе приведенных примеров представляется важным отметить два момента. Во-первых, при появлении коммуникационных паттернов падает значимость содержания. Группа врачей, проходящих второй и третий год ординатуру по психиатрии, расценили, что пара в третьем примере гораздо более «больна», чем другие пары, с зафиксированными клиническими нарушениями. После выяснения причин стало понятно, что они вынесли такое решение на основе относительной социальной неприемлемости формы их знакомства и открытых «столкновений» по поводу деталей. Другими словами, их ошибочное решение было основано на содержании их самоотчетов, а не на взаимодействии, которое они демонстрировали.

Еще более важно понять, что мы анализируем последовательность высказываний. Ни одно взятое само по себе высказывание не может быть симметричным, комплементарно вышестоящим или каким-

142

Глава 3. Патологическая коммуникация

либо еще. Для «классификации» данного сообщения совершенно необходимым является ответ партнера. Таким образом, функции коммуникации можно определить только в результате рассмотрения отношений между двумя или более ответами, а не пытаясь исследовать природу утверждений как независимых сущностей.

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия

4.1 Введение

Относительно изолированные примеры, представленные в предыдущих главах, служили для представления некоторых базовых характеристик основных видов патологии человеческой коммуникации. Это те элементы, из которых строится вся сложная система коммуникации. Обращаясь теперь к организации взаимодействия (как этот элемент коммуникации был определен в параграфе 2.22), мы рассмотрим образование паттернов повторяющейся, продолжающейся коммуникации, т. е. *структуру* коммуникационных процессов.

Этот уровень анализа неявно присутствовал и **в** более ранних наших утверждениях, когда мы рассуждали о кумулятивных симметрических или комплементарных взаимодействиях (см. 2.6 и 3.6). Точно так же «самоисполняющееся пророчество» (см. 3.44) — это не просто конкретный способ пунктуации в одном отдельно взятом коммуникационном предложении: повторение этого паттерна снова и снова в различ-

146

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия в различных ситуациях — это элемент нашей жизни. Таким образом, понятие паттерна коммуникации можно рассматривать в качестве представления повторения или избыточности¹ событий. Кроме того, конечно, суще-**ствуют** и паттерны паттернов и, возможно, еще более высокие уровни организации; мы не можем представить ограничения этой иерархии. Однако на настоящий момент предметом нашего изучения станет уровень, следующий за рассмотренным выше: организация последовательных сообщений, сначала **в** общем, затем мы обратим особое внимание на функционирующие системы взаимодействия.

4.2 Взаимодействие как система

Взаимодействие может быть рассмотрено как система, и общая теория систем может помочь понять природу систем взаимодействия. Общая теория систем — **это** теория не только биологических, экономических или инженерных систем. Несмотря на большое разнообразие исходных данных, эти теории, **описывающие** конкретные системы, имеют так много общих **положений**, что была разработана теория **более высокого порядка, структурирующая** эти черты **в формальный** мономорфизм.² Один из

¹ Важность избыточности для нашего понимания паттерна по-Лробіш обсуждалось в параграфе 1.4; здесь мы только хотим подчеркнуть, что паттерн — это информация, передаваемая осуще-**и** илрмием некоторых событий и неосуществлением других. Если все кшможные события данного класса случаются с равной вероятно-**г**тью, адесь нет паттерна и нет информации.

¹ На к можно будет заметить, наше внимание будет ограничено иределенными аспектами функционирующих систем взаимодейст-ия, особенно семей. Современное прекрасное описание приложе-ин этой теоретической схемы к живым системам в общем можно ийти и работах Миллера (105), которые показывают потенциально лодотворный интегративный аспект подобного подхода.

Психология межличностных коммуникаций пионеров в этой области, Людвиг фон Берталанфи, описывает эту теорию как «формулировку и развитие принципов, которые относятся к «системам» в общем» (25, р. 131). Фон Берталанфи также отвечает на сомнения тех, кто будет шокирован нашим стремлением толковать человеческие взаимоотношения с помощью теории, более известной — но это вовсе не означает лучше применимой — для описания нечеловеческих систем, особенно компьютеров. Фон Берталанфи разоблачает ошибочность подобной логики:

Изоморфизм, о котором мы упомянули, — следствие того факта, что определенные аспекты, имеющие отношение к абстракциям и концептуальным моделям, могут быть приложимы к различным феноменам. Законы системы приложимы только к этим аспектам. Это не означает, что физические системы, организмы и общества одинаковы. В принципе, это та же ситуация, когда закон гравитации приложим к яблоку Ньютона, планетарной системе и феномену приливов и отливов. Это означает, что относительно весьма ограниченного числа свойств определенная теоретическая система, а именно механика, является справедливой; это не означает, что существует сходство между яблоками, планетами и океанами во всем остальном множестве их признаков и характеристик (26, р. 75).

4.2 I

Прежде, чем определять особые характеристики систем, нам следует отметить, что очевидная и очень важная переменная — время (и его спутник, порядок) должны стать неотъемлемой частью предмета нашего изучения. Коммуникационные элементы — это, по словам Франка, «не безымянные эле-

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
менты частотного распределения» (45, р. 510), а неразделимое вещество протекающего процесса, чей порядок и внутренние взаимосвязи и станут здесь предметом нашего интереса. Как сказали Леннард и Бернштейн:

Неотъемлемой характеристикой системы является промежуток времени. В самой своей сути система состоит из взаимодействия, а это значит, что последовательный процесс действий и реакций должен осуществиться до

того, как мы сможем описать любое состояние системы или любое изменение состояния» (94, pp. 13–14).

4.22 Определение системы

Вначале мы можем последовать за определением, предложенном Холлом и Фэйгеном, которые считали, что система – это «совокупность объектов вместе с отношениями между этими объектами и их свойствами» (02, p. III); в этом определении *объекты* – это компоненты или части системы, *свойства* – это характеристики объектов, а *отношения* «объединяют систему в единое целое». Далее эти авторы подчеркивают, **Видно, что** любой объект в конечном счете определяется своими свойствами. Таким образом, хотя в качестве объектов могут выступать отдельные индивиды, свойствами, которыми они определяются, здесь является их коммуникативное поведение (в противоположность, так сказать, интрапсихическим свойствам). Объекты и системах взаимодействия лучше описывать не как отдельных индивидов, а как личности, вступающие в коммуникацию с другими личностями. Если точнее... предсказать значение термина «взаимоотношение», можно в значительной мере избавиться от неопределенности и излишней обобщенности вышеприведенного определения. Допуская, что между любыми объек-

149

Психология межличностных коммуникаций
тами всегда существуют взаимоотношения, пусть даже иллюзорные, Холл и Фэйген считают, что то, какие отношения будут рассмотрены в контексте данной совокупности объектов, зависит от текущей проблемы: важные и интересные отношения будут рассмотрены, незначительные и несущественные пропущены. Решение о том, какие отношения важны, а какие незначительны, решает человек, имеющий дело с этой проблемой; например, может оказаться, что незначительность определяется просто отсутствием интереса (62, p. 18).

Здесь важно не содержание коммуникации само по себе, а именно побудительный аспект (аспект отношений) человеческой коммуникации, как он был определен в параграфе 2.3. Таким образом, системой взаимодействия будут являться два или более участника коммуникации в процессе, или на уровне, определения характера их взаимоотношений.³

4.23 Окружающая среда и подсистемы

Еще одним важным аспектом определения системы является определение окружающей ее среды; снова, цитируя Холла и Фэйгена: «Для данной системы окружающая среда – это совокупность всех объектов, изменение свойств которых влияет на систему, а также те объекты, чьи свойства меняются под воздействием поведения системы» (62, р. 20). По признанию самих авторов, вышеприведенное высказывание вызывает законный вопрос: когда объект принадлежит к самой системе, а когда – к ее окружению, поскольку, если объект

³ Хотя особое внимание будет уделено коммуникантам-людям, нет теоретических причин удалять из рассмотрения взаимодействия других млекопитающих (9) или групп, таких как народы, которые, во многом, взаимодействуют так же как два или более индивида (125).

150

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия взаимодействует с системой так, как это описано выше, может ли он не считаться частью системы? Ответ совершенно не определен. В каком-то смысле, система вместе со своей окружающей средой формирует универсум объектов рассмотрения в данном контексте. Разделение этого универсума на две совокупности, систему и окружающую среду, может быть произведено множеством различных способов, каждый из которых, в действительности, случаен... Из определения системы и окружающей среды понятно, что каждая данная система может, в свою очередь, быть разделена на подсистемы. Объекты, принадлежащие к одной подсистеме, могут также рассматриваться как части окружающей среды другой подсистемы (62, р. 20).

Изменчивость и гибкость концепций системы-среды и системы-подсистемы может быть причиной эффективности теории систем в изучении живых (органических) систем, биологических, психологических или, как здесь, систем взаимодействия. Поскольку ...органические системы *открыты*, что означает, что они обмениваются веществами, энергией и информацией с окружающей средой. Система является *закрытой*, если там отсутствует импорт или экспорт энергии в любой из ее форм, таких как информация, тепло, вещество и т. д., и поэтому не происходит обмен компонентами. Примером такой системы может служить химическая реакция,

происходящая в запечатанном изолированном контейнере (62, р. 23).

Можно сказать, что это разделение систем на открытые и закрытые освободило исследователей, занимающихся изучением феноменов жизни, от оков теоретической модели, основанной преимущественно на классической физике и химии — модели исключительно *закрытых* систем. Для живых систем

151

Психология межличностных коммуникаций отношения с окружающей средой являются исключительно важными, поэтому применение в их изучении теории и методов, приложимых к объектам, которые можно поместить «в запечатанный изолированный контейнер», приводит к неправильным результатам и заблуждениям.¹

С развитием теории о иерархически организованных открытых подсистемах пропала необходимость искусственно изолировать систему от окружающей ее среды; их совместное сосуществование поддается осмысленной интерпретации в рамках одной теоретической структуры. Кёстлер так описывает ситуацию:

Живой организм или социальное тело не есть конгломерат элементарных частей или элементарных процессов; это объединенная иерархия относительно автономных суб-целостностей, состоящих из суб-суб-целостностей и т. д. Таким образом, функциональные единицы на каждом уровне иерархии дву-сторонни: они выступают как целостности относительно нижестоящих уровней и как части относительно вышестоящих (87, р. 287).

Используя эту понятийную модель, мы легко можем поместить диадическую систему взаимодействия в семью большего размера, расширенную семью, общину и культуру. Кроме того, такие подсистемы могут (не нарушая теорию) перекрывать другие подсистемы

* Интересный и важный пример непрямого влияния на другие дисциплины, оказанного метатеорией, наиболее четко разработанной в классической физике, можно найти в психиатрии: патологии взаимодействия были практически неизвестны на ранних этапах развития психиатрии, с одним исключением — феноменом родственного симбиоза (см. 3.62). Эти драматические отношения с самого начала рассматривались как проблемы взаимодействия, а не отдельных индивидов, и поэтому представляли собой нечто большее, чем причуду нозологии. Занимательным является

и тот факт, что их признавали, в то время как многие другие проблемы в отношениях просто не рассматривались.
152

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
темы, поскольку каждый член диады вовлечен в диалогические подсистемы с другими людьми и даже с самой жизнью (см. Эпилог). Если коротко, поведение участвующих в коммуникации индивидов может быть проанализировано с учетом как горизонтальных, так и вертикальных отношений с другими людьми и другими системами.

Таким образом, предмет нашего обсуждения сместился с самого универсального определения систем вообще к одной или двум основным разновидностям систем, к открытой системе. Теперь мы можем определить некоторые макроскопические характеристики открытых систем, в их приложении к взаимодействию.

4.31 Целостность

Каждая часть системы состоит в таких отношениях с другими частями, что изменение в одной части приведет к изменению в них всех и в системе в целом. То есть, система функционирует не как простая смесь из независимых элементов, а как взаимосвязанное и неразделимое целое. Возможно, эту характеристику легче всего понять в сравнении с ее полкой противоположностью – суммарностью: если изменения в одной части не влияют на другие части или целое, тогда эти части являются независимыми друг от друга и составляют «множество» (понятие, которое мы заимствуем из литературы по системам), которое не сложнее, чем сумма его элементов. Это качество – суммарность – можно расположить на другом конце гипотетического континуума, на противоположном конце при этом будет находиться целостность. Можно сказать, что системы всегда характеризуются некоторой степенью целостности.

153

Психология межличностных коммуникаций

Сейчас мы видим, что механические теории девятнадцатого века были, в основном, аналитическими и суммарными, хотя в то время они не были формализованы в виде метатеории. «Механистическое мировоззрение находит свой идеал в духе Лапласа, т. е. в представлении о том, что все феномены являются, в конечном счете, совокупностями случайных действий элементарных физических частиц» (25,

р. 165). Исторические контрасты могут послужить здесь ярчайшими примерами. Как отмечает Эшби: Наука стоит сегодня на своего рода распутье. На протяжении двух столетий она исследовала или внутренне простые системы, или системы, разложимые на простые составные части. Тот факт, что такая догма как «изменяйте только один фактор а каждый конкретный момент времени», принималась в течение целого столетия, показывает, что большинство ученых пыталось изучать такие системы так, как позволяет подобный метод; хотя этот метод часто является фундаментально неприложимым к исследованию сложных систем. Вплоть до работ сэра Рональда Фишера в 20-е годы, с его экспериментами на сельскохозяйственных почвах, четко не осознавалось, что существуют сложные системы, которые просто не позволяют изменять только один фактор в каждый момент времени — они настолько динамичны и внутренне связаны, что изменение одного фактора незамедлительно вызывает изменения в других, возможно, в большинстве других. Вплоть до недавнего времени ученые пытались уклониться от изучения подобных систем, сосредоточивая свое внимание на простых и, в особенности, редуцируемых системах.

В исследовании некоторых систем, однако, сложность не могла совсем быть оставлена без внимания. Кора головного мозга свободно еуществующе-
154

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия го организма, муравейник как функционирующее сообщество и человеческая экономическая система — выдающиеся объекты, и сточки зрения своей практической значимости, и с точки зрения неадекватности других методов. Поэтому сегодня мы можем наблюдать неизлечимые психозы, общества, приходящие в упадок, рушащиеся экономические системы, а ученые могут ненамного больше, чем просто признать высокую сложность предмета своего изучения. Но наука сегодня делает первые шаги к изучению «сложности» самой по себе как отдельного объекта исследования (5, р. 5).

4.311

Таким образом, *несуммарность*, выводимая из понятия целостности, может помочь в определении системы от противного. Систему нельзя принимать за сумму ее частей; в действительности, формальный анализ искусственно изолированных сегментов разрушил бы сам

предмет нашего интереса. Важно пренебречь частями ради целого и уделить внимание глубинной сущности сложности системы, ее организации. Психологическая концепция гештальта – один из способов выражения принципа несуммарности; в других областях большой интерес вызывает так называемое *появляющееся качество*, которое возникает благодаря взаимодействию двух или более элементов. Наиболее яркий пример представлен нам химией, где относительно небольшое количество элементов образует огромное множество новых сложных веществ. Другим примером могут послужить так называемые «муаровые картины» – оптические явления, возникающие при наложении друг на друга двух или более сеток (H4). В обоих случаях результатом является сложность, которую никак нельзя было бы объяснить, рассматривая элементы по отдельности. Более того, интересно, что мельчайшее изменение в отно-

155

Психология межличностных коммуникаций
шениях между составными частями часто усиливается в появляющемся качестве – возникает другое вещество в случае химической реакции, совершенно другая конфигурация в случае муаровой картины. В этой связи можно отметить, что в физиологии клеточная патология Вирховиана противостоит современному подходу Вайса (162), в психологии классическая ассоциативная теория противостоит гештальтистской теории; а в изучении человеческого взаимодействия мы предлагаем противопоставить индивидуально-ориентированным подходам теорию коммуникации. Когда взаимодействие рассматривается как производное от индивидуальных «характеристик», таких как роли, ценности, ожидания и мотивы, композиция – двое или более взаимодействующих индивидов – является суммарным множеством, разложимым на более простые (индивидуальные) составные части. В противоположность этому, из первой аксиомы коммуникации (любое поведение является коммуникацией, отсутствие коммуникации невозможно) следует, что коммуникационная последовательность является, как раз наоборот, неразделимой; коротко это можно сформулировать так: взаимодействие несуммарно.

4.312

Еще одной теорией взаимодействия, противоречащей принципу целостности, является теория об односторонних отношениях между элементами; согласно этой теории, А

может влиять на *B*, но не наоборот. Вспоминая пример о ворчливой жене и избегающем муже (параграф 2.42) можно еще раз отметить, что хотя последовательность взаимодействия может быть разбита (участниками или наблюдателями) на паттерн односторонней обусловленности, на самом деле такая последовательность имеет форму круга, и кажущийся «ответ?» на самом деле является стимулом для следующего события в коммуникации-156

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
онной цепи взаимозависимых элементов. Таким образом, признавая, что поведение человека *A* является причиной поведения *B*, мы упускаем из виду эффект, который поведение *B* оказывает на последующую реакцию *A*; таким образом, мы, в действительности, искажаем хронологию событий, подчеркивая одни отношения и пропуская другие. В случае комплементарных отношений (ведущий – ведомый, сильный – слабый, родитель – ребенок) особенно легко потерять целостность отношений и разбить их на независимые элементы, связанные линейной причинно-следственной связью. Мы уже предупреждали об опасности такой ошибки в параграфах 2.62 и 2.63, и здесь мы только хотим показать ее специфику в тех случаях, где мы имеем дело с длительным взаимодействием.

4,32 Обратная связь

Если части системы не суммарны и не соединены односторонней связью, то каким же образом они объединяются? Отказавшись от этих двух классических теоретических моделей, мы, похоже, остались с тем, что в девятнадцатом и начале двадцатого века было недостойной уважения альтернативой – неопределенными виталистическими и метафизическими концепциями, которые, поскольку они не согласуются с доктриной детерминизма, были объявлены теологическими. Однако, как мы уже показали в параграфе 1.3, смена теоретической ориентации с энергии (и вещества) на информацию освободила нас, наконец, от необходимости совершать бесполезный выбор между теологией и детерминизмом. С наступлением эры кибернетики и «открытием» обратной связи стало очевидно, что круговая и довольно сложная взаимосвязанность является принципиально другим, но ничуть не менее научным феноменом, чем более простые и ортодоксальные представления о причинно-следственной связи. Обратная

связь и кругообразность, детально описанные в главе],
и проиллюстрирован-

157

Психологин межличностных коммуникаций

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия

Г

ные многими примерами в главах 2 и 3, представляют собой модель причинности, подходящую для теории систем взаимодействия. Специфическая сущность процесса обратной связи представляет гораздо больший интерес, чем происхождение, а зачастую, и чем результат.

4.33 Равнорезультатность

В круговых и самоизменяющихся системах «результат» (в смысле изменения состояния после периода времени) задается не столько исходными условиями, сколько природой процесса или параметрами системы. Пользуясь простым языком, можно сказать, что принцип равнорезультатности заключается в том, что одни и те же результаты могут иметь различное происхождение, поскольку определяющей является сущность организации. Фон Берталанфи так описал этот принцип:

Устойчивое состояние открытой системы характеризуется принципом равнорезультатности; то есть, в отличие от состояний равновесия в закрытых системах, которые определяются исходными условиями, открытая система может достичь состояния, независимого времени и исходных условий и определяемого только параметрами самой системы (27, р. 7).

Если равнорезультатное поведение открытых систем основывается на их независимости от исходных условий, то тогда не только различные исходные условия могут давать один и тот же окончательный результат, но различные результаты могут быть вызваны одинаковыми «причинами». Этот вывод, опять же, основывается на допущении, что параметры системы будут доминировать над исходными условиями. Поэтому при анализе того, как люди влияют друг на друга в процессе взаимодействия, мы будем полагать, что имеющая в настоящий момент место орга-

158

низация взаимодействия гораздо важнее особенностей генезиса или результатов.⁵

Это положение можно проиллюстрировать изменяющимися взглядами на (психогенную) этиологию шизофрении. Теории единственной травмы в детстве уступили место положению

о постоянных, хотя и скрываемых в одностороннем порядке, травматических отношениях с матерью, способствующих возникновению шизофрении. Как указал Джексон, это только первые шаги грядущей революции: Исторически понимание роли психической травмы в этиологии смещается от идей Фрейда о единичном травматическом случае к концепции повторяющейся травмы. Следующим шагом будет переход от выяснения того, кто что-то делает кому-то, к выяснению того, как это делает. Возможно, следующий шаг будет включать в себя изучение шизофрении как болезни семьи, включая сложный цикл хозяин–переносчик–реципиент, в котором заключено гораздо больше, чем может быть выражено термином «мать шизофреника» (68, р. 184; курсив наш).⁶

То, что только что было сказано о происхождении (этиологии), применимо и к получающейся в

⁶ Лангер формулирует этот выбор по-другому:

Существует широко распространенная и хорошо известная ошибка, которую называют «генетической ошибкой», она вытекает из исторического метода философии и критицизма; эта ошибка заключается в том, что смешивается происхождение объекта и его сущность, при этом устанавливается самая примитивная форма объекта, а затем утверждается, что сам объект — это «просто» тот архаический феномен... Например, слова, возможно, перед тем, как стать средством коммуникации, были ритуальными звуками] но это не означает, что современный язык — это, в действительности, не средство коммуникации, а просто пережиток племенного возбуждения (91, р. 248; курсив и кавычки в оригинале).

⁶ Существует подтверждение правомочности такого равнорезультатного подхода к психопатологии. Кант (82), Рено и Эстесс (124) обнаружили отсутствие выраженных травматических факторов в 56 случаях шизофрении при сокращенном количестве огщ-

159

Психологин межличностных коммуникаций результате клинической картине (нозологии). Если снова обратиться к примеру шизофрении, можно выделить два основных способа понимания этого термина; как названия некой фиксированной болезненной сущности или как определенной формы взаимодействия. Мы уже говорили о том (см. 1.65 и 1.66), что поведение, традиционно называемое «шизофреническим», не стоит определять подобным образом, скорее, его следует изучать в

межличностном контексте, в котором оно имеет место (в семье, в обществе), где такое поведение не является ни просто результатом, ни причиной этих, обычно ненормальных, окружающих условий, а представляет собой сложно организованную часть действующей патологической системы.

Наконец, одну из важнейших характеристик открытых систем можно обнаружить в равнорезультатном поведении, особенно при сравнении с закрытыми системами.

Окончательное состояние закрытой системы полностью определяется исходными обстоятельствами, которые, следовательно, можно назвать лучшим «объяснением» такой системы; в случае открытой системы, однако, характеристики ее организации могут действовать таким образом, что может быть даже достигнуто состояние полной независимости от окружающих условий: тогда лучшим объяснением си-

санных травматических эпизодов в биографиях психически здоровых мужчин. Отмечая, что их нормальная группа не отличалась от клинической выборки по этому критерию, Рено-и Эстесс продолжают:

Подобный вывод не является несопоставимым с основными положениями науки о поведении XX столетия (например, что в значительной степени поведение человека является продуктом его жизненного опыта); не противоречит он также и базовому положению о критической значимости первых лет жизни человека для его дальнейшего развития. Однако этот вывод ставит под сомнение упрощенные представления о наличии прямой причинно-следственной связи между определенными событиями и последующим развитием психического расстройства (124, р. 801).

160

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
стемы будет сама система, а подходящей методологией будет изучение ее настоящей организации.⁷

4.4

Длительно существующие системы взаимодействия

Теперь мы готовы пристальнее рассмотреть системы, характеризующиеся стабильностью, так называемые системы с «устойчивым состоянием». Если снова обратиться к Холлу и Фэйгону, «система стабильна касательно своих определенных переменных, если эти переменные проявляют тенденцию оставаться в определенных границах» (62, р. 23).

4.41 Продолжающиеся взаимоотношения

Практически неизбежно на этом уровне анализа в поле нашего внимания попадают продолжающиеся отношения, то есть такие отношения, которые: 1 – важны для обоих партнеров, 2 – существуют длительное время; примерами здесь могут быть дружеские отношения, некоторые виды деловых и профессиональных отношений и, в особенности, супружеские и семейные отношения (73). Помимо своей практической значимости в качестве социальных институтов, такие «живые» группы с собственной историей представляют значительный эвристический интерес с точки зрения прагматики коммуникации. Исходя из вышеизложенных условий, повторение коммуникационных рядов, ведущих к появлению обширных последствий в виде недавно обсужденных аксиом и видов патологии, представляется не только

' К тому же выводу пришли писатели – стилистически безупречный Визер (167, р. 33) и остроумный, но в то же время реалистичный С. Норткот Паркинсон (115).

б Психология

161

Психологин межличностных коммуникаций возможным, но и необходимым. Группы из незнакомых людей или случайные взаимодействия могут предоставить интересный идиосинкразический материал, но если нас не интересуют отдельные, искусственно вызванные или необычные феномены, подобный материал менее ценен, чем то, что можно изучить при изучении «естественной» структуры, в которой, по нашему мнению, ярче проявляется прагматическая значимость свойств и патологии человеческой коммуникации.⁶

4.411

Обычно возникает вопрос: а почему данные взаимоотношения существуют? То есть почему, особенно перед лицом патологии и дистрессов, эти отношения продолжают, причем участники не только не выходят из них, но, сформулируем четче, стремятся приспособиться к длительным взаимоотношениям? Этот вопрос порождает ответы, основанные на мотивации, удовлетворении потребностей, социальных и культурных факторах, других детерминантах, которые, безусловно, вовлечены, но не имеют прямого отношения к текущей ситуации. Все же нельзя эту проблему оставить просто без внимания, в действительности, мы уже предположили, наряду с Бубером и остальными, что подтверждение играет важную роль в качестве социальной цели (см. 3.331).

Однако, поскольку наша задача носит скорее интенсивный, чем экстенсивный характер, представляется необходимым исследовать процесс взаимодействия прежде, чем интегрировать положения других теоретических систем. Таким образом, мы предпочтем

⁸ Это ни в коем случае не ставит под сомнение полезность или возможность экспериментального (то есть контролируемого) исследования этих феноменов, хотя как Бейтсон (11), Хэйли (59) и Шефлен (13В, 139), и Шеллинг {НО} предположили в совершенно разных контекстах, такие эксперименты должны носить принципиально новый характер. См. также Эшби в параграфе 4.31.

162

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
описательный ответ объяснительному,⁹ то есть попробуем понять, как функционирует система взаимодействия, а не почему. Сильно упрощенную аналогию можно привести, обратившись к любимой модели — компьютеру. Мы можем описать, как работает эта машина, используя такие термины, как «язык», «обратная связь», «система ввода-вывода» и т. д. Пресловутый пришелец с Марса мог бы достаточно долго понаблюдать за работой такой системы, чтобы понять, как она действует, но вопрос «почему» мог бы остаться без ответа; это другой, довольно непростой вопрос. Компьютер может работать, в конце концов, потому, что он включен в сеть; он может функционировать определенным образом из-за особенностей составляющих его компонентов; в телеологическом смысле он может работать именно так, потому что он был создан с определенной целью. По большому счету, силы и цели (влечения и потребности, если воспользоваться психологическими терминами) этого почему нельзя оставить без внимания; но также нельзя проигнорировать и суть деятельности, т. е. как. Более того, эти проблемы можно рассматривать по отдельности, по крайней мере пока, как это происходит с другими проблемами в различных областях знания; хорошо известно, что в физике, например, не всегда присутствует неразрывность моделей:

Возможно, еще не время спрашивать, например, почему электроны и фотоны действуют и как частицы, и как волны, и ожидать ответа; теоретическая физика не достигла еще таких вершин в своем развитии. С другой стороны, можно спросить, объясни-

¹ Например, с точки зрения феноменологии актуальные взаимоотношения можно рассматривать как сложномотивированную игру с ненулевой суммой (140), в которой любое решение в рамках взаимоотношений считается предпочтительным решением, выходящему за эти рамки. Такая модель представлена и проиллюстрирована в параграфе 6.446.

163

Психология межличностных коммуникаций
есть ли волновыми характеристиками тот факт, что частица электрон ограничена определенной орбитой при вращении вокруг ядра атома (2, р. 269).

4.42 Ограниченность

Причина занимать такую жесткую позицию, как это уже утверждалось выше, в том, что мы можем обозначить внутренние факторы коммуникационного процесса (то есть помимо мотивации и простого привыкания), служащие для возникновения и продолжения отношений.

Можно предварительно объединить эти факторы в рамках понятия об ограничивающем эффекте коммуникации, который проявляется в том, что *в коммуникационной последовательности каждый обмен сообщениями снижает количество возможных последующих ходов*. В своем крайнем выражении это утверждение совпадает с вариантом формулировки первой аксиомы: в межличностной ситуации человек вынужден вступать в коммуникацию; на назойливое или безразличное поведение незнакомца мыотреагируем, в крайнем случае, игнорированием. В более сложных обстоятельствах перечень возможных ответных реакций еще уже. Как показано, например, в параграфе 3.23, данное относительно небольшое количество модификаций контекста ситуации взаимодействия двух незнакомых людей позволяет построить общую иерархическую структуру всех возможных исходов. Контекст, далее, может более или менее ограничивать, но всегда определяет, до некоторой степени, сопряженность признаков. Но контекст не состоит только из установленных, внешних (по отношению к участникам коммуникации) факторов. Посланные сообщения становятся частью данного межличностного контекста, и оказывают ограничивающее влияние на дальнейшее взаимодействие (144). Если возвратиться к нашей модели игры, в любой межличностной игре, а не толь-

164

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия

ко в сложномотивированных моделях, упомянутых выше, ход изменяет конфигурацию игры на данной стадии, воздействуя на потенциальные возможности, открытые в этой точке, изменяя таким образом ход игры. Определение коммуникации как симметричной или комплементарной, или выявление особой пунктуации, в общем и целом, ограничивает участников взаимодействия. С этой точки зрения, коммуникация оказывает влияние не только на отправителя, но и на сами отношения, включающие и получателя. Даже не согласиться, отклонить, или переопределить предыдущее сообщение означает не только ответить, но в связи с этим породить участие, которое основывается ни на чем ином как на определении коммуникации и передаче информации, свойственных любой коммуникации. Гипотетический пассажир авиалинии из параграфа 3.23, избравший путь обмена банальностями, мог бы все дальше и дальше вовлекаться в ситуацию, все больше и больше в ней запутываться; по нашему мнению, это могло бы произойти как следствие его первых движений, совершенно безвредных. В главе 5 будет высказано предположение о том, что межличностные парадоксы являются повторяющимися и самодетерминирующими, так, что возникает явление, которое системные инженеры называют осцилляцией. При этом участники оказываются в сложном, невыносимом, но все же совершенно неразделимом переплетении.

4.43 Правила взаимоотношений

Рассмотрев феномен ограничения, мы можем вернуться к проблемам, непосредственно связанным с функционирующими системами взаимодействия. Вспомним, что в каждой коммуникации участники предлагают друг другу определения своих отношений, или выразимся точнее, каждый участник стремится определить природу отношений. Точно так же каждый отвечает своим собственным определением

165

Психология межличностных коммуникаций отношений, которое может подтверждать, отклонять, или изменять определение другого. Этот процесс заслуживает пристального внимания, поскольку в продолжающихся отношениях эта проблема не может быть оставлена в неразрешенном или постоянно колеблющемся состоянии. Если процесс не стабилизировался, большие вариации и излишняя громоздкость, не говоря уже о неэффективности переопределения отношений на каждом этапе обмена,

приведут к выходу отношений из-под контроля и их распаду. Бесконечные споры по поводу проблем во взаимоотношениях, так часто наблюдающиеся в ходе терапии патологических семей, (параграф 3.31) иллюстрируют эту потребность, хотя мы полагаем, что существуют пределы даже в их спорах, и в этом хаосе часто наблюдается драматическая упорядоченность. Пары, которые могут прибегать к удивительно разнообразным поведенческим уловкам в течение ухаживания, через некоторое время несомненно достигают значительной экономии в вопросах того, что и как можно обсуждать. Поэтому кажется, что они обоюдно исключают обширные области поведения из репертуара межличностного взаимодействия и никогда больше не пререкаются по их поводу... (74, р. 13)

Эта стабилизация определения коммуникации была названа Джексоном правилом коммуникации (73, 74); это формулировка избыточности, наблюдаемой на уровне отношений, накладывающихся на широкий спектр содержательных областей. Это правило может касаться симметрии или комплементарности, особенностей пунктуации (по типу поиска козла отпущения), взаимного соответствия межличностной невосприимчивости (параграф 3.35), или чего-то из множества прочих аспектов коммуникации. В любом случае, в каждом отдельном измерении наблюдается в крайней степени выраженное ограничение возможных вариантов

166

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия поведения, образующее одну конфигурацию избыточности; это позволило Джексону говорить о семье как о системе, управляемой правилами (74). Естественно, это не означает, что априорные законы управляют поведением семьи. Скорее, как сказал Мах по поводу науки вообще, ...правила воссоздания большого количества фактов могут быть реализованы в одиночном выражении. Таким образом, вместо того, чтобы описывать индивидуальные случаи световой рефракции, мы можем мысленно восстановить все настоящие и будущие случаи, если мы знаем, что падающий луч, преломленный луч и перпендикуляр находятся в одной и той же плоскости, и что $\sin \alpha / \sin \beta = \eta$. Здесь, вместо рассмотрения бесчисленных случаев рефракции в различных условиях и под всеми возможными углами падения, мы должны просто обратить внимание на установленное выше правило и значения η , что гораздо

проще. Экономическая польза здесь несомненна. В действительности не существует никакого закона рефракции, есть только различные случаи рефракции. Закон рефракции — краткое лаконичное правило, изобретенное нами для умственного воссоздания факта, и только для частичного воссоздания, в том, что касается геометрии (99, pp. 485–486).

4.44 Семья как система

Теория семьи, управляемой правилами, походит под определение системы «стабильной касательно своих определенных переменных, если эти переменные проявляют тенденцию оставаться в определенных границах», и фактически это предполагает более формальное рассмотрение семьи как системы.

Такая модель семейного взаимодействия была предложена Джексоном, когда он ввел понятие о се-

167

Психология межличностных коммуникаций
мейном гомеостазе (69). Наблюдая тот факт, что семейства психиатрических пациентов часто демонстрируют резкие изменения (депрессию, психосоматические нарушения и т. п.) в ответ на улучшение состояния пациента, он предположил, что такое поведение и, следовательно, возможно, само заболевание пациента являются «гомеостатическими механизмами», действие которых направлено на возвращение системы в состояние хрупкого равновесия. Эта краткая схема отражает ядро коммуникационного подхода к рассмотрению семьи, который может теперь быть рассмотрен в свете изложенных выше принципов.

4.441 Целостность

Поведение каждого индивидуума внутри семейства связано и зависит от поведения всех остальных. Все поведение является коммуникацией, и, следовательно, влияет на поведение других и находится под их влиянием. В частности, как было отмечено выше, изменения в лучшую или худшую сторону в том члене семьи, который определяется как пациент, обычно оказывают воздействие на других членов семьи, особенно в том, что касается их психологического, социального и даже физического здоровья. Семейные терапевты, добившиеся облегчения тяжести ранее диагностированного заболевания, часто сталкиваются с новым кризисом. Следующий пример, в принципе, типичен, хотя он был выбран из-за необычной ясности описания проблемы.

Пара приступает к семейной терапии по настоянию жены, чье недовольство представляется более чем оправданным: ее муж, аккуратный, приятный молодой человек с живым умом каким-то образом умудрился закончить среднюю школу, так и не научившись читать и писать. В течение службы в армии он также успешно противостоял специальному корректирующему курсу для неграмотных солдат. После де-

168

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия в мобилизации он начал работать чернорабочим без каких-либо продвижений по службе или повышения оплаты труда. Жена – привлекательная, энергичная и чрезвычайно добросовестная женщина. В результате неграмотности мужа она несет все бремя семейной ответственности, и во многих случаях ей приходится отвозить мужа на новые места работы, поскольку он не может прочитать знаки на улицах и карты города. Относительно скоро в ходе терапии муж записывается на вечерние курсы для безграмотных, опирается в процессе обучения на помощь своего отца и приобретает элементарные навыки чтения. С терапевтической точки зрения все, кажется, идет чрезвычайно хорошо, но однажды жена звонит терапевту и сообщает ему, что она больше не будет ходить на совместные сессии и вообще подала на развод. Все как в старой шутке: «Операция прошла успешно, но пациент умер». Терапевт упустил из виду межличностный характер существующей проблемы (неграмотности), и, удалив ее, изменил их комплементарную коммуникацию, хотя результат терапии точно совпал с первоначальными ожиданиями жены.

4.442 Несуммарность

Анализ семьи не складывается из анализа отдельных ее членов. Существуют такие характеристики системы, то есть межличностные паттерны, которые превышают качества индивидуальных членов, например, дополнения из параграфа 3.62 или коммуникация двойного ограничения, которая будет описана в параграфе 6.432. Многие из «индивидуальных характеристик» членов семьи, особенно симптоматическое поведение, являются, в действительности, свойствами системы. Например, Фрай (52) выразительно и четко показал семейный контекст, в котором группа пациентов демонстрировала синдром тревоги, фобий и стереотипного избегания. Успешно функционирующий супруг не наблюдался там ни в

Психология **межличностных** коммуникаций

одном **из** случаев, но еще больший интерес в свете данной теории представляет тонкая и распространяющаяся взаимоблокировка поведения, замеченная в каждой паре. Фрай отмечает, что:

после тщательного изучения супруги обнаруживают наличие симптомов, очень напоминающих, если не идентичных, симптомам пациента. Обычно они отказываются это признавать. Например, жена не только не могла одна выходить из дома, но даже в сопровождении она испытывала панику, если ей приходилось находиться в ярко освещенных и (или) переполненных людьми местах, или стоять в очереди. Ее муж сначала отрицал наличие любых эмоциональных проблем у него самого, но затем признал, что он испытывал иногда тревогу и поэтому избегал некоторых ситуаций. Ситуации, которых он избегал, представляли собой нахождение в толпе, стояние в очередях и пребывание в ярко освещенных общественных местах. Однако, оба супруга настаивали, чтобы именно жена считалась пациентом, поскольку она больше боялась этих ситуаций, чем он. В другом случае жена считалась пациентом, потому что она боялась замкнутого пространства и не могла ездить на лифте. Поэтому, к примеру, пара не могла посещать коктейль-бар на крыше высотного здания. Однако, как потом выяснилось, муж боялся высоты, но ему никогда не приходилось сталкиваться с помещениями, находящимися на высоте, поскольку по семейному соглашению они никогда не поднимались на крыши зданий из-за того, что жена боялась ездить в лифтах (52, р. 248). Автор высказывает предположение о том, что симптомы пациента, вероятно, выполняют для супруга защитную функцию, и в поддержку этого предположения обращает внимание на то, что появление симптомов обычно соотносится с изменением в

жиз-

170
Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
ненной ситуации супруга, которое могло бы стать
источником тревоги:

(А) Адвокату с недостаточно успешной предыдущей
трудовой биографией предложили хорошее место в другом
городе. Он сменил со своей семьей местожительства и
принял предложение, проявив несвойственную для себя
самоуверенность. Также в это время супруги снова стали,
после годичного перерыва, спать в одной комнате. У

супруги развились сильные приступы тревоги и она не могла выходить из своего нового дома. (Б) Городской служащий с небольшим жалованьем закончил постройку собственного дома. У жены немедленно развились приступы тревоги, из-за которых она вынуждена была оставаться дома. Другой муж получил, наконец-то, ученую степень и нашел работу. Его жена, которая до этого поддерживала его, начала страдать сильнейшей тревогой (52, pp. 249–250).

Паттерн межличностного взаимодействия и проблемы, характерные для таких семей, Фрай называет «взаимным контролем», то есть

симптомы пациентки ставят ее в положение больной, она получает возможность требовать, чтобы партнер всегда находился рядом и делал то, что она говорит. Партнер ничего не может сделать, не посоветовавшись с пациенткой и не прояснив ее отношение. Но в то же время партнер постоянно контролирует пациентку. Возможно, ему приходится все время быть рядом с телефоном, чтобы она могла связаться с ним, но он также проверяет все ее действия. Как пациентка, так и ее супруг часто сообщают, что *другой (другая)* всегда все делает по-своему. Трудности пациентки позволяют супругу избегать многих ситуаций, в которых он мог бы испытывать тревогу или иной дискомфорт, не рискуя при этом, что в его поведении найдут проявления симптомов.

171

Психология межличностных коммуникаций

Она предоставляет для него прекрасное извинение. Он может избегать социальной жизни под предлогом того, что пациентке нехорошо. Он может ограничивать свою работу под предлогом того, что ему нужно навещать больную. Он может неадекватно вести себя по отношению к детям из-за своей отчужденности и гиперреактивных тенденций. Но он будет защищаться от самообвинений, считая, что проблемы детей вызваны симптомами пациентки. Он может избегать сексуальных отношений с пациенткой, потому что она больна и не способна на это. Ему может не нравиться одиночество, но поскольку пациентка боится быть одна, он всегда может быть с ней, не обращая внимания на то, что это его симптом. Неудовлетворенная пациентка может испытывать тягу к внесемейным отношениям, но ее фобия мешает ей сойтись с другим мужчиной. Из-за личностных характеристик мужа и его реакции на болезнь жены вероятность измены с его стороны невелика. Как

пациентка, так и супруг относительно защищены от этой опасности благодаря симптомам пациентки. Обычно такой брак неудачен, супруги испытывают неудовлетворенность и отчужденность, но симптомы выполняют функцию объединения. Брак такого рода может быть назван принудительным. До тех пор, пока существуют симптомы, из этого противоречия нет выхода. Пациентка, обеспокоенная тем, привлекательна ли она для супруга, требует, чтобы он был с ней все больше и больше, потому что она больна. Он остается с ней, но это не придает ей уверенности, потому что он остается с ней из-за ее болезни, а не потому, что хочет быть с ней. Поскольку он чувствует себя вынужденным быть с ней из-за ее болезни, ему не удастся убедить ни ее, ни себя самого, что он добровольно стремился бы находиться в ее обществе.

172

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия
Супруг не может решить эту проблему. Если он остается с пациенткой, это, кажется, только потому, что она так больна. Если он ее покидает, он мерзавец, которому нет дела до ее несчастья. Более того, если бы он бросил ее или она поправилась, ему бы пришлось столкнуться с собственной тревогой и собственными симптомами. Из-за своей обиды он не может ни открыто сочувствовать, ни открыто не сочувствовать. Пациентка, в свою очередь, не может ни проявлять благодарность мужу за его жертвы, ни открыто проявлять неблагодарность (52, pp. 250–252).

4.443 Обратная связь и гомеостаз

Вводимая в семейную систему информация (действия членов семьи или окружения) обрабатывается и изменяется системой. Природа системы и механизмов ее обратной связи нуждается в таком же рассмотрении, как и вводимая информация (принцип равно-результатности). Некоторые семьи способны справляться с серьезными неудачами и даже превращать их в объединительную силу; другие оказываются неспособными справиться с самыми незначительными трудностями. Крайний вариант представляют семьи больных шизофренией, которые оказываются совершенно неспособными принимать неизбежные проявления взросления своих детей; обычно они реагируют на эти «отклонения», считая их проявлениями болезни или плохого характера. Лэинг и Эстерсон (90) описывают реакцию матери (Миссис Филд) на возросшую независимость больной шизофренией

пятнадцатилетней дочери (Джун). От двух до десяти лет Джун страдала врожденным вывихом бедра, что требовало использования громоздких корректирующих приспособлений, практически полностью ограничивающих ее активность. Мать: О, да, она всегда была со мной, всегда. Я не могла ее оставить одну из-за ее оков, а, вдруг,

173

Психологин межличностных коммуникаций

она упадет, или еще что-нибудь. Она как-то на самом деле упала и выбила себе передние зубы. Но еще она играла с другими детьми, понимаете... мы все брали Джун собой, я всюду ее брала с собой, всегда. Естественно, я это делала. Я никогда ее не оставляла. Понимаете, когда Джун была в гипсе, я никогда не ставила ее на землю, потому что гипс тогда бы быстро изнашивался (улыбается). Я клала ее на кровать вот так (показывает), и потом я, на ней были хорошие кожаные ремешки, потому что она всегда была очень сильным ребенком, а здесь и здесь я привязывала собачьи поводки, так что Джун могла свободно двигаться вверх и вниз, и в сторону, не очень далеко, но всегда вверх и вниз. И она так сильно прыгала на этой кровати, что (смеется) за два года все ремешки пришли в негодность. Она не все время там была, потому что, как я уже сказала, я всегда ее брала с собой. И потом мы стали брать ее в сад, клали на коврик под деревьями, и, понимаете, я привязывала ее к дереву, так, что Джун могла передвигаться вокруг всего дерева, но не по бетону. Вы знаете, гипс, он не такой уж прочный, и от трения по бетону он быстро повреждается. И понимаете, там посередине была планка, это была бабочкообразная повязка, и каждый раз она растягивалась дальше. И однажды Джун сняла ее, она, конечно, хваталась за повязку, за планку, почти качалась на ней, эта легко у нее получалось. И однажды, рано утром, она выбралась из повязки, и пришлось возвращаться в больницу, чтобы там наложили новую. Как я говорю, она всегда была шумным ребенком, она всегда была такой счастливой маленькой девочкой, правда, Джун?

174

Глава 4. Организация **человеческого** взаимодействия

Джун: М-м-м...

Мать: Конечно, да, дорогая.

История миссис Филд была рассказана веселым, оживленным тоном. Этот тон показывает так же много, как и примечательное содержание...

Миссис Филд ни одним словом не показывает, что временами вид Джун мог причинять боль матери и не всегда быть «восхитительным»; Джун могла быть несчастной, невыносимой, подавленной, возможно, так же, как и очень счастливой; и тихой, и шумной; и далеко не всегда нежной, но набор ее положительных характеристик никогда не изменяется. Этот образ Джун в возрасте до 14 лет характеризуется убежденностью и ригидностью, это невероятно зауженные рамки для любого человеческого существа. Этот образ совершенно непробиваем для противоречий со стороны Джун. На Джун оказывается мощное давление, чтобы она приняла этот образ самой себя, если она возражает, ее жизнь подвергается резким нападкам. Это бесконечно. Как миссис Филд говорит время от времени: «Это не моя Джун. Я не понимаю Джун сейчас. Она всегда была очень счастливым ребенком. Она всегда была очень шумным ребенком» (90, р. 135–136).

Обратите внимание на отрицание любых свидетельств противоположного. Однако когда свидетельства стали поступать от самой Джун, отношения в диаде вступили в новую фазу, для которой характерным были значительные усилия миссис Филд, направленные на противостояние изменениям, постепенно она все настойчивее стала пытаться увидеть в поведении Джун болезнь: Летом перед той зимой, когда Джун попала в больницу, она впервые отделилась от своей матери после своего попадания в больницу в возрасте двух лет,

175

Психология межличностных коммуникаций когда у нее диагностировали вывих бедра. Она поехала в лагерь для девочек под патронажем церкви. Единственная из всех мам миссис Филд сопровождала дочь в лагерь. В течение месяца отсутствия матери Джун сделала ряд открытий о себе самой и других, рассорилась с лучшей подругой и гораздо больше стала осознавать собственную сексуальность.

По словам ее матери, когда она вернулась из лагеря, она была «не моей Джун. Я не узнала ее».

Ниже приведен перечень качеств Джун до и после ее отделения от матери по описанию миссис Филд.

До

Отвратительно выглядит, ужасно накрашена, потолстела. Несчастливая. Замкнутая.

Не говорит, о чем она думает. Уходит в свою комнату.

Предпочитает читать, или играет, но без увлечения. Стала меньше стараться, недостаточно усердна. Стала грубой и дерзкой (например, как-то назвала мать лгуньей).

Ест жадно, не ждет за столом, пока все закончат. Сказала, что не верит в бога, сказала, что потеряла веру в человека. Иногда выглядит злой.

ПОСЛЕ Хорошенькая девочка.

Очень счастливая девочка. Шумная, оживленная. Всегда мне все рассказывала. Сидела по вечерам в комнате с мамой, папой и дедушкой. Любила играть в карты с мамой, папой и дедушкой. Очень старательно училась в школе. Всегда послушная.

С хорошими манерами. Верила в бога.

Была хорошей.

Мать была очень встревожена этими переменами и в период между августом и декабрем консультировалась по поводу дочери с двумя врачами и директрисой ☹☹ школы. Никто из этих посторонних людей

176

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия не нашли в Джун ничего ненормального, отец и сестра также ничего не замечали. Миссис Филд, однако, не могла оставить ее в покое.

Важно понять, что тот образ Джун, который сложился у миссис Филд, конечно, никогда не соответствовал действительности. Вся жизнь Джун была совершенно неизвестна ее матери. Она чувствовала себя застенчивой, неловкой, неуверенной, но большой для своего возраста и активной в плавании и других видах спорта, которыми она занималась, чтобы компенсировать свою детскую ущербность (ей полностью сняли шины только в возрасте десяти лет). Несмотря на свою активность, она, по ее собственным словам, не была независимой, часто уступала матери и редко осмеливалась ей противоречить. Однако в возрасте тринадцати лет она начала встречаться с мальчиками, говоря, что проводит время в церковном клубе.

Вернувшись из лагеря, она впервые начала иногда выражать то, что в действительности чувствует в отношении себя самой, матери, школы, бога, других людей и так далее, в очень смягченной, по сравнению со средними стандартами, форме.

Эти изменения активно приветствовались ее школьными учителями, Сильвия реагировала на это с небольшой

нормальной сестринской озлобленностью, для отца это составило часть обычного беспокойства по поводу воспитания дочери. Только ее мать рассматривала это как проявление *болезни*, и почувствовала убежденность в этом, когда Джун стала более замкнутой во время рождественских каникул и далее.

С точки зрения ее матери, события, приведшие в конечном итоге Джун к состоянию практически полной неподвижности, развивались следующим обра-

177

Психологин **межличностных** коммуникаций

зом: Джун начала заболеть в августе. В ее личности стали происходить скрытые изменения, она стала грубой, агрессивной, резкой и дерзкой дома, замкнутой и неуверенной в себе в школе. С этой точки зрения, мать лучше всех знает своего ребенка, она может увидеть начало шизофрении раньше других людей (отца, сестры, учителей, врачей) (90, pp. 137–139).

В ходе этого необычайно интенсивного исследования, прямое наблюдение проводилось во время госпитализации и выздоровления:

Фаза, в которой Джун находилась в состоянии ката-тонии, и мать ухаживала за ней как за младенцем, была наиболее гармоничной в их отношениях, из всего того, что мы наблюдали.

Конфликты начались тогда, когда Джун, с нашей точки зрения, начала выздоравливать.

В период выздоровления практически каждое достижение Джун (с точки зрения обслуживающего персонала, психиатрического социального работника, специалистов по трудотерапии и нас) сталкивалось с яростным противостоянием ее матери, которая постоянно рассматривала в качестве шагов назад то, что для нас и Джун являлось шагами вперед.

Вот несколько примеров.

Джун начала проявлять инициативу. Ее мать каждый раз проявляла большую тревогу, или на основании того, что Джун безответственна, или заявляя, что для Джун нехарактерно сделать что-нибудь, не спросив разрешения. Дело было не в том, что Джун делает что-то не так, а в том, что она предварительно не спрашивает разрешения... Например, ее мать встревожило, что она съела трехпенсовую шоколадку после завтрака, опять же не спросив разрешения...

178

Глава 4. Организация **человеческого взаимодействия**

Родители не давали Джун карманных денег, но говорили, что они дадут ей денег, если она точно объяснит, зачем они ей. Неудивительно, что она предпочитала одалживать небольшие суммы у других людей. Она должна была отчитываться за малейшую сумму, оказывающуюся в ее распоряжении.

Этот контроль был просто невероятен. Однажды Джун взяла шесть пенсов на мороженое из копилки своего отца, не спросив разрешения. Он сказал ее матери, что если Джун крадет, она ему больше не дочь. В другой раз Джун нашла шиллинг в кинотеатре, и родители стали настаивать, что она должна сдать его в контору. Джун сказала, что это глупо, и нельзя так понимать честность, если бы она потеряла шиллинг, она бы не ожидала, что ей его отдадут. Но ее родители продолжали в том же духе весь следующий день, и поздно вечером отец пришел к ней в спальню, чтобы продолжить увещевания.

Можно еще долго приводить подобные примеры. В них можно увидеть сильные реакции родителей на возникающую хрупкую автономность Джун. Миссис Филд называла эту растущую независимость «вспышками».

До сих пор Джун сопротивлялась. Ее мать продолжает высказывать крайне амбивалентную оценку проявлений растущей независимости Джун. Мать говорит, что Джун выглядит ужасно, когда она всего лишь слегка накрашена, она активно высмеивает надежды Джун на то, что какой-нибудь мальчик может обратить на нее внимание, она рассматривает любые проявления недовольства или раздражения со стороны Джун как признаки болезни или истолковывает их как проявления «зла»...

Джун самой приходится жестко себя контролировать, потому что если она кричит, хохочет, плачет,

179

Психология межличностных коммуникаций ругается, ест слишком мало или слишком много, ест слишком быстро или слишком медленно, спит слишком много или слишком мало, читает слишком много, ее мать говорит ей, что она больна. От Джун требуется много мужества при демонстрации самочувствия, отличного оттого, что родители считают «хорошим» (90, pp. 139–145).

Приближаясь к проблеме обратной связи, необходимо пересмотреть терминологию, чтобы прояснить теорию. Понятие «гомеостаз» стало рассматриваться как синоним стабильности и равновесия, не только в приложении к

семье, но и в других областях. Но, как подчеркивают Дэйвис (36), а также Тох и Хасторф (154) со времен Бернара существуют два определения гомеостаза: 1 – как цель или состояние, характеризующееся существованием некой устойчивости перед лицом (внешних) изменений; и 2 – как средство – механизмы отрицательной обратной связи, действие которых направлено на минимизацию изменений. Неопределенность такого двойного использования термина и, как следствие, его широкое и иногда неточное применение уменьшили его полезность в качестве точной аналогии или объяснительного принципа. В настоящее время принято говорить об *устойчивом состоянии* или *стабильности* системы, которое поддерживается благодаря действию механизмов *отрицательной обратной связи*.

Все семьи, сохраняющие единство, должны характеризоваться какой-то степенью выраженности отрицательной обратной связи, чтобы противостоять стрессам, идущим из окружающей среды или от отдельных членов. Нарушенные семьи особенно устойчивы к изменениям и часто демонстрируют потрясающую способность сохранять *status quo*, используя, преимущественно, отрицательную обратную связь. Это

180

Глава 4. Организация человеческого взаимодействия было показано Джексоном¹⁰ и проиллюстрировано Лэ-ингом и Эстерсоном.

В семье, однако, также присутствуют научение и рост, и именно здесь классическая гомеостатическая модель терпит наибольшую неудачу, поскольку эти эффекты ближе к *положительной* обратной связи. Дифференциация поведения, подкрепления и научения (и в том, что касается адаптивного поведения, и симптомов), а также рост и окончательное отделение детей – все это показывает, что, хотя с одной стороны семья уравнивается гомеостазом, с другой стороны, одновременно действуют важные факторы изменений,¹¹ и модель семейного взаимодействия должна объединить эти и другие факторы в более сложную конфигурацию.

4.444 Калибровка и ступенчатые функции

Исходя из вышеизложенного, мы выводим еще два базовых положения: о постоянстве в рамках *определенного диапазона*. Важность изменений и колебаний (в терминах *положительной обратной связи, отрицательной обратной связи* или других механизмов) основывается на

предположении о наличии определенной базовой стабильности колебаний; как уже

¹⁰ Джексон пишет:

Для раз вива твори и семьи важно наблюдение, что в семьях психиатрических пациентов действуют гомеостатические механизмы, что позволяет сформулировать гипотезу о семье как о гомеостатической системе, управляющейся правилами. Правила быстро проявляются, если у нас есть возможность наблюдать реакцию на их отмену и отсюда делать предположение о том, какое именно правило было нарушено. Утомительные, длительные наблюдения за проторенной дорогой, с тщательным отслеживанием шагов, которые не были сделаны, могут когда-нибудь увенчаться точной догадкой о правилах, по которым идет игра. Но наблюдаемая реакция на одно единственное отклонение от правил может гораздо скорее привести нас к цели (74, pp, 13–14),

¹¹ Здесь, снова, мы можем сослаться на Прибрана (параграф 1.3), который утверждает, что устойчивость приводит к появлению восприимчивости иного рода, требующей привлечения новых механизмов преодолевающего поведения.

181

Психология межличностных **коммуникаций**

было показано, это понятие затуманивается двойственным использованием понятия «гомеостаз». Более точным термином для этого фиксированного диапазона является калибровка (14), т. е. «параметр» системы, который, как мы увидим, схож с более специфическим понятием о *правилах*, описанным выше. Классической аналогией, иллюстрирующей эти понятия, является домашний термостат. Термостат установлен или калиброван на определенную температуру в комнате, отклонения от которой приводят термостат в действие, пока нарушение не будет исправлено (отрицательная обратная связь), и температура в комнате не окажется вновь в пределах установленного диапазона. Посмотрим, однако, что произойдет, если изменить установки термостата — сделать их выше или ниже — в поведении системы в целом произойдут изменения, хотя механизм отрицательной обратной связи останется в точности таким же, как раньше. Это изменение в калибровке, такое как изменение настроек термостата или переключение передачи в машине, является *ступенчатой функцией* (4).

Нужно отметить, что ступенчатая функция часто оказывает стабилизирующее воздействие. Снижение настроек термостата уменьшает необходимость применения отрицательной обратной связи, облегчает работу отопительной системы и снижает расходы по ее содержанию. Также более адаптивный результат может быть достигнут благодаря ступенчатой функции. Петля обратной связи педали газа у водителя автомобиля имеет определенные ограничения в каждой передаче, и чтобы развить более высокую скорость или забраться на холм, необходимо произвести перекалибровку (переключение передачи). Представляется, что и в семьях ступенчатая функция оказывает стабилизирующее воздействие: психоз — это резкое изменение, которое вызывает перекалибровку системы и может даже быть адаптивным (77; обратите внимание также на кататонический период

182

Глава 4. **Организация** человеческого **взаимодействия** из приведенного выше примера Лэинга и Эстерсона). Неизбежные внутренние изменения (взросление и рост как детей, так и родителей) могут изменять установки системы, постепенно изнутри или резко снаружи, когда окружающая социальная среда требует соответствующих изменений (высшее образование, служба в армии, выход на пенсию и т. п.).

В этом свете, гомеостатические механизмы, клинически описанные Джексоном (69, 70) могут, в действительности, оказаться еще более сложным феноменом, нежели это было описано здесь. Если определенные гомеостатические механизмы каждый раз начинают действовать в ответ на отклонение от семейных правил, тогда они образуют паттерн ломки и восстановления другого паттерна, действующий на более высоком уровне в течение длительных промежутков времени.

Приложив эту модель к семейной жизни или социальным паттернам большего масштаба, таким как выполнение законов, мы можем предположить, что существует калибровка привычного или приемлемого поведения, правила семьи или законы общества, в рамках которых и действуют, по большей части, индивиды и группы. На одном уровне эти системы вполне стабильны, поскольку отклонение в форме поведения за пределы принятого диапазона пресекается (с помощью наказаний, санкций, а иногда даже с использованием замены, когда другой член семьи становится пациентом). На другом уровне изменения

происходят время от времени, что, по нашему мнению, может хотя бы частично быть связано с увеличением других отклонений. Это может привести к появлению новых установок системы {ступенчатая функция}.

4.5 Выводы

Человеческое взаимодействие описывается как коммуникационная система, характеризующаяся при-

183

Психология межличностных коммуникаций знаками системы вообще: временем как переменной, отношением систем и подсистем, целостностью, обратной связью и равнорезультатностью. Функционирующие системы взаимодействия рассматриваются как естественный объект исследования длительных прагматических воздействий явлений коммуникации. Ограничения вообще и выработка семейных правил в частности ведут к определению семьи как системы, управляющейся правилами, и иллюстрации этого положения.

Глава 5.

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

5.1 Природа парадокса

Парадоксы занимали умы людей на протяжении последних двух тысяч лет; интерес к ним не утерян и до сего дня. Фактически, некоторые из наиболее существенных достижений этого века в области логики, математики и эпистемологии непосредственно вытекают, или, по меньшей мере, крайне тесно связаны, с парадоксами в той или иной сфере; среди прочего отметим лишь развитие метаматематики или теории доказательств, а также теории логических типов. Будучи несведущими профанами, ошеломленными сложностью и эзотерической природой этих предметов, мы склонны их игнорировать, считая вещами слишком абстрактными и не представляющими важности для нашего повседневного бытия. Некоторые из нас способны припомнить какие-то из тех классических парадоксов, что обычно проходят в школе, но они, скорее всего – не более, чем забавные нелепости. Однако цель этой и следующей глав заключается в том, чтобы показать, что в самой природе парадокса существует нечто, что имеет прагматическую ценность, и, более того, даже экзистенциальную важность для всех нас; парадоксы не только вторгаются

186

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

в наше взаимодействие, влияют на наше поведение и душевное равновесие (см. 5.4), но и представляют угрозу для нашей веры в согласованность – а, следовательно, и в принципиальную устойчивость – окружающего нас мира (см. 7.5 и 7.63). Кроме того, в разделе 6.4 мы попытаемся показать, что некоторые преднамеренные парадоксы, аналогичные известной максиме Гиппократов «Подобное излечивает подобное», имеют большой терапевтический потенциал; в разделе 6.6 мы вкратце обсудим роль парадоксов в некоторых благороднейших стремлениях человечества. Мы надеемся, что предлагаемый анализ парадоксов поможет читателям осознать, что данное понятие имеет огромную важность, и его ни в коем случае не следует рассматривать как нечто абстрактное, как удел отдалившихся от мира мыслителей. И тем не менее, начнем мы именно с *логических* основ парадокса.

5.11 Определение

Парадокс можно определить как *противоречие, которое возникает в результате корректной дедукции на основе согласующихся посылок*. Такое определение позволяет нам сразу исключить из рассмотрения все те формы «ложных» парадоксов, которые возникают вследствие скрытых ошибок в рассуждении или неверных аргументов, преднамеренно введенных в доказательство.¹ Однако уже на этом этапе

¹ Типичный пример такого рода – это история о шести мужчинах, которые хотели получить шесть отдельных комнат, тогда как в гостинице было только пять свободных номеров. Портье «решил» эту проблему, отведя первого постояльца в комнату номер один, и попросив другого подождать там вместе с первым несколько минут. Затем он отвел третьего человека в комнату номер два, четвертого – в комнату номер три, а пятого – в комнату номер четыре. Сделав это, портье вернулся в комнату номер один, и предложил ожидавшему там шестому джентльмену переместиться в комнату номер пять. Вуаля! (Несоответствие кроется в том, что второй и шестой постояльцы рассматривались как один и тот же человек.)

187

Психологин межличностных коммуникаций определение становится нечетким, поскольку деление парадоксов на истинные и ложные относительно. Вполне возможно, что сегодняшние согласованные послышки завтра окажутся ошибками или ложными аргументами. Например, нет никакого сомнения в том, что парадокс Зенона об Ахиллесе и черепахе, которую тот не мог одолеть,

считался «истинным» до тех пор, пока не было установлено, что бесконечно сходящийся ряд (в нашем случае – постепенно уменьшающаяся дистанция между Ахиллесом и черепахой) имеет некий конечный предел.² После того, как было сделано это открытие, и прежде считавшаяся верной исходная посылка оказалась ошибочной, парадокс прекратил свое существование. Этот момент хорошо описан в работе Квина:

Пересмотр концептуальной схемы не стоит считать беспрецедентным событием. Небольшие изменения этой схемы сопровождают каждый шаг научного прогресса, а изменения значительного масштаба происходят тогда, когда наука делает большой шаг вперед, такой, например, как открытие Коперника или переход от механики Ньютона к теории относительности Эйнштейна. И у нас есть все основания полагать, что в свой срок покажутся совершенно естественными и все новые концептуальные схемы и все, даже самые глобальные, изменения. Было время, когда идея о том, что Земля вращается вокруг Солнца, была названа парадоксом Коперника, и о ее парадоксальности говорили даже те, кто принимал и разделял эту идею. И, возможно, придет время, когда, истинные, как казалось, послышки станут таким же нонсенсом, как и построенные на их основании антиномии (120, р. 88–89).

¹ Объяснение этого парадокса и содержащихся в нем противоречий см. в работе Нортон (112).

188

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

5.12 Три типа парадоксов

Тот термин, который встречается нам в последнем предложении этой цитаты – «антиномия» – требует пояснения. В некоторых случаях термин «антиномия» используют в том же значении, что и термин «парадокс», но большинство авторов предпочитают говорить об антиномии лишь тогда, когда речь идет о парадоксах, возникающих в формальных системах, таких как логика и математика. (У читателя может возникнуть вопрос о том, где еще могут встречаться парадоксы; эта и следующая главы будут посвящены именно тому, чтобы показать, что парадоксы столь же часто имеют место и в сфере семантики и прагматики; в главе 7 мы обсудим, когда и каким образом они затрагивают самую сущность человеческого существования.) Антиномия, по определению Квина (120, р. 85), «приводит к противоречию,

появляющемуся в ходе верного рассуждения». Стегмюллер (147, р. 24) предлагает более узкое толкование термина и определяет антиномию как утверждение, которое одновременно противоречиво и доказуемо. Таким образом, если у нас есть утверждение S . и второе утверждение, являющееся отрицанием первого, $\neg S$ (что означает не S , или « S не верно»), то эти два утверждения образуют третье утверждение S_k , где $S_k = S \ \& \ \neg S$. В результате мы имеем дело с формальным противоречием, поскольку ничто не может быть одновременно и самим собой и своей противоположностью, иными словами, ничто не может быть и ложным и истинным. Но, продолжает Стегмюллер, если мы дедуктивным образом сможем показать, что как S ., так и его противоположность $\neg S$. доказуемы, тогда доказуемым является и S_k , и мы имеем дело с антиномией. Таким образом, любая антиномия – это логическое противоречие, хотя, как мы увидим, не каждое логическое противоречие может считаться антиномией.

Существует и вторая категория парадоксов, которые отличаются от антиномий только в одном важ-

189

Психологин межличностных коммуникаций
ном аспекте: они не встречаются в математической или логической системах и, следовательно, основываются не на понятиях формального класса или числа; они возникают вследствие каких-то скрытых несоответствий в уровневой структуре мышления и языка. Эту вторую категорию нередко называют *семантическими антиномиями* или *парадоксальными определениями*.

Наконец, существует и третья, наименее изученная, категория парадоксов. Именно они представляют особый интерес с точки зрения нашего исследования, поскольку возникают в процессе взаимодействия человека с окружающими и определяют его поведение. Мы обозначим парадоксы, относящиеся к этой категории, как *прагматические парадоксы'*, впоследствии будет показано, что эта категория может быть разделена на две, а именно, на подкатегорию *парадоксальных предписаний* и подкатегорию *парадоксальных обещаний/предсказаний*. Итак, мы можем говорить о существовании трех категорий парадоксов:

- 1) логико-математические парадоксы (антиномии);
- 2) парадоксальные определения (семантические антиномии);

3) прагматические парадоксы {парадоксальные предписания и парадоксальные обещания/предсказания), причем эти категории напрямую соотносятся со структурой теории человеческой коммуникации, с тремя основными областями этой теории: первая категория связана с логическим синтаксисом, вторая – с семантикой, а третья³ – с прагматикой. Далее мы представим вниманию читателей примеры каждого типа парадоксов и постараемся показать, как малоизвестные и

* При разведении этих двух категорий парадоксов мы воспользовались работами Рэмси (121) и Бошенски (29). (Следует отметить, что Рэмси предпочитает говорить не о «парадоксе», а о о противоречиях в теории множеств».)
190

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

плохо изученные прагматические парадоксы, так сказать, вырастают из двух первых форм.

5.2 Л о ги ко –математические парадоксы

Наиболее известный парадокс этой группы касается «класса всех классов, которые не являются составной частью самих себя». Он основан на следующих посылках. Класс – это вся совокупность объектов, обладающих определенным качеством. Так, к примеру, все кошки, которые жили прежде, живут сейчас или будут существовать впоследствии, составляют класс кошек. После того, как мы выделили этот класс, все прочие объекты во Вселенной могут быть определены как класс не-кошек, поскольку все они характеризуются одной очевидной особенностью – они не являются кошками. И теперь любое утверждение о том, что некий объект принадлежит одновременно к обоим этим классам, будет простым противоречием, поскольку ничто не может в одно и то же время и являться кошкой и не являться ею. В этом случае ситуация тривиальна: существование такого противоречия говорит лишь о том, что нарушены основные законы логики, но сама логическая система изменений не претерпела.

Оставим на время в покое всех кошек и не-кошек, и перейдем на один логический уровень выше, чтобы понять, что такое классы сами по себе. Очевидно, что некоторые классы могут быть включены в ту совокупность, которая этот класс составляет. Так, например, класс всех понятий – это, несомненно, само по себе понятие; тогда как класс, состоящий из кошек никоим образом кошкой не является. И, следовательно, на этом втором уровне,

универсум опять распадается на два класса — те, что входят в совокупность, из которой состоят, и те, что в нее не

191

Психология межличностных коммуникаций входят. Тогда опять, любое утверждение о том, что один из этих классов одновременно и является частью самого себя и не является ею, представляет собой простое противоречие, и без долгих рассуждений может быть исключено из нашего дальнейшего анализа. Однако, если ту же самую операцию повторить еще раз на следующем уровне, это незамедлительно обернется настоящей катастрофой. Все, что нам нужно сделать, это объединить те классы, которые являются частью самих себя, в один класс, например, класс M , а те, что частью себя не являются, в другой, например, N . И если теперь мы захотим определить, будет ли класс N частью самого себя или нет, мы тут же столкнемся с парадоксом, известным как парадокс Рассела. Нужно помнить о том, что деление универсума на класс, включающий самое себя, и класс, самое себя не включающий, — это деление исчерпывающее; и, следовательно, уже по определению, здесь не может существовать никаких исключений. Таким образом, это деление должно применяться в равной мере как к классу M , так и к классу N . Поэтому, если класс N является частью самого себя, он в то же время частью самого себя не является, поскольку N — это класс тех классов, которые не являются частью самих себя. С другой стороны, если N не является частью самого себя, то условие самопринадлежности соблюдается: он является частью самого себя именно потому, что он частью самого себя не является, поскольку самопринадлежность — это существенное отличие всех классов, составляющих N . И в этом случае мы имеем дело уже не с простым противоречием, но с настоящей антиномией, поскольку парадоксальный вывод основан на строгом логическом умозаключении и не предполагает нарушения законов логики. А если в определениях класса и совокупности элементов этого класса нет скрытых ложных аргументов, мы неизбежно

192

Глава 5. Парадоксальная коммуникация
придем к логическому выводу о том, что класс N является частью самого себя тогда и только тогда, когда он частью самого себя не является, и наоборот.

Ответ кроется в том, что здесь мы действительно имеем дело с ложным аргументом. И это убедительно показал Рассел, представив свою теорию логических типов. В самом общем виде эта теория сводится к одному фундаментальному принципу, и Рассел (164) определяет его следующим образом; то, что включает в себя всю совокупность, не должно быть частью этой совокупности. Иными словами, парадокс Рассела возникает вследствие путаницы в логических типах, или уровнях. Класс представляет собой категорию более высокого уровня, чем его элементы; и чтобы сформулировать соответствующий постулат, мы должны перейти на один уровень вверх в иерархии типов. А поэтому предложенное нами выше заявление о том, что класс всех понятий — это тоже само по себе понятие, не является ложным; оно, как мы видим, просто бессмысленно. Это уточнение весьма важно, поскольку если бы утверждение было бы просто ложным, то его отрицание являлось бы истинным, а в данном случае это вовсе не так.

5.3 Парадоксальные определения

Этот пример класса всех понятий стоит рассматривать как удобный мостик, по которому мы теперь можем перейти от логических парадоксов к семантическим (парадоксальным определениям или семантическим антиномиям). Как мы увидели, «понятие» более низкого уровня (уровня элементов) и «понятие» следующего в иерархии уровня (уровня классов) не идентичны. Однако то же самое название — «понятие» — было использовано для обозначения обоих, тем самым была создана лингвистическая иллюзия

7 Психология

193

I C

i c:

Психологин межличностных коммуникаций их идентичности. Чтобы избежать этой ловушки, во всех случаях, когда существует вероятность путаницы в уровнях, необходимо использовать *индикаторы логических типов* — индексы в формальных системах, цитаты или курсив в менее специфических случаях. И становится очевидно, что β в нашем примере понятие 1 и понятие 2 не идентичны, и что от идеи о том, что класс может быть частью той совокупности, которая его составляет, необходимо отказаться. Более того, становится очевидно также, что в подобных случаях источником проблемы

являются не столько логические, сколько лингвистические несоответствия.

Возможно, самой известной из всех семантических антиномий является утверждение человека, который говорит о самом себе: «Я лгу». Доведя это утверждение до его логического конца, мы снова приходим к выводу о том, что оно верно лишь тогда, когда оно не верно; иными словами, человек лжет лишь тогда, когда он говорит правду, и, напротив, говорит правду только тогда, когда лжет. В данном случае мы не можем избавиться от этой антиномии, используя теорию логических типов, поскольку слова или комбинации слов не могут быть организованы в иерархию наподобие логической. Насколько нам известно, первым человеком, который предложил решение этой задачи, опять был Бертран Рассел. В последнем параграфе своего введения в «Логико-философский трактат» Витгенштейна, он предположил, как бы вскользь, «что каждый язык, по мнению Витгенштейна, имеет свою структуру, которую сам язык отразить не может, однако вполне возможным представляется существование другого языка, описывающего структуру первого и обладающего своей собственной структурой; тем самым выстраивается иерархия языков, конца которой может и не быть вовсе» (1936, с. 23). Это предположение впоследствии переросло (главным образом, благодаря работам Карнапа

194

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

и Тарски) в то, что сейчас известно нам как теория уровней языка. Так же, как и в теории логических типов, здесь делается акцент на том, что нельзя допускать смешения различных уровней. Один из постулатов теории гласит, что на самом низшем языковом уровне делаются суждения об объектах. Это реальность *объектного языка*. Однако в тот момент, когда мы что-то *говорим* о самом этом языке, нам приходится использовать метаязык; когда мы говорим об этом метаязыке, мы пользуемся метаметаязыком и так далее; теоретически, эта иерархия бесконечна,

Применяя эту концепцию языковых уровней к семантической антиномии лжи, мы увидим, что это выражение, хотя и состоит всего лишь из трех слов, содержит два различных утверждения. Одно из них — это утверждение объектного уровня, второе — утверждение метауровня, в котором *идет* речь о первом, а именно о том, что оно не верно. В то

же время неким магическим образом оно еще и предполагает, что это метаязыковое утверждение само по себе является одним из тех, о которых это метаутверждение сделано, что и оно относится к объектному уровню. В теории уровней языка такого рода саморефлексивность утверждений, которые включают в себя информацию о своей собственной истинности или ложности (или каких-то других аналогичных характеристиках, таких как доказуемость, определяемость, разрешимость и т. п.) идентична концепции класса, являющего частью самого себя в теории логических типов, поскольку и то, и другое – это утверждения, не имеющие смысла.⁴

Несомненно, мы с определенной неохотой соглашаемся с логическим доказательством того, что данное утверждение о лжи не имеет смысла. Создается

⁴ Яркий пример само рефлексивного утверждения из области человеческого взаимодействия, отрицающего самое себя, приведен на рис. со с. 221.

195

Психология межличностных коммуникаций

впечатление, что где-то скрыт подвох, и то же самое ощущение, только еще более сильное, возникает у нас, когда мы знакомимся с еще одним известным парадоксальным определением. В одной маленькой деревне, как гласит эта история, жил парикмахер, который брил всех мужчин, которые не брились сами. И опять, с одной стороны, это утверждение исчерпывающе, но с другой стороны, как только мы пытаемся отнести парикмахера либо к группе тех, кто бреется сам, либо к группе тех, кто сам не бреется, мы снова сталкиваемся с парадоксом. Как и в предыдущем примере, строгое дедуктивное умозаключение доказывает, что такой парикмахер существовать не может, и все же нам не удается избавиться от смутных сомнений: а почему, собственно, не может? И, оставив пока эти сомнения неразрешенными, мы переходим к рассмотрению поведенческих – прагматических следствий парадоксов.

5.4 Прагматические парадоксы

5.4.1 Парадоксальные предписания

Хотя предложенный нами парадокс парикмахера практически всегда описывается именно в таком виде, существует, по крайней мере, еще одна, слегка модифицированная версия. Она предложена Райхенбахом (123), и в ней, непонятно по какой причине, парикмахер – это солдат, которому командир приказал побрить всех солдат роты, которые не

бреются сами, но только их. Райхенбах, естественно, приходит к единственному логическому выводу о том, «что, в определенном смысле, такой ротный парикмахер просто не существует».

Какова бы ни была причина, по которой автор предлагает нам эту историю в таком необычном виде,
196

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

здесь мы имеем дело с прекрасным примером прагматического парадокса. Понятно, что в реальной жизни не существует никаких препятствий тому, чтобы подобное предписание действительно было сформулировано – несмотря на всю его логическую абсурдность. И в качестве существенных составляющих, обеспечивающих возможность такого заявления, мы можем выделить следующие:

- 1) жесткие комплементарные отношения (офицер и подчиненный);
- 2) в рамках этих отношений дается такая инструкция, которой солдат должен подчиниться и не подчиниться одновременно (солдат будет считаться человеком, который бреет себя сам тогда и только тогда, когда он себя не бреет, и наоборот);
- 3) человек, занимающий в данной иерархии низшую позицию, не может выйти из фиксированных рамок взаимоотношений и тем самым разрешить парадокс, обсудив его, то есть, осуществив по его поводу определенную метакоммуникацию (такой поворот дел невозможен, поскольку это было бы воспринято как нарушение субординации).

Человек, попадающий в такую ситуацию, находится в парадоксальной позиции. Таким образом, если с точки зрения чистой логики приказ капитана не имеет абсолютно никакого смысла и такой парикмахер существовать не может, в реальности ситуация представляется совершенно иной. Прагматические парадоксы, и в особенности парадоксальные предписания, в действительности имеют место гораздо чаще, чем мы могли бы предположить. И как только мы начнем анализировать парадоксы, включенные в контекст взаимодействия, мы поймем, что данный феномен – не только занимательная, но абстрактная тема, обсуждаемая логиками и философами науки; мы обнаружим, что парадоксы представляют крайнюю важность и там, где мы имеем дело с обеспечением психического здоровья тех, кто вступает в

«I
i i.

Психология межличностных коммуникаций
коммуникацию, будь то отдельные люди, семьи, социальные группы или нации. Ниже мы приводим ряд примеров такого рода парадоксов; некоторые из примеров представляют собой теоретические модели, другие взяты из литературы, тогда как третьи – это описание случаев из клинической практики.

5.42 Примеры парадоксальной коммуникации

Пример 1. Фраза «Чикаго – многолюдный город» синтаксически и семантически корректна, тогда как фраза «Чикаго состоит из трех слогов» корректной не является; в этом случае мы должны использовать кавычки, и тогда данная фраза будет выглядеть так: ««Чикаго» состоит из трех слогов». Различие между этими двумя фразами заключается в том, что в первом утверждении данное слово относится к объекту (город), тогда как во втором примере то же самое слово относится к названию (которое является словом), то есть, к самому себе. Таким образом, две формы использования слова «Чикаго», несомненно, соотносятся с различными логическими типами (первое утверждение сделано на объектном языке, второе же – на метаязыке), и кавычки выполняют функцию индикаторов логического типа (ср. 108, р. 30, сноска I).⁵

А теперь давайте представим, что по какой-то нелепой случайности некто соединил эти два утверж-

' И здесь нам следует воздать должное математику Фреге, который еще в 1893 году говорил следующее:

Возможно, частое использование перевернутых запятых может показаться странным, но посредством этих запятых а подчеркиваю различие между теми примерами, в которых я говорю о *знаках самих по себе*, и теми, где я говорю об *их значении*. И сколь педантичным это ни показалось бы читателю, я абсолютно уверен в том, что они необходимы. *Просто удивительно, как неточная манера речи или письма, которая, по замыслу автора, делала сообщение более кратким и удобочитаемым (при этом автор использовал ее, несмотря на то, что целиком и полностью осознавал ее неточность) в конечном счете искажала саму идею, как только некорректность высказывания переставала осознаваться* (48, р. 4; курсив наш).

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

дения, касающиеся Чикаго, в одно («Чикаго – многолюдный город и состоит из трех слогов»), продиктовал это предложение своей секретарше и пригрозил ей увольнением, если она не сможет написать это предложение правильно. Конечно же, ей это не удастся (как не удалось бы и нам, даже если бы мы очень постарались). И каковы в этом случае будут поведенческие последствия такой коммуникации (поскольку именно это – предмет прагматики человеческой коммуникации)? Бессмысленность данного примера ни в коем случае не умаляет его теоретической значимости. Нет никаких сомнений в том, что коммуникация такого рода порождает парадоксальную ситуацию. Поскольку сообщение парадоксально, любая реакция на него в рамках той ситуации, что порождается этим сообщением, будет столь же парадоксальной. Просто невозможно вести себя логично и последовательно там, где нелогичен и непоследователен сам контекст ситуации. До тех пор, пока секретарь остается в рамках той ситуации, что определена ее начальником, у нее есть только две альтернативы: либо попытаться исполнить требование, и, естественно, не справиться с задачей, либо отказаться от его исполнения вовсе. В первом случае ее обвинят в некомпетентности, во втором – в нарушении субординации. Следует отметить также, что первое обвинение подразумевает недостаточность ее умственных способностей, второе – упрямство и недисциплинированность, что весьма напоминает типичные обвинения в том, что либо у человека плохой характер, либо он психически нездоров. В любом случае, секретарша, по всей вероятности, будет реагировать на создавшуюся ситуацию эмоционально, например, она может заплакать или разозлиться. На все это мы можем возразить, что ни один человек, находясь в здравом уме, не будет вести себя так, как этот гипотетический начальник. Однако подобный вывод был бы не вполне логичен, поскольку, по крайней мере, в

Психология межличностных коммуникаций

теории, а также, что весьма вероятно, и в представлении секретаря, существуют две возможные причины такого поведения: либо начальнику просто нужен повод для увольнения, и он использует для этого столь некрасивый трюк, либо он не в своем уме. Заметим, что и здесь

единственные два объяснения — это либо дурной характер, либо психическое отклонение.

Совершенно иная ситуация создается в том случае, если секретарь не остается в тех рамках, что определены предписанием, но обсуждает его; иными словами, если она не реагирует на содержание указаний начальника, но вступает в коммуникацию по поводу его коммуникации. Она тем самым выходит за пределы определенного им контекста, и ей удается избежать этой дилеммы. Однако это далеко не всегда столь уж легко. Существует причина, вследствие которой, как неоднократно было показано в предыдущих главах, возникают препятствия в осуществлении коммуникации о коммуникации. Секретарю нужно было бы осознать, почему именно ситуация столь парадоксальна, каково ее собственное положение в этой ситуации; и все же это осознание само по себе не способно изменить сложившийся контекст. Другая причина, вследствие которой метакоммуникация представляется непростым решением, кроется в том, что начальник, пользуясь своей властью, вполне может отказаться продолжать коммуникацию с секретарем на метауровне, расценив подобную попытку как еще одно доказательство ее некомпетентности или наглости.⁶

⁶ Подобное блокирование коммуникации, препятствующее выходу **кз** неопределенной ситуации было хорошо известно Льюису Кэрролу. Черная и Белая Королевы довели Алису до отчаяния своими вопросами (см. п. 3.22), после этого они принялись обмахивать ее ветками, пока она не пришла в себя, и промывка мозгов продолжилась:

— Теперь она вне опасности, — сказала Черная Королева. — Аязыки ты знаешь? Как по-французски -фу ты. ну ты?»

200

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

Пример 2. Парадоксальные самоопределения, подобные заявлению того лжеца, встречаются достаточно часто, по крайней мере, в нашей клинической практике. Их прагматическое значение становится более очевидным, если мы будем иметь в виду, что для такого рода суждений характерна не только логическая бессмысленность содержания; вторая их особенность заключается в том, что в них заложено определение отношения самого человека к другим. Таким образом, когда они являются частью человеческого взаимодействия, не так уж важно, что их содержание лишено смысла; важнее то, что аспект отношения не может быть ни

проигнорирован, ни адекватно понят. Описанные ниже вариации этой проблемы взяты практически наугад из недавно проведенных интервью.

а) Интервьюер: Мистер Х., как Вы считаете, какие основные проблемы существуют в Вашей семье?

М-р Х.: Мой вклад в нашу проблему заключается в том, что я часто говорю неправду... многие называют это — ну — враньем, или преувеличением, или околесницей, по-разному, но на самом деле, это неправда...

Мы вполне можем предположить, что этот человек никогда не слышал про парадокс лжеца, и что у него вовсе нет намерения заморочить интервьюеру голову. И все же, ему это удастся, поскольку что мы можем сделать со столь парадоксальным сообщением об отношениях?

б) Семья, состоящая из родителей и двенадцатилетнего сына, который страдает от ожирения, и у

— А что это значит? — спросила Алиса.

— Понятия не имею,

Алиса решила, что на этот раз ей удастся выпутаться.

— Если вы мне скажете, что это значит, — заявила она, — я вам тут же переведу на французский.

Но Черная Королева гордо выпрямилась и произнесла:

— *Королевы β сделки не вступают!*

(курсив наш) (Цит. по: Кэрроп Л. Приключения Алисы в стране чудес; Алиса в Зазеркалье. Пер. с англ. Н. Демуровой. — Петрозаводск, Карелия. 1979.—С. 218.)

201

Психология межличностных коммуникаций

которого подозревают умственную отсталость, приходит на структурированное семейное интервью (159). В ходе этого интервью им приходится вместе интерпретировать пословицу «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет».

Отец: Эта пословица значит, что мы — мама и я — что если мы все время чем-то заняты, никогда не сидим на месте, ты понимаешь, если мы все время двигаемся, тогда мы не будем, ну, слишком толстыми, и ты бы тоже лучше соображал...

Сын: Да?

Мать: Теперь ты понимаешь?

Сын: Да, я понял.

Мать (не дослушав): ...ты понимаешь?

Сын (не дослушав): Да, ПОНИМАЮ.

Отец (не дослушав): ...это было бы ХОРОШО для...

Сын (перебивая): Умственной отсталости.

Отец (продолжая): ...того, чтобы постоянно чем-то заниматься...

Мать: Ну, не кажется ли тебе, что когда мы говорим «Кому на месте не сидится...»

Сын (перебивая): Ну да, это значит, справиться с умственной отсталостью.

Мать: Ну...

Отец (перебивая): Ну, если ты будешь все время чем-то занят, это ПОМОЖЕТ, я думаю, это так.

Каким образом его родители или же терапевт будут взаимодействовать с «умственно отсталым», который говорит о способах излечения своей умственной отсталости, и даже использует этот термин?

' Этого пациента неоднократно подвергали психологическому тестированию, и коэффициент его интеллекта неизменно колебался от 50 до 80. Перед описанным в нашем примере интервью ему тоже предложено было пройти тестирование, но он отказался, сославшись на то, что он не понимает задаваемых ему вопросов. (В ходе терапии этому пациенту был поставлен иной диагноз – шизофрения; лечение проходило успешно и впоследствии он справлялся со многими задачами гораздо лучше, чем это можно было предположить, исходя из результатов первичного тестирования.)

202

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

Подобно лжецу из нашего парадокса, он постоянно перепрыгивает те рамки, что были определены его диагнозом (определением себя самого); тем самым он доводит диагноз до абсурда совершенно шизофреническим образом. Использование термина означает устранение того условия, которое предполагается самим этим термином.

в) Супружеская пара пришла к терапевту, и разговор зашел об их сексуальных отношениях и об установках относительно различных типов сексуального поведения; оказалось, что муж испытывает крайний дискомфорт в том, что касается мастурбации. Он сказал, что, «честно говоря», хотя из-за отказов жены ему нередко «приходится» мастурбировать, его мучают мысли о том, что это ненормально и греховно (муж был католиком, и считал, что мастурбация – это смертный грех). Терапевт ответил, что вопросы греха – не в его компетенции, но если речь идет об отклонении от нормы, то множеством исследований было доказано, что представители католической религиозной группы, по сравнению с

другими, реже говорят о том, что занимаются мастурбацией, хотя, в принципе, они, как выяснилось, занимаются ею чаще, чем этого можно было бы ожидать. Муж скептически отнесся к этой информации, заявив, что «католики всегда лгут, когда речь заходит о сексе».

Пример 3. Возможно, наиболее часто встречающаяся форма парадоксов, непосредственно относящаяся к прагматике человеческой коммуникации, это предписания относительно тех видов поведения, которые по самой своей природе могут осуществляться лишь спонтанно. Общая формулировка подобных предписаний в этом случае такова: «Будь спонтанным!». И любой, перед кем ставят такого рода условие, находится в невыгодной позиции, поскольку это предполагает, что ему нужно быть спонтанным в рамках подчинения, то есть отсутствия спонтаннос-

203

Психология межличностных коммуникаций

ти. Вот лишь несколько примеров парадоксальных предписаний такого характера:

- а) «Ты должен любить меня»;
- б) «Я хочу, чтобы ты был властен со мной» (просьба жены, обращенная к ее пассивному мужу);
- в) «Тебе должно нравиться играть с детьми, ведь это нравится другим отцам»;
- г) «Не будь таким послушным» (так говорят родители своему ребенку, который, как им кажется, слишком зависим от них);
- д) «Ты знаешь, что можешь уйти, если захочешь, дорогой, не обращай внимания, что я плачу» (из романа В. Стайрон 150, р. 33).

Хозяева публичного дома из романа Жана Жене «Балкон» тоже стоят перед такого рода дилеммой. Девушкам платят за то, чтобы они подыгрывали клиентам, которые хотят воплотить в реальности свои фантазии, но это все остается притворством, поскольку они знают, что греховодник – это не «настоящий» греховодник, вор – не «настоящий» вор и т. д. С похожей проблемой сталкиваются и гомосексуалисты, которые стремятся вступить в связь с «настоящим» мужчиной только для того, чтобы удостовериться в том, что такой мужчина тоже – и это неизбежно – гомосексуален. Во всех этих случаях партнер в худшем случае отказывается подчиняться, в лучшем – поступает правильно по неправильной причине, и эта «неправильная причина» – само подчинение. С точки зрения симметричности и

комплементарности, такого рода предписания парадоксальны, потому что они предполагают симметричность в рамках таких отношений, которые по характеру своему комплементарны. Спонтанность существует лишь благодаря свободе, принуждение уничтожает ее.⁸

⁶ Сама по себе свобода – тоже своего рода парадокс. По мнению Сартра, единственная свобода, которой нам не хватает, это свобода быть свободным. Аналогичную идею мы находим и в

204

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

Пример 4. Идеологические системы также полны парадоксов, особенно если их метафизические основания антиметафизичны. Яркий пример такого рода – рассуждения Рубашова, героя одного из романов Кёстлера. Партия отрицает свободную волю человека – и в то же время требует от него добровольного самопожертвования. Она отрицает его способность совершить выбор из двух альтернатив – и в то же время всегда требует, чтобы человек совершил верный выбор. Она отрицает его способность отличить добро от зла – и в то же время осуждающе говорит о вине и предательстве. Партия говорит о том, что экономически судьба человека предопределена, что он – лишь колесико в часовом механизме, которое будет вращаться вечно, и которое нельзя ни остановить, ни изменить – и в то же время требует, чтобы это колесико начало крутиться в обратную сторону и вывело часовой механизм из строя. Где-то в их рассуждениях закралась ошибка, и уравнение никак не решить (84, р. 257).

Сама природа парадокса предполагает, что основанные на нем «уравнения» решению не поддаются. Там, где парадоксы закрадываются в человеческие отношения, возникает болезнь. Рубашов видит симптомы этой болезни, но любые поиски лекарства оказываются тщетными. Все наши принципы совершенно верны, но результаты оказываются неверными. Это больная страна. Мы с гражданском кодексе Швейцарии (статья 21): «...Никто не может отказаться от своей свободы или же ограничить ее до такой степени, которая нарушает нормы права и моралиа. Также и Бердяев, анализируя идеи Достоевского, пишет: «Свобода не может быть отождествлена с добром, с истиной, с совершенством. Свобода имеет свою самобытную природу, свобода есть свобода, а не добро. И всякое

смешение и отождествление свободы с самим добром и совершенством есть отрицание свободы, есть признание путей принуждения и насилия. Принудительное добро не есть уже добро, оно перерождается в зло». (Цит. по: Бердяев Н. А. О русских классиках. ~ М. . Высш. шк., 1393. – С. 133.)

205

Психология межличностных коммуникаций
микроскопической точностью диагностировали и саму болезнь и ее причины, но в любом месте, где мы пытаемся начать лечение, возникает еще один нарыв. Наши желания сильны и бескорыстны, и люди должны были бы любить нас. Но они нас ненавидят, Почему же мы вызываем такую ненависть и такое отвращение?

Мы говорим вам правду, но в наших устах она звучит, как ложь. Мы несли вам свободу, но в наших руках она обернулась плетью. Мы несли вам яркую жизнь, но там, где слышался наш голос, деревья сохли и осыпались. Мы обещали вам счастливое будущее, но язык наш заплетался... (84, р. 58)

Пример 5. Если мы сейчас сравним этот отрывок с автобиографическим рассказом шизофреника (15), мы заметим, что стоящая перед ним дилемма по сути своей точно та же, что стояла и перед Рубашовым. Голоса, которые слышал пациент, поставили его в невыгодную ситуацию, и когда он не мог справиться с их парадоксальными предписаниями, ему приходилось выслушивать обвинения во лжи и упрямстве. Его рассказ весьма примечателен еще и потому, что он был написан почти 130 лет назад, задолго до того, как психиатрическая теория достигла того уровня, на котором она находится сегодня.

Меня мучили голоса, которые отдавали мне приказы, мне казалось, что это был святой дух, он повелевал мне говорить какие-то вещи, но каждый раз, когда я пытался это сделать, голос обвинял меня в том, что я начинаю говорить своим собственным голосом, а не тем, что дан мне. Эти противоречивые приказы, как тогда, так и теперь, были причиной моего бессвязного поведения, и эти образы стали причиной моего тотального психического расстройства. Поскольку мне приказывали говорить – а в противном случае грозили страшными мучениями, гневом святого духа, обвиняли в черной неблагодарности; и в то же время, когда бы я ни пытался заговорить,

206

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

все получалось не так, и когда я пытался внутренне оправдаться, говоря, что я просто не знаю, что делать, меня обвиняли во лжи, в упорном нежелании делать то, что мне говорят. Я потерял терпение и сказал, что они меня запутали. Но после того, как я сделал это, я начал чувствовать боль в нёбе и гортани каждый раз, как только пытался заговорить; это убедило меня в том, что я пошел не только против божьей воли, но и против природы; меня начало преследовать мучительное чувство безнадежности и неблагодарности (15, р. 32–33).

Пример 6. Когда в 1616 году японские правители начали преследования приверженцев христианства, они предоставляли своим жертвам выбор: либо смертная казнь, либо отречение, и эта альтернатива тоже была парадоксальной. Отречение, о котором идет речь, представляло собой особую форму клятвы, о которой Сансом в своем анализе отношений между европейской и азиатской культурами пишет так:

Отрицая христианскую веру, каждый осужденный должен был повторить причины своего отречения, и для этого существовала особая формулировка... Эта формулировка – вынужденное признание силы и величия христианской веры, поскольку адептам этой веры, отрекавшимся от своей религии (как правило, это происходило вследствие сильного давления), приходилось в то же время присягать на верность той самой идеологии, от которой они только что отреклись: Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Святой Марии и всех святых... Если я нарушу эту клятву, я навечно потеряю благословение Господа и буду подобен Иуде Искароту. Нелогичность этой ситуации усугублялась тем, что после произнесения данной клятвы осужденные должны были тут же присягнуть на верность буддийским и синтоистским божествам (134, р. 176).

207

!

.11 .

Психология межличностных коммуникаций

Нам представляется целесообразным подробно проанализировать последствия этого парадокса. Японцы поставили перед собой задачу изменить веру целой группы, что было крайне сложно, учитывая тот факт, что любая вера, с одной стороны, достаточно сильна, с другой – плохо поддается точным формулировкам. Они

должны были с самого начала понять, что методы убеждения и принуждения были бы не совсем адекватны, поскольку эти методы не могли гарантировать действительного изменения мышления бывших религиозных адептов. И естественно, сомнения в конечном результате возникали всегда, потому что и те, кто действительно изменил свое мнение, и те, кто решил сохранить свою жизнь, затаив веру в глубине сердца, поступали совершенно одинаково.

Столкнувшись с необходимостью «действительно» изменить сознание людей, японцы посчитали целесообразным прибегнуть к такому отречению, и им было совершенно ясно, что такая клятва будет связывать последователей христианской веры только в том случае, если она будет произноситься одновременно именем и христианского, и буддистских или синтоистских божеств. Но такое «решение» неизбежно привело к возникновению парадокса. Предполагалось, что формулировка, предназначенная для отречения от веры, будет усиливать свою силу как раз за счет того, что осужденные взывали к тому самому богу, от которого только что отреклись. Иными словами, утверждение было сформулировано *внутри* четко определенных рамок (христианская вера), в нем шла речь о самих этих рамках, то есть, о самом себе; таким образом оно отрицало заданные рамки и, следовательно, саму клятву. И сейчас нам следует обратить особое внимание на два выделенных слова из предыдущего предложения, а именно слова «внутри» и «о». Пусть С — это класс всех утверждений которые могут быть сделаны в рамках христианской веры. Тогда любое утверждение, касаю-

208

Глава 5. Парадоксальная коммуникация
щееся С, можно назвать метаутверждением, то есть утверждением, касающимся совокупности утверждений. Теперь мы можем увидеть, что рассматриваемая нами клятва одновременно является и утверждением, относящимся к классу С (поскольку в нем человек обращается к Троице), и метаутверждением, отрицающим С — следовательно, утверждением о С. Это, однако, приводит к одному хорошо известному логическому тупику. Ни одно утверждение, сделанное в заданных рамках, не может в то же самое время выходить, так сказать, за эти рамки и отрицать само себя. Это типичный случай дилеммы, стоящей перед человеком, которому снится

кошмар: все, что бы он ни пытался сделать в этом сне, оказывалось бесполезным.⁹ Он может избавиться от своего кошмара только тогда, когда проснется, то есть,

* И опять нам стоит обратиться к сказке Льюиса Кэррола «Алиса в Зазеркалье», которая (так же, как и «Алиса в стране чудес») гораздо больше похожа на работу по логике, чем на детскую книжку. Посмотрим, как Труляля и Траляля рассуждают о спящем Черном Короле:

— Ему снится сон? — сказал Тралили. — И как, по-твоему, кто ему снится?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Этого никто сказать не может.

— Ему снишься ты! — закричал Траляля и радостно захлопал а ладоши.

— Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

— Там, где я есть, конечно, — сказала Алиса.

— А вот и ошибаешься! — возразил с презрением Траляля.

— Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне.

— Если этот вот Король вдруг проснется, — подтвердил Труляля, — ты сразу же — фьють! И потухнешь, как свеча!

— Ну, нет, — вознегодовала Алиса. — И новее я не потухну! К тому же, если я только сон, то кто же вы тогда такие?

— То же самое, — сказал Труляля.

— Самое, самое! — подтвердил Траляля.

Он так громко прокричал эти слова, что Алиса испугалась.

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Не кричите, а то вы его разбудите!

— Тебе-то что? — сказал Труляля. — Все равно ты ему только снишься! Ты ведь не настоящая!

— Нет, настоящая! Настоящая! — крикнула Алиса и заплакала.

(Цит. по; Кэррол Л. Приключения Алисы в стране чудес; Алиса в Зазеркалье. Пер. с англ. Н. Демуровой. — Петрозаводск, Карелия, 1973. — С. 163–164.)

209

I*"

""

Психология межличностных коммуникаций выйдет за пределы этого сна. Но пробуждение — это не часть сна, это уже другие рамки. Теоретически, кошмар

может длиться вечно, что, по-видимому, нередко случается у шизофреников, поскольку ничто в пределах заданной ситуации не может его опровергнуть. Но это — с соответствующими изменениями — именно то, чего предполагалось достичь той японской клятвой. Нам неизвестны какие-либо исторические источники, рассказывающие о том, какое влияние оказывала эта клятва на последователей христианства и на самих японских правителей, однако мы без труда можем предположить ее возможные последствия. Для адептов христианства, которым приходилось приносить эту клятву, дилемма была очевидной. Отрекаясь, они оставались в рамках этой парадоксальной формулы и тем самым попадали в парадоксальную ситуацию. Конечно, их шансы выйти за пределы ситуации были мизерными. Но будучи вынужденными произносить эту клятву, приверженцы христианства оказывались перед лицом огромной личной религиозной дилеммы. И все же, оставив в стороне тот факт, что эта клятва произносилась под принуждением, зададим другой вопрос: имела ли она в принципе какую-то силу? Если они хотели остаться христианами, то само это делало клятву настоящей и тем самым отлучало их от церкви. Но если они искренне желали отказаться от своей веры, не привязывала ли эта клятва к церкви еще сильнее? Если мы начнем анализировать этот парадокс, нам придется обратиться к метафизике; сама сущность клятвы заключалась в том, что она обязывала не только того, кто произносил ее, но и тех божеств, которые в ней упоминались. Не получалось ли так, что сам Господь Бог попадал в парадоксальную ситуацию, и если это действительно так, то есть ли надежда, что мир может предложить какое-то решение этого парадокса?

210

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

Но парадокс оказывал влияние и на преследователей, Им приходилось сталкиваться с тем, что данная клятва давала больше власти христианскому богу, нежели их божествам. Таким образом, вместо того, чтобы изгнать из душ последователей христианства «Отца, Сына, Святого Духа, Святую Марию и всех святых», они восхваляли их даже в рамках своей собственной религии. Таким образом, в конечном счете они попадали в ту ловушку, которую сами и ставили, отрицая то, что следовало утверждать, и утверждая то, что должно было быть отвергнуто.

И здесь мы вскользь касаемся такого явления, как «промывание мозгов», которое основывается почти полностью на одном прагматическом парадоксе. История человечества показывает, что в общем и целом, в этой деятельности существует два типа «специалистов»: те, кто рассматривает физическое уничтожение оппонентов как возможное решение проблемы и не придают особого значения тому, что в действительности думают их жертвы, и те, кто ставит перед собой задачу на самом деле изменить образ мыслей преследуемых. О'Брайен, мучитель из романа Оруэл-ла «1984», так объясняет свои намерения жертве.

«В средние века существовала инквизиция. Она оказалась несостоятельной. Она стремилась выкорчевать ереси, а в результате их увековечила. За каждым еретиком, сожженным на костре, вставали тысячи новых. Почему? Потому что инквизиция убивала врагов открыто, убивала нераскаявшихся; в сущности, потому и убивала, что они не раскаялись. Люди умирали за то, что не хотели отказаться от своих убеждений. Естественно, вся слава доставалась жертве, а позор — инквизитору, палачу. Позже... были германские нацисты и русские коммунисты... произошло то же самое. Казненные стали мучениками. Опять-таки — почему? Прежде всего потому, что их признания были явно вырваны силой и лживы. Мы таких

211

Психология межличностных коммуникаций ошибок не делаем. Все признания, которые здесь произносятся, — правда. Правдой их делаем мы... Вас сотрут и в прошлом и в будущем. Будет так, как если бы вы никогда не жили на свете». «Зачем тогда трудиться, пытаться меня?» — с горечью подумал Уинстон. О'Брайен слегка улыбнулся.

«Вы — изъян в общем порядке, Уинстон. Вы — пятно, которое надо стереть. Разве я не объяснил вам, чем мы отличаемся от прежних карателей? Мы не довольствуемся негативным послушанием и даже самой униженной покорностью— Когда вы окончательно нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле. Мы уничтожаем еретика не потому, что он нам сопротивляется; покуда он сопротивляется, мы его не уничтожим. Мы обратим его, мы захватим его душу до самого дна, мы его переделаем. Мы выжжем в нем все зло и все иллюзии, он примет нашу сторону — не формально, а искренне, умом и сердцем. Он

станет одним из нас, и только тогда мы его убьем. Мы не потерпим, чтобы где-то в мире существовало заблуждение, пусть тайное, пусть бессильное» (с. 172-173).¹⁰

И здесь мы имеем дело с парадоксом «будь спонтанным» в самой его яркой форме. Естественно, у читателя не остается никаких сомнений в том, что О'Брайен сумасшедший; но если он – только герой романа, то Гитлер, Гиммлер, Гейдрих – персонажи вполне реальные. *Пример 7.* Ситуация, чрезвычайно напоминающая историю с японскими христианами и их преследователями, имела место в 1938 году, и в ней участвова-

¹⁰ Цит. по: Оруэлл Дж, «1984» и эссе разных лет. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989.

212

Глава 5. Парадоксальная коммуникация
ли Зигмунд Фрейд и нацистские власти; исключение состояло лишь в том, что в этом случае парадокс был предложен жертвой своим преследователям, и он был представлен таким образом, что у Фрейда оставалась свобода действий. Нацисты пообещали Фрейду выездную визу из Австрии, но при том условии, что он подпишет декларацию, гласящую, что «немецкие власти, и в особенности гестапо, учитывая его научные заслуги, обращались с ним со всем должным уважением» и так далее (81, с. 226). И хотя вполне могло быть, что с самим Фрейдом обращались именно так, но в целом в Австрии велось жестокое преследование евреев, и предлагаемый Фрейду документ был бесстыдной претензией на справедливость со стороны немецких властей; было очевидно, что они используют известность Фрейда в целях нацистской пропаганды. Поэтому гестапо было заинтересовано в том, чтобы Фрейд поставил свою подпись под этим документом, а Фрейд, с другой стороны, был поставлен перед выбором: либо подписать декларацию и тем самым помочь врагу ценой своей совести, либо отказаться от подписания и страдать от очевидных последствий этого шага. Однако ему удалось разбить противника его же оружием. Когда офицер гестапо принес документ ученому на подпись, Фрейд спросил, можно ли ему добавить к документу еще одну фразу. Будучи совершенно уверенным в том, что его позиция более выгодна, офицер согласился, и Фрейд написал: «Я искренне рекомендую общение с гестапо всем окружающим». Теперь положение совершенно изменилось – поскольку офицеры гестапо, которые заставили Фрейда воздать им

хвалу, не могли возразить и против такой похвалы, Но каждому, кто был хотя бы в общих чертах осведомлен о том, что происходило в то время в Вене (а мировое сообщество было достаточно информировано о происходящем), эта «похвала» представлялась саркастической издевкой, которая дела-

213

»' * ' χ-

Психология межличностных коммуникаций
ла декларацию совершенно непригодной в пропагандистских целях. Короче говоря, Фрейд дискредитировал этот документ таким утверждением, которое было одновременно и его частью, и его саркастическим отрицанием.

Пример 8. В своем романе «Утехи и дни» Пруст приводит нам блестящий пример прагматического парадокса, возникающего вследствие нередко имеющих место противоречий между социально одобряемым поведением и эмоциями. Тринадцатилетний Алексис отправляется навестить своего дядю, который умирает от неизлечимого недуга. Между ним и его воспитателем происходит следующий разговор.

Начав говорить, он залился краской: «Мсье Легран, должен ли мой дядя думать, что я знаю, что он умирает, или нет?» «Конечно нет, Алексис!» «Но что, если он заговорит со мной об этом?» «Он не будет говорить с тобой об этом». «Он не будет говорить со мной об этом?» – с удивлением повторил Алексис; это был единственный вариант, который не приходил ему в голову. Каждый раз, когда он пытался представить себе визит к дяде, ему казалось, что тот будет рассказывать ему о смерти с безмятежностью священника. «И все же, если он заговорит со мной об этом?» «Ты скажешь ему, что это неправда». «А если я заплачу?»

«Ты и так уже слишком много плакал сегодня утром, ты не будешь плакать у дядиной постели». «Я не буду плакать!» – в отчаянии воскликнул Алексис, – «но тогда он подумает, что я вовсе о нем не жалею, и что я не люблю его... моего маленького дядюшку!» И он залился слезами (118, р. 19–20).

214

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

Если Алексис не будет демонстрировать свое беспокойство, то, как ему кажется, он может показаться равнодушным и не любящим.

Пример 9. Молодой человек чувствовал, что его родители не одобряют ту девушку, с которой он встречался и на которой собирался жениться. Его отец был здоровым, активным, властным мужчиной, который привык командовать и своими тремя детьми и женой. Мать занимала подчиненную позицию. Она была замкнутой, тихой женщиной, которая иногда отпрашивалась в санаторий «отдохнуть». Однажды отец позвал молодого человека в свой кабинет, что случалось крайне редко и по особым случаям, и сказал ему: «Луис, тебе следует кое-что понять. Мы, Аль-варадосы, всегда женились на женщинах, которые лучше нас». Он произнес это с суровым лицом и оставил молодого человека в недоумении, поскольку тот не мог понять, к чему это было сказано. Каким бы образом он ни пытался проинтерпретировать услышанное, у него возникали противоречивые выводы, и он сомневался в том, стоит ли ему жениться на той девушке.

Заявление отца можно было развить следующим образом: мы, Альварадосы, лучше и достойнее многих, и мы всегда женимся на тех, кто лучше нас. Однако это последнее доказательство превосходства не только самым явным образом противоречило тому, свидетелем чего был сын, но и само по себе предполагало, что мужчины из рода Альварадо менее достойны, чем их жены. А это противоречило тому самому утверждению, которое предполагалось подтвердить. Если утверждение о превосходстве, включая и определение этого мужчины и его жены верно, то оно в то же время и неверно.

Пример 10. В ходе психотерапевтического лечения одного молодого человека психиатр попросил его

215

Психология межличностных коммуникаций
пригласить на одну из сессий его родителей, которые жили довольно далеко — в другом городе, поскольку психиатр хотел провести хотя бы одну совместную сессию. В ходе разговора стало очевидным, что родители соглашались друг с другом только тогда, когда они объединяются против сына, но по всем прочим вопросам им мнения расходятся. Также оказалось, что когда мальчик был маленьким, у отца была депрессия и он пять лет не работал; все это время они жили на пособие матери. Позже в ходе интервью выяснилось, что отец сурово критиковал мальчика за безответственность, за то, что он не добивается успеха и не становится более независимым. В этот момент терапевт вмешался в разговор

и осторожно заметил, что, возможно, у отца и сына гораздо больше общего, чем им кажется... И хотя мужчины не обратили внимания на этот намек, мать быстро вмешалась и обвинила терапевта в том, что он выдумывает проблемы там, где их нет. Затем она с любовью и восхищением посмотрела на своего сына и сказала: «В конце концов, все очень просто, Все, что мы хотим, так это чтобы Джордж был так же счастлив в браке, как мы». И если мы последуем ее рассуждению, то окажется, что брак счастлив только тогда, когда он несчастлив, и, соответственно, несчастлив, когда счастлив.

Следует также отметить, что молодой человек после этой встречи впал в депрессию, однако когда он в следующий раз пришел к терапевту, он не мог определить причину своего плохого настроения. Когда терапевт напомнил ему о парадоксальном желании его матери, он припомнил этот разговор – и как будто внутри него тут же зажегся свет. Он сказал, что она, по всей вероятности, много лет говорила «такие вещи», но ему никогда раньше не удавалось подметить и осознать их. Ему часто снилось, что он несет что-то тяжелое, или с чем-то борется, или что его куда-то затягивает, но он не мог понять, что именно ему мешает.

216

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

Пример 11. Мать разговаривает по телефону с психиатром ее дочери, больной шизофренией, и жалуется, что дочери опять стало хуже. Обычно в устах матери это означает, что девочка стала более независимой и пререкается с ней. Терапевт попросил женщину привести пример плохого поведения девочки, и она сказала: «Ну, как сегодня, я позвала ее обедать, и нам пришлось долго это обсуждать, потому что она думала, что не хочет идти». Когда терапевт спросил, чем же дело закончилось, мать сказала: «Ну, я убедила ее пойти, конечно, я же знала, что на самом деле она хочет обедать, она всегда поначалу отказывается, но в конце концов ей не хватает духу сказать «нет»». По мнению матери, когда девочка говорит «нет», это значит, что на самом деле, она этого хочет, потому что мать лучше знает, что творится в ее спутанном сознании. Но что, если бы девочка сказала «да»? «Да» не означает «да», оно значит лишь то, что девочке не хватает духу сказать «нет». Тем самым мать и дочь попадают в замкнутый круг, образованный этими парадоксальными сообщениями.

Пример 12. Очаровательная и жутковатая коллекция парадоксальных материнских обращений недавно была опубликована Гринбургом. Вот один из предложенных им перлов.

Подарите своему сыну Марвину две футболки. Когда он в первый раз наденет одну из них, печально посмотрите на него и спросите своим Обычным Тонем: «А вторая тебе не понравилась?» (58, р. 16).

5.43 Теория двойного ограничения

Последствия парадоксов в человеческом взаимодействии впервые были описаны Бейтсоном, Джексоном, Хэйли и Виклендом в работе под названием «Теория шизофрении» (18), опубликованной в 1956 году. Эта исследовательская группа рассматривала специфику шизофренической коммуникации с пози-

217

Психология межличностных коммуникаций

ции, которая сильно отличалась от общепринятого представления о том, что шизофрения – это главным образом интрапсихическое расстройство (нарушение мышления, слабое эго и т. д.), которое, в свою очередь, влияет на отношения пациента с другими людьми и, в конечном счете, на их отношения к нему. Бейтсон с коллегами исходили из обратного предположения: они выдвинули гипотезу о том, что именно специфика межличностного общения может *влиять* {а не подвергаться влиянию} на поведение, которое расценивается как шизофреническое. Шизофреник, согласно их гипотезе, «должно быть, живет в мире, где цепочки событий таковы, что его необычная манера общаться будет в определенном смысле уместной» (18, р. 253). Такой подход позволил им постулировать и описать некоторые существенные характеристики подобного взаимодействия, которые они обозначили как двойное ограничение. Эти характеристики также можно рассматривать как общий знаменатель всех тех примеров, что были описаны выше, и которые могли показаться читателю довольно бессвязными.

5.431 Составляющие двойного ограничения

Если мы несколько модифицируем и расширим исходное определение, то составляющие ситуации двойного ограничения можно описать следующим образом:

1) Два или более человека вовлечены в интенсивное взаимодействие, которое весьма значимо для физического и/или психологического выживания одного, нескольких или каждого из них. Ситуации, в которых обычно имеют место

столь глубокие отношения, включают (но не ограничиваются) семейную жизнь, в особенности, взаимодействие между родителями и детьми; физический недостаток одного из партнеров; материальную зависимость; плен; дружбу; любовь; верность идее, делу или

218

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

идеологии; ситуации, в которых сильно влияние социальных норм или традиций; психотерапевтическое взаимодействие.

2) В подобном контексте имеет место сообщение, которое структурировано таким образом, что: а) нечто утверждается; б) утверждается нечто об этом утверждении; в) эти два утверждения носят взаимоисключающий характер. Так, если сообщение содержит некоторое предписание, то для того, чтобы подчиниться этому предписанию, ему следует не подчиняться; если же это определение себя или другого, то человек является кем-то только в том случае, если он этим кем-то не является, и наоборот. Таким образом, смысл сообщения понять невозможно (см. 3.333).

3) Наконец, получатель сообщения никоим образом — ни посредством метакоммуникации (обсуждения), ни простым игнорированием — не может выйти за рамки, определенные этим сообщением. Таким образом, даже несмотря на то, что сообщение бессмысленно с логической точки зрения, оно представляет собой реальность прагматического плана: человек не может не реагировать на него, но он не может и адекватно (непарадоксально) прореагировать на него, поскольку само по себе сообщение парадоксально. Такая ситуация нередко усугубляется и более или менее явным запретом на обсуждение как противоречивости высказывания, так и реальной его подоплеки. Человек, находящийся в ситуации двойного ограничения, понимает, что в том случае, если он правильно оценит сложившееся положение, он будет наказан (или, по крайней мере, его заставят чувствовать свою вину); как только он рискнет предположить, что существует некое расхождение между тем, что он видит, и тем, что ему «следует» видеть, его будут обвинять либо в том, что у него дурной характер, либо в том, что он не в своем уме.

Такова сущность феномена двойного ограничения.

219

5.432

Выдвинутая авторами концепция привлекла большое внимание психиатров¹¹ и представителей социальных наук в целом (156), она вошла даже в лексикон политологов (97). Вопрос о *патогенности* ситуации двойного ограничения стал и до сих пор остается одним из наиболее обсуждаемых и неверно интерпретируемых аспектов теории. И поэтому, прежде чем продолжать наше обсуждение, мы должны рассмотреть его более подробно. Нет никаких сомнений в том, что мир, в котором мы живем, довольно нелогичен, и что все мы нередко попадаем в ситуацию двойного ограничения. И все же большинству из нас удается сохранить свое психическое здоровье. Однако большая часть такого рода переживаний случайна и разрозненна, хотя некоторые из них могут быть достаточно травмирующими. Совершенно иначе дело обстоит в том случае, если ситуация двойного ограничения продолжается длительное время и постепенно ее ожидание входит в привычку. Понятно, что это особенно верно в отношении детского возраста, поскольку все дети склонны считать, что все, что с ними случается, случается со всем миром — закон универсума, так сказать. И здесь речь уже не идет об отдельной травме, скорее, мы имеем дело с определенным паттерном взаимодействия. Качество взаимодействия в этом паттерне станет более понятным, если мы будем помнить о том, что двойной тупик, учитывая саму природу человеческой коммуникации, просто не может быть однонаправленным феноменом. Если, как мы увидели, ситуация двойного ограничения приводит к парадоксальному поведению, то само это поведение также ставит

¹¹ Авторы получили в 1961–1962 году премию Фриды Фромм-Рейхманн от Академии психоанализа за значительный вклад в изучение шизофрении.

220

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

в аналогичную ситуацию того, кто ее породил¹². Как только человек начинает использовать этот паттерн, становится совершенно бессмысленно спрашивать, *когда*, *как* и *почему* он был сформирован, поскольку, как мы увидим в следующей главе, патологические системы отличает устойчивость, они напоминают порочный замкнутый круг. Учитывая все вышесказанное, мы убеждены в том, что на вопрос о патогенности ситуации двойного

ограничения невозможно ответить с позиции причинно-следственных отношений, заимствованных из медицинских моделей анализа, например, связи между инфекцией и воспалением; ситуация двойного ограничения не является причиной шизофрении. Все, что мы можем сказать, это то, что в тех случаях, когда двойной тупик становится доминирующей моделью коммуникации, а диагностике подвергаются только те пациенты, чье поведение явно нарушено,¹³ поведение такого человека

" Эта взаимность существует даже тогда, когда вся власть находится в руках одной из взаимодействующих сторон, тогда как другая абсолютно беспомощна, например, в ситуации политического преследования. Дело в том, что как говорит Сартр (135), преследователь столь же унижен, сколь и его жертва. См, также отчет Вайсберга (163) о его прохождении через партийную чистку в СССР и рассуждения Мерло (103) о понятии «мистический пакт мазохизма» между обвинителем и его жертвой.

Более подробное обсуждение взаимности двойного ограничения в семейных отношениях см. Викляяд (160) и Слуцки (144).

¹³ В рамках этой книги мы не можем обсудить все аспекты и разработки, связанные с теорией двойного ограничения, но вопрос о степени нарушения заслуживает, по крайней мере, краткого обсуждения. Мы неоднократно сталкивались с тем, что родители шизофреников на первый взгляд могут показаться последовательными и хорошо адаптированными, что заставляет поверить в миф о том, что эта семья была бы счастливой, если бы ни психическое расстройство их сына или дочери. Но когда они приходят на интервью без своего ребенка, непоследовательность их коммуникации очень быстро становится очевидной. И мы еще раз обращаем внимание читателя на многочисленные примеры, представленные Лаингом и Эстерсоном (90), а также те, что были описаны в более ранней, новаторской работе Сирлса, цитату из которой мы приводим ниже.

221

Психология межличностных коммуникаций вполне соответствует тем критериям, по которым диагностируется шизофрения. Только в этом смысле ситуацию двойного ограничения можно рассматривать как причину и говорить о ее патогенности. Это различие может показаться чересчур заумным, но нам оно представляется крайне важным, особенно в том случае,

если мы хотим сделать принципиальный шаг от понимания «шизофрении как таинственного расстройства индивидуального сознания» к тому, чтобы расценивать ее как «особый паттерн коммуникации».

5.433

Учитывая все вышесказанное, теперь мы можем добавить еще два критерия к уже описанным трем существенным характеристикам (6.431) ситуации двойного ограничения, что даст нам возможность определить ее связь с шизофренией. Эти критерии таковы.

4) Когда ситуация двойного ограничения носит затяжной, а, возможно, и хронический характер, у человека входит в привычку ожидать ее появления в каждом новом взаимодействии и в любом проявлении окружающего мира, причем такого рода ожидание уже не нуждается в дополнительном подкреплении.

5) Парадоксальное поведение, порождаемое ситуацией двойного ограничения (см. (3), также п. 5.431), тоже носит характер такого ограничения, что приводит к устойчивости подобной модели коммуникации. И такое поведение, которое свидетельствует о серьезном расстройстве, если анализировать его вне ситуационного контекста, действительно может совпадать с клинической картиной шизофрении.

5.434

Приняв в расчет описанные выше характеристики, мы поймем, что двойное ограничение – это не просто противоречивое предписание, но настоящий парадокс. Мы уже анализировали существенные различия между противоречием и парадоксом, когда речь

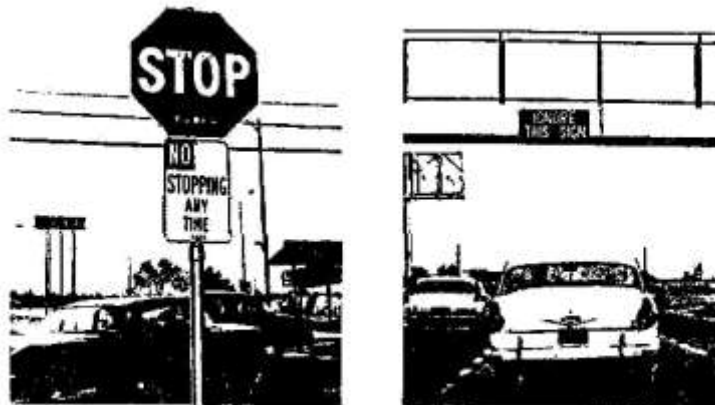

Конечно вы хорошо пишете. (См. п. 6.3, «Парадоксальные определения»)

шла об антиномиях, и установили, что каждая антиномия — это логическое противоречие, но не каждое логическое противоречие является антиномией. То же самое верно и в том случае, когда нам нужно провести разграничение противоречивых и парадоксальных (предполагающих ситуацию двойного ограничения) предписаний, и данное различие представляет особую важность, поскольку прагматические эффекты этих двух типов предписаний весьма разнятся между собой (см. иллюстрации на с. 222).

Два предписания на рис. 1 просто противоречат друг другу. А это значит, что мы можем последовать лишь

223

Дорожные знаки: противоречие и парадокс, соответственно.

одному из них. Знаки на рис. 2 (мы предполагаем, что это шутка) порождают настоящий парадокс: для того, чтобы проигнорировать знак или подчиниться ему, его нужно сначала заметить. Но сам момент обнаружения этого знака предполагает факт несоблюдения соответствующего предписания. Таким образом, подчиниться предписанию этого знака мы можем лишь в том случае, когда мы ему не подчиняемся, и наоборот (см. п. 6.434 «Простые противоречия и парадоксы»).

Наше мышление, логическая структура языка и наше восприятие реальности в общем жестко основываются на известном законе Аристотеля, гласящем, что А не может в то же самое время быть и не-А; такого рода противоречие слишком очевидно, чтобы его можно было принимать всерьез. Даже те противоречия, которые возникают в ходе нашей деловой или домашней жизни, не носят патогенный характер. Сталкиваясь с двумя взаимоисключающими альтернативами, человек должен выбрать одну из них; этот выбор может быть неверен, или же человек будет так

224

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

долго колебаться, что в конечном счете окажется в проигрыше. Эта дилемма может быть разной степени серьезности: от ироничного сожаления о том, что нельзя одновременно съесть кусок торта и оставить его на завтра, до отчаянного положения захваченного пожаром на седьмом этаже человека, у которого есть две альтернативы, и обе они смертельны — он либо сгорит в огне, либо сломает себе шею, спрыгнув с седьмого этажа. Аналогичным образом в классических экспериментах, где организм ставят в конфликтную ситуацию, причем конфликт происходит вследствие противоречия между предлагаемыми или навязываемыми альтернативами. Поведенческие проявления, обусловленные условиями эксперимента, могут варьировать от нерешительности до голодной смерти как способа избежать наказания, однако в том случае, когда дилемма носит парадоксальный характер, патологические проявления не наблюдаются.

Однако такого рода патология совершенно очевидна в известных экспериментах Павлова, где собаку сначала тренировали различать круг и эллипс, а затем ставили ее в такие условия, где различие было невозможно, поскольку эллипс постепенно превращался в круг. Мы уверены в том, что именно в таком контексте можно обнаружить все составляющие ситуации двойного

ограничения, описанные нами выше; Павлов обозначал такие поведенческие проявления как «экспериментальный невроз». Сущность метода заключается в том, что сначала экспериментатор вынуждает животное почувствовать жизненную важность правильного различения стимулов, а затем делает так, что это различие становится невозможным. Собака оказывается в мире, где выживание зависит от выполнения такого закона, который сам себя нарушает; парадокс подобен голове медузы Горгоны. И в этот момент животное начинает демонстрировать типичные поведенческие нарушения: оно может впасть в коматозное состояние или

8 Психология

225

Психологин межличностных коммуникаций стать злобно-агрессивным, кроме того, налицо будут и физиологические проявления, характерные для состояния сильной тревоги.¹⁴

Подводя итог, мы можем сказать, что наиболее важное различие между противоречивыми и парадоксальными предписаниями заключается в том, что при противоречивом предписании человеку приходится выбирать одну из альтернатив, отказываясь при этом от другой. Результат безрадостен – как уже отмечалось, никто не может съесть кусок торта, оставив его при этом на завтра, и наименьшее из зол, тем не менее, остается злом. Но при противоречивом предписании логический выбор все же возможен. Парадоксальное предписание, напротив, *делает бессмысленным сам выбор*, поскольку ни одна из альтернатив не представляется возможной.

Отметим еще, что нам хотелось бы указать на один интересный факт, а именно на то, что прагматический парадокс оказывает парализующий эффект не только на животных или млекопитающих в целом; даже организмы с относительно неразвитым мозгом и нервной системой точно так же реагируют на подобные парадоксы. А поэтому мы можем говорить о том, что здесь имеет место некий фундаментальный закон существования.

5.435

Однако, возвращаясь к прагматике человеческой коммуникации, давайте вкратце рассмотрим, какие поведенческие проявления могут быть обусловлены ситуацией двойного ограничения. Как уже указывалось в параграфе 4.42, любая коммуникационная последовательность любого обмена сообщениями сужает

число возможных последующих шагов. В случае двойного от-

¹⁵ Важно отметить, что животные, которых не учили распознавать стимулы, не демонстрируют такого рода поведение в той ситуации, где их различение невозможно.

226

Глава 5. Парадоксальная коммуникация
раничения, сложность модели обуславливает еще большее ограничение действий, и, с прагматической точки зрения, возможны лишь несколько реакций. Ниже описаны некоторые из этих возможных реакций.

Сталкиваясь с абсурдной ситуацией, человек, скорее всего, придет к выводу о том, что ему следует искать какое-то решение, которое либо заложено в самой ситуации, либо будет предложено ему значимыми другими. Он еще больше уверится в этом предположении, учитывая тот очевидный факт, что другим сложившаяся ситуация представляется вполне логичной и нормальной. То, что это решение может скрываться от него другими людьми, только одна из разновидностей той же самой установки. В любом случае — и это необходимо понимать — над ним будет довлеть потребность в обнаружении этого решения, в поиске смысла происходящего в нем самом и вокруг него, и, в конечном счете, ему придется искать решение и смысл в самых невероятных и не имеющих отношения к реальной ситуации явлениях. Этот уход от реальных проблем становится еще более предсказуемым, если мы будем иметь в виду, что существенным аспектом ситуации двойного ограничения является запрет на осознание имеющегося противоречия.

С другой стороны, человек может выбрать тот путь, который обычно используют новобранцы, чтобы справиться с нарушением или недостатком логики в армейской жизни: буквально и тщательно исполнять все приказы, запретив себе любую попытку мыслить независимо. Тем самым, вместо того, чтобы обрекать себя на бесконечные поиски скрытых смыслов, они с самого начала начисто отрицают возможность существования всех прочих аспектов человеческих отношений помимо самого поверхностного, буквального; более того, они исходят из идеи о том, что одно сообщение не может нести в себе больше смысла, чем другое. Очевидно, что такое поведение покажется любому стороннему наблюдателю глупым, по-

227

Психология межличностных коммуникаций

сколькx создастся впечатление, что человек не может понять, что важно, а что не заслуживает внимания. Третья возможная реакция будет заключаться в уходе от межличностных отношений вовсе. Этот уход может быть обеспечен за счет максимально возможной физической изоляции, и, более того, за счет блокирования входящих каналов коммуникации в тех случаях, когда такая изоляция недостижима. Что касается блокирования входящей информации, то нам опять стоит обратиться к феномену «перцептивной защиты», который был вкратце описан в параграфе 3.234. Человек, защищающий себя таким образом, представляется стороннему наблюдателю замкнутым, недоступным, аутичным. В принципе, тот же самый эффект – избегание ситуации двойного ограничения – может быть достигнут и за счет гиперактивного поведения, когда все коммуникативные проявления столь интенсивны и длительны, что большая часть входящих сообщений просто откидывается.

Эти три модели поведения в ситуации реально существующей или привычно ожидаемой ситуации двойного ограничения являются, как указывают авторы теории, характерными клиническими проявлениями параноидной, гебефренической и кататонической шизофрении соответственно. Они добавляют:

Этими тремя альтернативами возможные варианты поведения не исчерпываются. Проблема в том, что человек не может выбрать одну из альтернатив, которая помогла бы ему понять, что люди имеют в виду; без посторонней помощи он не способен обсуждать те сообщения, с которыми обращаются к нему другие. А неспособное к такому пониманию человеческое существо подобно любой системе, потерявшей руководящую движущую силу; оно начинает двигаться по спирали бесконечного, системного нарушения (18, р. 256).

Как уже несколько раз подчеркивалось, коммуникация шизофреника сама по себе парадоксальна,

228

Глава 5. Парадоксальная коммуникация
кроме того, она ставит в ситуацию парадокса и тех, кто с ним общается, образуя тем самым замкнутый порочный круг.

5.44 Парадоксальные обещания предсказания^{1*}

В начале 1940 годов появился новый, удивительный парадокс. Хотя его происхождение неизвестно, он быстро привлек к себе внимание и обсуждался во многих научных

работах, только в журнале «Майнд» (*Mind*) их появилось не менее девяти.¹⁶ Как мы увидим, этот парадокс имеет непосредственное отношение к нашему исследованию, поскольку вся его сила и прелесть заключается в том, что понять его можно только в контексте процесса взаимодействия между людьми.

5.441

Из нескольких версий, в которых была в достаточной степени отражена сущность этого парадокса, мы выбрали следующую.

Преподаватель объявил студентам, что на следующей неделе – в один из дней между понедельником и пятницей – им предстоит неожиданный экзамен. Студенты – которые оказались на удивление рассудительной группой – указали ему на то, что если только он не собирается нарушить им же самим поставленное условие и не намеревается устроить *неожиданный экзамен в какой-то момент на следующей неделе*, то никакого экзамена быть не может. Они сказали, что если экзамен не состоится

¹¹ Некоторые части этого раздела были ранее опубликованы в (158).

¹⁶ Обзор некоторых ранних работ и подробное обсуждение этого парадокса представлено в работе Нерлиха (fill), см. также работу Гарднера (54), где предлагается прекрасный анализ большей части разнообразных версий этого парадокса.

Психология межличностных коммуникаций

в четверг вечером, то его нельзя будет неожиданно провести в пятницу, поскольку пятница – это последний день. Но если мы исключаем пятницу как возможный день экзамена, мы должны исключить и четверг, причем по той же причине. Понятно, что в среду вечером остается лишь два возможных дня – четверг и пятница. Пятницу, как уже доказано, следует исключить. Остается четверг, поэтому экзамен, проводимый в четверг, уже не может быть неожиданным. Естественно, по той же самой причине нам нужно исключить среду, вторник, и, наконец, понедельник: в эти дни не может быть *неожиданного* экзамена. Преподаватель молча выслушал все их «доказательства» и затем сказал, что экзамен состоится во вторник утром. С самого начала планировал провести его именно в это время. *Они*, с другой стороны, теперь вынуждены были сдавать совершенно неожиданный экзамен –

неожиданный по той причине, что они сами убедили себя в том, что он не может быть неожиданным.

В этой истории несложно выделить все известные нам особенности парадокса. С одной стороны, студенты занимались тем, что представлялось им строгим логическим умозаключением из посылок, предложенных в сообщении преподавателя, и пришли к выводу, что на следующей неделе просто не может быть неожиданного экзамена. С другой стороны, преподаватель, что совершенно очевидно, мог провести экзамен в любой день недели, не нарушая при этом заявленных условий.

Наиболее удивительным аспектом этого парадокса можно считать тот факт, что при более пристальном анализе выясняется, что экзамен можно было провести даже в пятницу, и он все равно был бы неожиданным. Фактически, ключ ко всей истории кроется в той ситуации, которая будет существовать в четверг вечером,

230

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

тогда как упоминание прочих дней недели нужно было только для того, чтобы запутать читателя и еще больше усложнить проблему. В четверг вечером остается лишь один возможный день – пятница, и это делает проведение экзамена в пятницу совершенно предсказуемым. «Он должен состояться завтра, если он вообще должен состояться; он не может быть завтра, поскольку он не будет неожиданным» – вот как поняли ситуацию студенты. Однако сам процесс рассуждения о том, что экзамен ожидаем, а, следовательно, невозможен, дало преподавателю возможность провести неожиданный экзамен в пятницу, а также в любой другой день недели, никоим образом не нарушая при этом им же самим заявленных условий. Даже в том случае, если бы студенты осознали, что именно их рассуждения о том, что неожиданного экзамена быть не может, явились причиной того, что его стало возможно провести неожиданно, это осознание ничем бы им уже не помогло. Все это доказывает, что если бы в четверг вечером они ожидали бы экзамена в пятницу, тем самым исключив возможность того, что он будет проведен, в соответствии с условиями, заявленными преподавателем, тогда он мог быть проведен неожиданно, что делает его совершенно ожидаемым, что делает его абсолютно неожиданным и так далее до бесконечности. Таким образом, предсказать его невозможно.

И в этом случае мы опять имеем дело с настоящим парадоксом:

- 1) объявление содержит обещание на объектном языке («будет экзамен»);
- 2) оно содержит и обещание на жешоязыке, отрицающее предсказуемость (1), то есть, «(ожидаемый) экзамен будет неожиданным»;
- 3) два обещания взаимно исключают друг друга;
- 4) преподаватель с успехом мог помешать студентам выйти за рамки сложившейся ситуации, порож-

231

Психология межличностных коммуникаций
денной его объявлением, лишив их возможности получить дополнительную информацию, которая помогла бы им установить точную дату экзамена.

5.442

Все вышесказанное касалось логической структуры обещания преподавателя. Когда мы переходим к его прагматическим последствиям, мы имеем дело с двумя удивительными выводами. Первый заключается в том, что для того, чтобы оправдать обещание, содержащееся в его объявлении, преподавателю было необходимо, чтобы студенты пришли к противоположному выводу (то есть, к выводу о том, что объявленный экзамен не может быть неожиданным), поскольку только тогда может сложиться ситуация, в которой оказывается верным его обещание о том, что им предстоит неожиданный экзамен. Но это было бы равносильно заявлению о том, что подобная дилемма могла возникнуть только благодаря рассуждениям самих студентов. Если бы они были не так сообразительны, они бы просто не заметили скрытой сложности проблемы; они, по всей вероятности, просто ожидали бы этот экзамен как неожиданный, что поставило бы преподавателя в абсурдную ситуацию. Но поскольку они — нелогичным образом — поставили себя перед фактом, что неожиданное должно быть ожидаемым, экзамен в период с понедельника по пятницу не явился бы для них неожиданностью. Не кажется ли вам, что логические ошибки сделали бы их представления более реалистичными? Ведь в действительности не существует причин, по которым экзамен не мог быть проведен неожиданно в один из указанных дней, и только чрезмерно рассудительные студенты могли упустить из виду этот непреложный факт. Многим терапевтам, работающим с высокоинтеллектуальными шизофрениками, нередко кажется, что состояние их

пациентов было бы гораздо лучше, и они были бы гораздо более «нормальными», если бы они

232

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

могли каким-то образом притуплять остроту своего мышления и тем самым уменьшать то влияние, которое оно оказывает на их поступки. В каком-то роде все они кажутся потомками опустившегося героя Достоевского из «Записок из подполья», который объясняет:

...инерция задавила. Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье. Я уж об этом упоминал выше. Повторяю, усиленно повторяю: все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены. Как это объяснить? А вот как: Они вследствие своей ограниченности ближайше и второстепенные причины за первоначальные принимают, таким образом скорее и легче других убеждаются, что непреложное основание своему делу нашли, ну и успокоиваются; а ведь это главное. Ведь чтоб начать действовать, нужно быть совершенно успокоенным предварительно, и чтоб сомнений уж никаких не оставалось. Ну а как я, например, себя успокою? Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собой другую, еще первоначальное, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления.¹⁷

Или возьмем, к примеру, Гамлета (IV/4):

Что тут виной? Забывчивость скота

Или привычка разбирать поступки

До мелочей? Такой разбор всегда

На четверть – мысль, а на три прочих – трусость.

Но что за смысл без умолку твердить,

¹⁷ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. – Л.; Лениздат, 1990. – С. 296–297.

233

Психология межличностных коммуникаций

Что это надо сделать, если к делу Есть воля, сила, право и предлог? ^{1e}

Если, как мы увидели в параграфе 5.435, ситуация двойного ограничения определяет поведение, которое очень напоминает то, что свойственно шизофреникам, страдающим параноидной, гебефренической и

кататонической формами расстройства, создается впечатление, что парадоксальные обещания связаны с типичными проявлениями инерции или абулии в простой форме шизофрении.

5.443

Однако второй вывод приводит нас в еще большее замешательство. Дилемма также была бы невозможна, если бы студенты в глубине души не доверяли преподавателю. Все их рассуждение базировалось на допущении о том, что преподавателю можно и должно доверять. Любое сомнение в его честности не привело бы к логическому решению парадокса, но обеспечило бы решение прагматического плана. Если бы ему нельзя было доверять, не было бы никакого резона всерьез относиться к его объявлению, и лучшее, что могли сделать студенты при сложившихся обстоятельствах, это ожидать экзамен в какой-то момент в период с понедельника по пятницу. (Это значит, что они принимают лишь ту часть сообщения, которая относится к содержательному уровню, т. е. к словам «На следующей неделе будет экзамен», и игнорируют метакоммуникационный аспект, касающийся предсказуемости экзамена.) Итак, мы приходим к выводу о том, что не только логическое мышление, но также и доверие оказывают влияние на способ решения парадокса.

5.444

Может показаться, что в жизни такие парадоксы встречаются редко, если вообще встречаются. Одна-
" Перевод Б. Пастернака. Цит. по: Вильям Шекспир. Гамлет, принц датский. — М.; Правда, 1977. — С. 124—125.

234

Глава 5. Парадоксальная коммуникация
ко в том случае, когда речь идет о коммуникации шизофреников, этот аргумент не работает. Человек с диагнозом «шизофрения» играет одновременно обе роли — и студентов, и преподавателя. Подобно студентам, он стоит перед дилеммой логики и доверия, описанной выше. Но его позиция во многом схожа и с позицией преподавателя, как и он, шизофреник передает неоднозначные сообщения. Нерлих, не осознавая, естественно, того, сколь непосредственно его заключительные выводы связаны с темой нашей работы, он замечательным образом описывает существующее положение вещей: «Единственный способ не сказать ничего — это противоречить самому себе. И если вам удастся противоречить самому себе, сказав, что вы

ничего не сказали, тогда вы, в конечном счете, вовсе себе не противоречите, вы можете съесть свой торт, оставив его при этом на завтра» (111, р. 513). Если, как было заявлено в параграфах 2.23 и 3.2, шизофреник пытается не вступать в коммуникацию, тогда решение этой «дилеммы» заключается в использовании неоднозначных сообщений, когда человек отрицает все то, что он только что сказал.

5,445

Однако парадоксальные обещания сеют смуту даже в обычном человеческом общении, там, где нам не приходится иметь дело с шизофрениками. Такие обещания имеют место, например, тогда, когда человек Ч изначально воспринимается другим Д как заслуживающий доверия, однако существует опасность того, что Ч поступит по отношению к Д таким образом, что создастся впечатление того, что Ч доверия не заслуживает. Следующий пример может проиллюстрировать этот тип взаимодействия.

Супружеская пара пришла на консультацию к психиатру из-за чрезмерной ревности жены, которая делала совместную жизнь невыносимой для обоих. Оказалось, что муж крайне ригиден и склонен к морализаторству, кроме того, он гордится своим аске-

235

Психология межличностных коммуникаций тическим образом жизни и тем фактом, что «за всю свою жизнь он ни разу не заставил кого-либо усомниться в том, что его словам можно доверять». Жена, чье воспитание значительно отличалось от воспитания ее мужа, приняла подчиненную позицию, за исключением одной сферы: она не хотела отказываться от привычки пить перед обедом аперитив, что очень не нравилось ее мужу, который пил исключительно чай; эта ситуация была темой бесконечных споров практически с самого начала их совместной жизни. Около двух лет назад муж, будучи в состоянии крайнего раздражения, сказал ей: «Если ты не откажешься от этой дурацкой привычки, я тоже заведу себе одну», добавив, что начнет крутить романы на стороне. Это не привело ни к каким изменениям в паттерне их отношений, и несколькими месяцами позже муж решил, что больше не будет ругать жену за эту привычку, чтобы не нарушать покой в доме, с этого самого момента она стала крайне ревнивой, и рациональная причина этого была такова: его словам всегда можно доверять; должно

быть, он действительно выполнил свою угрозу и изменил мне, следовательно, доверять ему нельзя. Муж, с другой стороны, просто попал в сеть своего собственного парадоксального обещания, поскольку ему не удавалось убедить жену в том, что его угроза была высказана просто в порыве раздражения и ее вовсе не стоит воспринимать серьезно. Они осознавали, что запутались, но не видели путей выхода из этой ситуации. Структура угрозы мужа идентична той, что мы наблюдали в объявлении преподавателя. С ее точки зрения, он сказал:

- 1) мне можно всецело доверять;
- 2) я накажу тебя, если ты не оправдаешь моего доверия (окажешься неверной или лживой);
- 3) следовательно, моим словам, обращенным к тебе, можно доверять, когда я говорю неправду, поскольку если бы я не разрушил твою убежденность в моей супружеской верности, мне больше нельзя было бы доверять.

236

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

С точки зрения семантики, парадокс возникает вследствие двух различных значений слова «вызывающий доверие». В пункте (1) это слово использовано в метаязыке, чтобы обозначить обычную характеристику всех его поступков, обещаний и установок. В пункте (2) оно используется в объектном языке и относится к супружеской верности. То же самое мы наблюдали в отношении двух типов использования слова «ожидаемый» в объявлении преподавателя. Можно было ожидать, что все его обещания исполняются. Иными словами, предсказуемость – это неотъемлемая характеристика, определяющая кшсс обещаний. Следовательно, если предсказуемость одного из элементов этого класса – то есть, одного конкретного обещания – отрицается, это касается предсказуемости другого, низшего логического типа, чем тот, что соотносится с характеристиками класса, определяемого тем же самым термином. С прагматической точки зрения, как сообщение преподавателя, так и сообщение мужа породили амбивалентный контекст.

5.446 Доверие – дилемма узника

В человеческих взаимоотношениях все обещания тем или иным образом связаны с проявлением доверия. Человек Ч выписывает другому Д чек на предъявителя, и у Д в момент подписания чека нет ответа на вопрос о том, выдаст ли банк деньги по этому чеку. В этом смысле Ч и Д находятся в принципиально разном положении. Ч знает,

платежеспособен ли он, тогда как Д может либо доверять ему, либо нет,¹⁹ поскольку платежеспособность Ч он может выяснить только тогда, когда придет с этим чеком в банк. В этот момент его доверие или недоверие сменится знанием, которым с самого начала обладал Ч. Сама природа человеческой коммуникации

" Понятно, что на доверие или недоверие Д к Ч Будет оказывать влияние его прошлый опыт общения с Ч, если таковой имеется, и данный случай также будет оказывать влияние на степень доверия Д к Ч в будущем. Но в целях нашего анализа мы можем не принимать в расчет эти переменные.

237

Психология межличностных коммуникаций предполагает, что другой человек не может получить информацию о сведениях или образах, скрытых в сознании партнера. Этот другой может, в лучшем случае, просто доверять либо не доверять ему, но он никогда не будет *знать* – с другой стороны, человеческая деятельность была бы абсолютно парализована, если бы люди действовали лишь на основании той информации и тех образов, которыми располагают только они. Огромное количество решений основано на доверии того или иного рода. Следовательно, доверие всегда связано с потенциальными результатами, и, в частности, с их предсказуемостью. Итак, рассмотрим взаимодействие, в котором один человек обладает некой информацией, а второй может лишь доверять или не доверять ему, когда речь заходит об этой информации. Преподаватель знал, что он будет проводить экзамен во вторник утром; муж знал, что он не намерен изменять своей жене; человек, подписавший чек, знает (как правило), можно ли получить по нему деньги. Однако в том случае, который мы сейчас рассмотрим, в так называемой «дилемме узника», *ни у одно-го* из взаимодействующих лиц нет достоверной информации. Им обоим приходится принимать решения лишь на основании их доверия друг к другу, а также на основании гипотетического предположения о том, насколько доверяет каждому из них партнер, и попыток предсказать, какое решение партнер примет; все это сильно зависит от того, насколько верны будут их предсказания относительно друг друга. А эти предсказания, как мы сейчас увидим, неизбежно окажутся парадоксальными. Дилемма узника²⁰ может быть представлена в виде следующей матрицы:

¹⁰ Нужно иметь в виду, что дилемма узника представляет собой игру с ненулевой суммой. Поэтому цель каждого игрока – его абсолютный выигрыш, независимый от того, что потерял или выиграл партнер. Следовательно, кооперация не только не исключена (как в игре с нулевой суммой), но она может быть оптимальной стратегией. Кроме того, в этом случае рандомизация ходов (в случае успешных игр) автоматически не будет являться выгодной стратегией.

238

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

	b	a
a	5, -5	-5, 8
a_T	8, -5	-3, -3

где у двух игроков, А и В, есть по два альтернативных хода. То есть, А может выбрать либо a_{1t} либо a_T , а В – либо b_1 , либо b_2 . Обоим известно, каков будет выигрыш и проигрыш в каждой из альтернатив, это отражено в матрице. Следовательно, А знает, что если он выбирает a_{1t} а В выбирает b_1 то каждый из них выиграет по пять очков; но если В выберет альтернативу b_2 , А потеряет пять очков, тогда как В выиграет восемь. В сталкивается с точно такой же ситуацией в отношении А. Их дилемма заключается в том факте, что каждый из них не знает, которую из альтернатив выберет другой, поскольку выбирать они должны одновременно, не общаясь при этом между собой.

Принято считать, что независимо от того, сколько раз проводится игра – только один или же сто раз подряд – решение a_T, b_1 , наиболее безопасно, хотя оно и предполагает потерю трех очков каждым из игроков.²¹

Наиболее выгодным решением была, бы, конечно, альтернатива a_{1t} и b_1 (поскольку она обеспечивала бы игрокам выигрыш в пять очков. Но такое решение возможно только при условии их взаимного доверия, потому что если, к примеру, игрок А ставит перед собой цель выиграть максимальное количество очков и минимизировать проигрыш, и если в то же время у игрока А есть достаточно оснований быть уверенным в том, что игрок В доверяет ему и, следовательно, выберет альтернативу b_1 , тогда А может без колебаний выбрать решение a_{1t} , потому что сочетание a_{1t} и b_1 обеспечивает ему максимальный выигрыш. Но если игрок А достаточно умен, чтобы

" См. подробное обсуждение игры в работах Рапопорта (122) и Шеллинга (140).

239

Психология межличностных коммуникаций

предположить, что его соперник будет придерживаться той же линии рассуждения и скорее выберет альтернативу B_T , нежели альтернативу B_1 , особенно если он уверен в том, что А настолько доверяет ему, что выберет альтернативу I_T . Следовательно, по здравому размышлению они оба придут к выводу о том, что комбинация a_2, B_2 , в которой оба игрока соглашаются на относительный проигрыш, наиболее приемлема.

И не следует думать, что эта задача представляет лишь теоретический интерес. Скорее, ее стоит рассматривать как наиболее элегантное абстрактное выражение той проблемы, с которой снова и снова сталкиваются практически все семейные психотерапевты. Супружеские пары, живущие в состоянии тихого отчаяния, получающие минимум удовлетворения от своего совместного существования, уже давно попали в сферу внимания психиатров. Однако традиционно источник их горестей было принято связывать с *индивидуальной* патологией одного из них или даже обоих. Им ставили разнообразные диагнозы – депрессия, пассивная агрессия, самообвинение, садомазохизм и т. п. Но во всех этих диагнозах, к сожалению, не учитывалась *взаимозависимая* природа стоящей перед ними дилеммы, которая могла быть мало связана с их личностными особенностями и порождалась исключительно характером «игры» их отношений. Сложившуюся межличностную ситуацию можно было описать двумя их установками: «доверие делает меня уязвимым, и мне нужно себя обезопасить» и «партнер перехитрит меня».

Именно на этом этапе большинство супружеских пар (или, к примеру, наций) прекращают оценку и определение своих отношений. Но те, кто обладает достаточно высоким интеллектом, не могут остановиться в этой точке, и именно здесь парадокс дилеммы узника становится наиболее очевидным. Выбор альтернатив a_2 и B_2 становится неразумным, как только А осознает, что это решение – всего лишь мень-

240

Глава 5. Парадоксальная коммуникация

шее из зол, но, тем не менее, все же зло, и что В не может не рассматривать сложившуюся ситуацию аналогичным

образом – тоже как невыгодную. И тогда у В так же мало оснований, как и у А, стремиться к такому решению, и А вполне может предсказать подобный исход. И как только оба игрока приходят к такому выводу, то решение, a_2, B_2 более не является наиболее приемлемым; самым выгодным становится решение a_1, o . Но тем самым рассуждение вновь возвращается в свою исходную точку. И не важно, как они воспринимают создавшееся положение вещей, поскольку как только они приходят к «наиболее разумному» решению, всегда находится решение «еще более разумное». И, следовательно, эта дилемма аналогична той, перед которой были поставлены студенты, для которых экзамен был предсказуем лишь тогда, когда он был непредсказуем.

5.5

Выводы

Парадокс – это логическое противоречие, возникающее вследствие верного рассуждения на основе верных посылок. Существует три типа парадоксов – логико-математические, семантические и прагматические, и именно этот третий тип парадоксов представляет интерес для нашего исследования, поскольку приводит к определенным поведенческим проявлениям. Прагматические парадоксы отличаются от простых противоречий тем, что в ситуации парадокса выбор одной из альтернатив не приводит к решению задачи. Существует также два типа прагматических парадоксов – парадоксальные предписания (ситуация двойного ограничения) и парадоксальные обещания/предсказания.

Глава 6

Парадоксы в психотерапии

6.1 Иллюзия альтернативного выбора

6.11

В одной из своих баллад («Рассказ Батской ткачихи») Чосер описывает историю, произошедшую с одним из рыцарей короля Артура, который по дороге с охоты встретил на своем пути девушку и изнасиловал ее («Раз на пути девицу он увидел и честь девическую вмиг обидел»).¹ Это преступление должно было стоить ему жизни («такое поднялось тут возмущенье и так взывали все об отомщеньи»), но король Артур предоставил своей жене решать судьбу рыцаря, а королева и ее придворные дамы пожалели его. Королева сказала рыцарю, что она дарует ему жизнь, если он найдет ответ на вопрос о том, чего

желает большинство женщин («Что женщина всему предпочитает?»). Она дала ему один год и один

¹ Здесь и далее цит. по: Чосер, Джеффри, Кентербери иск и е рассказы. Пер. с англ. И. Кашкина. М.: Гринтъ, 1996.

244

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

день, после чего он должен был возвратиться в замок; рыцарь, которого в случае отказа ожидала немедленная смертная казнь, принял это предложение. Как и можно было предположить, прошел весь год, наступил последний день и пришло время возвращаться в замок, однако ответа на вопрос рыцарь так и не нашел. И на своем пути на лугу он встречает отвратительную старуху («невзрачная, противная старушка, дряхла на вид, ну, словно, та гнилушка»). Услышав о его проблеме, она говорит, что знает ответ, и что скажет ему этот ответ, если он поклянется, что исполнит любое ее желание («так дай мне слово первое желанье мое исполнить, и за послушанье скажу тебе я, что тебя спасет»). И опять он сталкивается с необходимостью выбора из двух альтернатив (быть обезглавленным или выполнить желание ведьмы, каким бы оно ни было), и, естественно, выбирает вторую альтернативу. Ведьма раскрывает ему секрет, и данный рыцарем ответ полностью удовлетворяет дам, вершивших над ним суд («Что женщине всего дороже власть над мужем, что она согласна пасть, чтоб над любимым обрести господство»). Но теперь ведьма, выполнившая свою часть сделки, требует, чтобы рыцарь женился на ней. Наступает ночь свадьбы, и рыцарь пребывает в отчаянии, поскольку ужасная ведьма вызывает только отвращение. В конце концов, ведьма опять предлагает на выбор две альтернативы: либо он мирится с ее уродством, и она будет ему верной и почтительной женой всю жизнь, либо она оборачивается юной и прекрасной девушкой, но всю жизнь будет ему изменять. Рыцарь долго размышляет над предложениями ведьмы и в конце концов *не выбирает ни одного из них; он просто отказывается делать выбор*. Кульминация истории заключена в одной строчке: «Я не выберу ни одну из них». В этот момент ведьма не только превращается в прекрасную девушку, она становится верной и покорной женой.

245

Психология межличностных коммуникаций

Перед рыцарем женщина появляется в обличье невинной девушки, королевы, ведьмы и блудницы, но в любом обличье она имеет над ним определенную власть до тех пор, пока он не отказывается совершать выбор, обрекая себя тем самым на ту или иную судьбу, пока он в конце концов не отвергает саму необходимость что-либо выбирать.² Надо отметить, что эта баллада Чосера – прекрасный образчик женской психологии, и с этой точки зрения она весьма занимательно анализируется в работе Штейн (148). Мы же, оставаясь в концептуальных рамках нашей работы, говорим о том, что пока этой женщине удавалось ставить рыцаря в ситуацию двойного ограничения с помощью бесконечно длящейся иллюзии альтернативного выбора (и пока он не мог выпутаться из этой ситуации), она тоже не была свободна, поскольку и в ее сознании имела место иллюзия, что существует лишь две альтернативы – уродство или блуд.

6.12

Термин «иллюзия альтернативного выбора» был впервые использован Виклендом и Джексоном (161) при описании особенностей межличностного общения в одном эпизоде взаимодействия с шизофреником. Авторы говорили о том, что пытаясь совершить верный выбор из двух альтернатив, шизофреники нередко сталкиваются с типичной дилеммой: сама природа ситуации коммуникации определяет то, что они не могут сделать *правильный* выбор, поскольку оба пути – это неотъемлемая часть контекста двойного ограничения, и пациент, следовательно, «будет проклят, если сделает это, и будет проклят, если этого

¹ И здесь мы снова можем обратиться к дзен-буддизму: „Если ты назовешь эту бамбуковую палочку палочкой, это будет подтверждение; если ты не назовешь ее палочкой, это будет отрицание. Но если ты не хочешь ни подтверждать, ни отрицать, как ты назовешь ее?“

246

Глава 6. Парадоксы в психотерапии не сделает». В действительности не существует таких альтернатив, одна из которых «должна» оказаться «правильной»; само предположение о том, что этот выбор можно и нужно делать, на самом деле лишь иллюзия.³ Но осознание отсутствия выбора равносильно осознанию не только того, в чем смысл предлагаемых «альтернатив», но и самой сущности ситуации двойного ограничения. Фактически, как было показано в п. 5.431, блокирование любого пути ухода из ситуации двойного ограничения и

появляющаяся в результате невозможность посмотреть на нее со стороны – это существенные характеристики такого рода ситуации. Люди в такой ситуации попадают в положение, подобное положению обвиняемого, которого спрашивают, перестал ли он бить свою жену. И если он не хочет говорить ни «да», ни «нет», потому что он вообще никогда не бил ее, это будет расценено присяжными как неуважение к суду. Но если следователь из этого примера хорошо понимает, что поступает с подсудимым нечестно, то в реальных жизненных ситуациях подобное поведение чаще всего бывает ненамеренным и неосознаваемым.

Парадоксальная коммуникация, как мы уже увидели, создает проблемы для всех включенных в нее сторон; от нее в равной степени страдают и рыцарь, и ведьма, и муж, и жена (см. п. 5.445). Общим во всех описанных нами моделях является то, что находясь *внутри* этого паттерна, общающиеся стороны не могут изменить его – для этого необходимо выйти за его пределы. И сейчас мы переходим к рассмотрению вопроса о том, каким должно быть вмешательство в этот паттерн, чтобы оно привело к эффективному изменению всей системы.

' Понятно, что речь снова идет об основной различии между ситуацией двойного ограничения и простым противоречием (см. п. 5.434].

247

Психология межличностных коммуникаций

6.2 «Игра без конца»

Для того, чтобы начать с примера совершенно теоретического плана, вообразим себе следующую ситуацию. Два человека решили поиграть в игру, суть которой заключается в том, что в разговоре все утвердительные предложения меняются на отрицательные, и наоборот. Так, «да» означает «нет», «Я не хочу» означает «Я хочу» и так далее. Понятно, что такое кодирование сообщений представляет собой семантическую конвенцию, такую же, как и бесчисленное множество других, используемых двумя людьми, говорящими на одном и том же языке. Однако далеко не сразу становится очевидным то, что включившись в эту игру, эти люди не смогут быстро и легко вернуться к прежней, «нормальной» коммуникации. В соответствии с правилами их игры, предложение «Давай закончим игру» будет означать «Давай играть дальше». Для того, чтобы прекратить игру, им необходимо выйти за ее пределы и обсудить ее саму. Подобное сообщение должно было бы представлять собой

сообщение метауровня, однако любая попытка осуществить его, учитывая существующие правила, будет восприниматься неверно, ее смысл будет меняться на обратный, и она, таким образом, будет совершенно бесполезной. Сообщение «Давай закончим игру» амбивалентно, поскольку, во-первых, оно несет в себе определенный смысл как на объектном уровне (как часть игры), так и на метауровне {как сообщение, касающееся игры), во-вторых, эти два смысла противоречат друг другу, и в-третьих, сама сущность игры не предполагает наличие такой процедуры, которая позволила бы игрокам определить, какой из смыслов сообщения передается. Эта неопределенность делает невозможным прекращение игры. Такого рода ситуации мы определяем как *игры без конца*.

248

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

Можно было бы возразить, что этой дилеммы легко избежать, и игра может быть прекращена просто за счет того, что будет использовано сообщение с противоположным смыслом, а именно фраза «Давай играть дальше». Но более пристальный анализ показывает, что с точки зрения логики это вовсе не так. Дело в том (и мы уже неоднократно обращали на это внимание), что ни одно заявление, сделанное в заданных рамках (в данном случае, в рамках игры с изменением смысла), не может одновременно рассматриваться и как заявление, касающееся самих этих рамок. Даже если предложение «Давай играть дальше», будет высказано одним игроком, и, в соответствии с правилами игры, воспринято другим как предложение о прекращении игры, он все равно будет иметь дело с амбивалентным сообщением, поскольку правила игры просто не предполагают передачу метасообщений (считается, что любое сообщение является частью игры, и исключений быть не может), а сообщение о конце игры – по сути своей метасообщение.

Мы довольно подробно описали этот пример потому, что он является отображением не только столь драматических ситуаций, как те, что описаны в п. 5.43, но и бесчисленного множества дилемм в реальных межличностных отношениях. Благодаря этому примеру нам удалось подчеркнуть тот важнейший аспект подобного рода системы, о котором идет речь: как только игроки принимают решение об инверсии смысла, это решение уже не может быть изменено, поскольку для осуществления изменения необходимо обсудить его в процессе

коммуникации, а именно коммуникация и составляет сущность самой игры. А это значит, что подобная система не может быть изменена изнутри.

6.21

Что могут предпринять игроки, чтобы выйти из создавшегося положения? Возможны три пути.

249

Психология межличностных коммуникаций

1) Игроки, предполагая, что в ходе игры у них может возникнуть необходимость обсудить ее ход, договариваются о том, что общаться они будут на английском, но для осуществления метакоммуникаций будут пользоваться французским языком. Любое сообщение на французском, например, предложение закончить игру, тем самым однозначно выводится за рамки тех сообщений, что соответствуют правилам игры, то есть, за рамки самой игры. Это решение проблемы было бы самым эффективным. Однако в обычной человеческой коммуникации оно едва ли может быть использовано, поскольку в реальности не существует такого метаязыка, который использовался бы только для осуществления коммуникации о коммуникации. Действительно, поведение, и, в более узком смысле, естественный язык, на котором происходит коммуникация, соотносятся с обоими уровнями, и это приводит к некоторым из описанных нами проблем (см. п. 1.5).

2) Игроки перед началом игры могли бы договориться о времени ее окончания, и по истечении срока перешли бы обратно к обычной системе коммуникации. Однако следует отметить, что это решение, хотя и не может быть использовано в реальной жизни, предполагает вовлечение внешнего фактора, который не подвластен правилам игры, а именно фактора времени.

3) Таким образом, мы переходим к третьей процедуре, которая представляется единственно возможной в реальной жизни; кроме того, ее использование дает и еще одно преимущество – она может быть осуществлена уже после начала игры. Игроки могут обратиться со своей дилеммой к третьему лицу, с которым оба они продолжают общаться как обычно, и предоставить ему право прекратить игру.

250

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

Терапевтический смысл вмешательства посредника может стать еще более очевидным, если мы обратимся к другому примеру игры без конца, в которой, вследствие самой

природы ситуации, существует посредник, способный включиться в процесс коммуникации. Конституция некоей воображаемой страны предполагает возможность неограниченных парламентских дебатов. Быстро оказывается, что такой закон крайне непрактичен, поскольку любая партия может заблокировать принятие любого решения, поскольку имеет право обсуждать его бесконечно. Очевидно, что необходим пересмотр конституции, но само решение о ее пересмотре также подпадает под закон о неограниченных дебатах, и принятие этого решения также может обсуждаться, а, следовательно, и откладываться, бесконечно долго. Правительство страны парализовано, оно не может инициировать процесс изменения правил своей собственной работы, и снова мы имеем дело с моделью игры без конца. Очевидно, что в этом случае правительству не хватает посредника, который не попадал бы под действие правил игры, зафиксированных в конституции. И единственный способ изменения ситуации – это ее насильственное изменение, революция, в ходе которой одна из партий получает власть над другими и принимает новую конституцию. В контексте межличностных отношений под таким насильственным изменением, прекращающим игру без конца, может пониматься разрыв отношений, суицид или убийство.

6.22

Яп наги взгляд, этот третий путь (внешнее вмешательство) представляет собой парадигму психотерапевтического вмешательства. Иными словами, терапевт как внешняя сила может сделать то, что не удастся осуществить самой системе – изменить ее правила. Так, в том примере, что был описан

251

Психология межличностных коммуникаций в п. 5.445, супружеская пара попала в ситуацию такой бесконечной игры, основное правило которой было задано претензией мужа на абсолютную честность и абсолютное принятие женой этого самоопределения. В этой игре отношений необратимый парадокс возникает в тот момент, когда муж обещает быть нечестным (неверным). Необратимость ситуации объясняется тем фактом, что в ней, как и в любой другой игре без конца, существуют правила, но отсутствуют метаправила для изменения правил. Можно сказать, что цель психотерапевтического вмешательства в таком случае сводится к формированию

новой, расширенной системы (муж, жена и терапевт), в рамках которой возможен не только отстраненный анализ старой системы (семейной пары); терапевт может использовать силу парадокса для улучшения этой системы — он может задать в этой новой игре отношений такие правила, которые способствуют решению терапевтических задач.⁴

¹ Однако и наш опыт, и опыт многих других коллег свидетельствует о том, что успешное терапевтическое вмешательство значительно зависит от временного фактора — По всей видимости, сама природа человеческих отношений предполагает, что терапевт располагает лишь ограниченным временным промежутком, в рамках которого может быть достигнута цепь терапии. Довольно скоро эта новая система доходит до такого этапа своего развития, когда терапевт почти неизбежно теряет свою внешнюю позицию, и с этого момента у него остается гораздо меньше шансов осуществить необходимые изменения, чем в начале лечения. Это особенно верно в том случае, когда речь идет о семьях, в которых есть шизофреник; их способность „абсорбировать“ все, что угрожает их ригидной стабильности, весьма впечатляет. Как правило, и этот шаг весьма уместен, как только терапевт начинает чувствовать, что он чрезмерно вовлечен в игру со своим пациентом или пациентами, он консультируется с другим терапевтом. И только за счет того, что он обсуждает эту проблему с другим терапевтом, он способен выйти за рамки той ситуации, в которую он попадает.

252

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

6.3 Предписание симптомов

6.31

Итак, терапевтическая коммуникация неизбежно выходит за пределы тех привычных, но неэффективных указаний, которые формулируются самими участниками ситуации, а также их друзьями и родственниками. Предписания типа «не ссорьтесь» или «не создавай себе проблем с полицией» едва ли можно рассматривать как терапевтические, хотя они так или иначе определяют желаемые изменения. Эти сообщения основываются на допущении о том, что что-то может быть изменено «небольшим усилием воли», и, следовательно, человек сам может сделать выбор между здоровьем и болезнью. И, тем не менее, это допущение не более чем иллюзия альтернативного выбора, по крайней мере, потому, что в

любой момент человек может категорически опровергнуть его, заявив «я не могу с этим справиться». Честные пациенты – то есть, те, кто не пытается симулировать болезнь – обычно предпринимают безуспешные попытки самодисциплины и воспитания воли задолго до того, как их симптомы становятся очевидны для окружающих и те советуют им «взять себя в руки». Сама сущность симптома предполагает его произвольность, а, следовательно, и автономность. Иными словами, симптом – это элемент спонтанного поведения, настолько спонтанного, что даже сам пациент осознает его неподконтрольность. Именно это колебание между спонтанностью и принуждением делает симптом парадоксальным, как для переживаний самого пациента, так и в том, что касается впечатления окружающих.

Если один человек хочет повлиять на поведение другого, существует два основных способа сделать

253

Психология межличностных коммуникаций

это. Во-первых, можно попытаться заставить его вести себя по-другому. Этот подход, как мы только что увидели, не работает в том случае, когда нужно изменить симптом, поскольку пациент не может контролировать свое поведение. Другой подход (примеры которого приводятся в п. 6.5) заключается в том, что пациента вынуждают вести себя так, как он уже вел себя раньше. Мы уже говорили выше о такой модели, когда анализировали парадокс «будь спонтанным». Если кого-то просят поступать так, как можно поступать только спонтанно, он уже не способен проявлять свою спонтанность, поскольку высказанное требование делает спонтанность невозможной.⁵ Точно так же, если терапевт просит пациента продемонстрировать свой симптом, он тем самым требует от него спонтанного поведения, и посредством этого парадоксального предписания стимулирует изменения в поведении пациента. Такое симптоматическое поведение более не является спонтанным; следуя предписанию терапевта, пациент выходит за рамки своей игры без конца, которая до этого момента не предполагала наличия метаправил для изменения самих правил. Нечто произошло «потому что я не смог с этим справиться», потому что «мой терапевт сказал мне так сделать».

6.32

Создается впечатление, что методика *предписания симптома* (помещение пациента в ситуацию двойного ограничения для устранения симптома) принци-

⁵ Неизбежный эффект такого рода коммуникации выявить несложно. Если Ч говорит Д: „Ты сидишь на этом стуле так, как будто ты совершенно расслаблен“, и, продолжая глядеть на Д, не диктует, но просто описывает поведение Д, то Д быстро почувствует неудобство и напряжение, и непременно сменит позу, чтобы вновь вернуться к состоянию комфорта и расслабленности. Или вспомним басню о том, как таракан спросил сороконожку, как ей удастся столь элегантно и легко двигаться. И после этого вопроса сороконожка уже не могла двигаться вовсе.

254

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

пиально противоречит постулатам психоаналитически ориентированной терапии, запрещающим вмешательство в сами симптомы. Однако за последние годы появилось немало доказательств того, что устранение симптома не приводит к разрушительным последствиям, хотя, конечно, это во многом зависит от того, как мы работаем с симптоматическим поведением.⁶ И хотя не может быть сомнений в том, что если страдающего анорексией пациента насильственно кормить, он может впасть в депрессию и покончить с собой, подобные случаи терапевтического вмешательства мы не рассматриваем. Более того, следует иметь в виду, что ожидания терапевта, касающиеся результатов лечебного процесса, очень зависят от того, какого философского подхода к терапии он придерживается. Например, сторонники так называемого би-хевеиорального направления (Вольп, Айзенк, Лаза-рус и др.) при работе с эмоциональными нарушениями обращаются не к психоаналитическим теориям, а к теории научения, и не уделяют особого внимания возможным болезненным эффектам чисто симптоматического лечения. Их утверждение о том, что устранение симптома не приводит к возникновению новых и более тяжелых симптомов, и что их пациенты не становятся склонными к совершению самоубийства, теперь может рассматриваться более серьезно. Точно так же, если пациента просят продемонстрировать его симптом, то в процессе исполнения этой просьбы он обнаруживает, что он избавился от данного симптома; подобный результат, по нашему мнению, аналогичен тому, что возникает на классических психоаналитических сессиях вследствие так называемого

«инсайта», хотя самого инсайта при этом не происходит. Но даже в реальной жизни изменение — стимулировать измененное поведение — стимулировать изменения только у *одного* из партнеров, вовлеченных в межличностные отношения (см. п. 6.33).

255

Психология межличностных коммуникаций редко сопровождается этим инсайтом, гораздо чаще человек изменяется и не имеет представления о том, почему это произошло. И мы можем предположить, что с точки зрения теории коммуникации большинство традиционных форм психотерапии ориентировано на лечение симптомов в гораздо большей степени, чем могло бы показаться на первый взгляд. Терапевт, который постоянно и намеренно не обращает внимания на жалобы пациента относительно его симптомов, тем самым более или менее явно сигнализирует о том, что наличие самого по себе симптома не является проблемой, гораздо важнее понять, что находится «за» ним. Вполне возможно, что эта установка, допускающая существование симптома, и сама может рассматриваться как излечивающий фактор.

6.33

Однако следует отметить еще один немаловажный момент: наш системно-ориентированный, интеракционистский подход к психопатологии вынуждает нас усомниться в эффективности поведенческой модели терапии, и, в широком смысле, согласиться с предостережениями представителей психодинамического направления о том, что чисто симптоматическое лечение может нанести пациенту только вред. И несмотря на то, что у нас не возникает сомнений в приемлемости и полезности поведенческой терапии, когда речь идет о пациенте как изолированной системе, ни в теории, ни в описании клинических случаев мы, к сожалению, не встречаем ссылок на то, как изменяется специфика взаимодействия пациента с окружающими. Наш опыт (см. п. 4.44, 4.443) свидетельствует о том, что подобное изменение, как правило, сопровождается появлением новой проблемы или усугублением имеющегося расстройства у другого члена семьи. При чтении литературы по поведенческой терапии может создаться впечатление, что терапевты (занимающиеся только отдельным пациентом) не видят взаимосвязи этих

256

Глава 6. Парадоксы в психотерапии
двух явлений, и при возникающей необходимости начинают рассматривать новую проблему изолированно от контекста взаимодействия.

6.34

Методика предписания симптома наверняка интуитивно использовалась психиатрами уже в течение длительного времени. Насколько нам известно, первым ее опубликовал Дунлап (39, 40) в 1928 году, в работе, посвященной негативному убеждению. И хотя он лишь вкратце описал суть методики, речь шла о том, что пациенту говорили, что он не может сделать чего-либо, чтобы создать у него мотивацию к выполнению этого действия. Франкл (46, 47) определяет эту технику как «парадоксальную интенцию», но не приводит разумного объяснения ее эффективности. В терапии шизофрении аналогичная техника является составной частью методики Розена (129), который определяет ее как «сведение к абсурду» или «возобновление психоза»; подробное описание этой методики можно найти в аналитической работе Ше-флена (137). Термин «предписание симптома» был впервые предложен в работе Бейтсона «Семейная терапия при шизофрении». Группа, занимающаяся разработкой этой проблемы, обратила особое внимание на парадоксальную, представляющую собой типичное двойное ограничение, природу этой методики. Так, например, Хейли (60, р. 20–59) показал, что такого рода парадоксальные предписания играют существенную роль практически во всех методиках введения в транс. Он приводит множество примеров их использования в гипнотерапии; часть ситуаций взята из его собственного опыта, часть — из наблюдений за работой Милтона Эриксона. Джексон описал применение этого метода в работе с пациентами — параноиками (71, 72, 77), и эта работа будет более подробно рассмотрена нами чуть ниже. В более ранней работе Джексон и Викленд (75) рассмотрели особенности применения этой методики в семейной терапии.

9 Психология

257

Психологин межличностных коммуникаций

6.4 Терапевтическое двойное ограничение

Предписание симптома — только одна из множества форм парадоксальных терапевтических приемов, которые могут быть объединены в категорию терапевтических двойных ограничений; и они, в свою очередь, только одна из

разновидностей терапевтической коммуникации, поскольку в терапии традиционно используется и множество других подходов. Если в этой главе мы рассматриваем парадоксальную коммуникацию как излечивающий фактор, то лишь потому, что с точки зрения теории коммуникации она – самый сложный и мощный из известных нам приемов, а также потому, что трудно представить себе, что двойное ограничение, порожденное симптомом, может быть преодолено как-то иначе, кроме как посредством специально созданного встречного ограничения, или что игра без конца может быть прекращена чем-то менее сложным, чем такого же рода встречная игра (155). *Лечим подобное подобным* – иными словами, то, что сводит людей с ума, способно их же и вылечить. Мы ни в коем случае не отрицаем чрезвычайную важность гуманистической установки терапевта по отношению к пациенту; мы не говорим о том, что сущность терапии – это только уловки, игры и тактические приемы, и в ней нет места решительности, пониманию, искренности, теплоте и состраданию. Психотерапия немыслима без таких личностных черт самого терапевта, и, как мы увидим на ряде примеров, более традиционные методики объяснения и понимания нередко используются в комплексе с приемами создания двойного ограничения. Однако мы уверены в том, что этих приемов самих по себе недостаточно для того, чтобы справиться с парадоксальной сложностью нарушенного взаимодействия.

С точки зрения структуры, терапевтическое двойное ограничение – это зеркальное отображение патогенного двойного ограничения (см. п. 6.431).

250

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

1) Предполагается, что существуют интенсивные взаимоотношения (в данном случае – психотерапевтическая ситуация), которые важны для выживания пациента и представляют для него ценность.

2) В данном контексте пациенту дается предписание, структурированное таким образом, что оно: а) подкрепляет те поведенческие проявления пациента, которые должны быть изменены; б) предполагает, что подкрепление является движущей силой изменения; в) тем самым создает парадокс, поскольку пациенту говорится, что он должен измениться и при этом продолжать быть таким же, как раньше. Тем самым пациент попадает в амбивалентную ситуацию, связанную с его патологией.

Если он подчиняется, он уже не может говорить о том, что «ему с этим не справиться», он делает «это», и тем самым, как мы попытались показать, делает «это» невозможным, что собственно, и было целью всего терапевтического процесса. Если он пытается сопротивляться предписанию, то ему удастся это лишь в том случае, если он не проявляет в поведении свой симптом, что, опять же, представляет собой цель терапии. Если в ситуации патогенного двойного ограничения пациент «проклят, если он поступает определенным образом, и проклят, если он так не поступает», в ситуации двойного ограничения терапевтического характера он «изменяется, если поступает определенным образом, и изменяется, если так не поступает».

3) Терапевтическая ситуация препятствует тому, чтобы пациент отказался от работы или попытался разрешить стоящий перед ним парадокс, прокомментировав его.⁷ Таким образом, даже в том случае, когда предписание абсурдно с точки зрения логики, оно

' Это может показаться не очень убедительным, но в действительности, пациент, как правило, беспрекословно принимает все, пусть даже самые абсурдные предписания терапевта (типа «Я хочу, чтобы Вам стало хуже»). Случаи отказа от работы крайне редки.

259

Психология межличностных коммуникаций

является прагматической реальностью; пациент не может не реагировать на него, но в то же время, ему уже не удастся реагировать на это предписание так, как он делал это раньше, проявляя свой симптом.

Ниже мы приводим ряд примеров, показывающих, как терапевтическая ситуация двойного ограничения неизбежно вынуждает пациента выйти за пределы той ситуации, что порождена его проблемой. Этот шаг человек не может осуществить сам, но он становится возможным в том случае, когда исходная система – будь то человек и его симптом, или же два или более человека и их игра без конца (но, чаще всего, комбинация этих двух типов) расширяется и включает в себя еще один элемент, а именно находящегося вне ситуации эксперта. Тем самым у людей, вовлеченных в ситуацию, появляется не только возможность посмотреть на происходящее со стороны, но и возможность ввести некоторые метаправила, возникновение которых было невозможно в рамках старой системы.

Итак, мы рассмотрели теоретические основания терапевтического приема двойного ограничения. Их практическое применение – тема гораздо более щекотливая. Мы можем сказать, что выбор адекватных парадоксальных предписаний – задача крайне сложная, и что если остается хоть малейшая лазейка, пациенту обычно не составляет труда обнаружить ее и тем самым избежать предположительно амбивалентной ситуации, навязываемой терапевтом.

6.5

Примеры терапевтического двойного ограничения

Мы не претендуем на то, что приведенные ниже примеры исчерпывают все возможные типы ситуаций; также мы не можем сказать, что они более

260

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

наглядны, чем те, что приведены в работах, ссылки на которые вы можете посмотреть в п. 6.34. Однако они демонстрируют некоторые из возможных вариантов применения этой терапевтической методики (все примеры взяты из опыта индивидуальной и групповой терапии).

Пример 1. При обсуждении теории двойного ограничения мы уже упоминали о том, что пациенты, страдающие паранойей, нередко пытаются найти соответствующий смысл в малозначимых и не связанных с проблемой событиях, поскольку адекватное восприятие и обсуждение центральной проблемы (парадокса) стало для них невозможным. Действительно, людей, страдающих паранойей, отличает особая подозрительность, сопровождающаяся неспособностью проверить эти подозрения и тем самым так или иначе разрешить их, И несмотря на то, что пациент кажется отчужденным и всезнающим, он страдает от существенного недостатка необходимой ему информации, и это только усугубляет его подозрения. Основываясь на концепции парадоксальной коммуникации, Джексон (72, 77) описывает специальную технику взаимодействия с пациентами, страдающими паранойей, определяя ее как *обучение пациента быть более подозрительным*. Ниже мы приводим два примера, иллюстрирующих эту технику.

а) Пациент боялся того, что некто спрятал в кабинете терапевта микрофон. Не пытаясь каким-то образом интерпретировать это подозрение, терапевт тоже «заволновался» по этому поводу и поставил пациента в ситуацию двойного ограничения своим предложением о том,

что им следует вдвоем тщательно обыскать весь кабинет, прежде чем они начнут работать. Это создало у пациента иллюзию альтернативного выбора: он мог либо начать поиск, либо отказаться от своей идеи. Он выбрал первое, и чем дольше продолжался поиск, тем менее уверенным он становился в своих подозрениях и тем более раздражал-

261

Психология межличностных коммуникаций
ся; но терапевт не прекращал поиск до тех пор, пока они вдвоем не обследовали все углы и закоулки кабинета. Затем пациент перешел к подробному описанию своего супружества, и оказалось, что в этой области у него есть достаточно оснований, чтобы быть подозрительным. Однако сконцентрировав внимание на том вопросе, который имел мало отношения к реальной проблеме, он помешал самому себе погрузиться в обсуждение своих страхов и сомнений. Если же, с другой стороны, пациент отказался бы от предложения терапевта обыскать кабинет, он бы тем самым неявно отрекся от своих подозрений, показал бы, что эту его идею нельзя рассматривать всерьез. В любом случае, терапевтическая функция сомнения перевела пациента в более адекватный контекст взаимодействия, б) Задача терапевта заключалась в том, чтобы установить раппорт с шизофреником. Пациент, высокий, бородатый молодой человек считал себя богом и ни под каким предлогом не вступал в контакт ни с прочими пациентами, ни с работниками больницы. Войдя в кабинет, он занял стул, расположенный метрах в шести от терапевта, и игнорировал все обращенные к нему вопросы и замечания. Тогда терапевт сказал ему, что намерение быть богом — довольно опасно, потому что в этом случае создается иллюзия всезнания и всемогущества, и ты пренебрегаешь опасностями и отказываешься контролировать то, что происходит вокруг тебя. Тем самым терапевт дал пациенту понять, что это будет исключительно его, пациента, собственная проблема, и если он хочет, чтобы с ним обращались как с богом, терапевт выполнит его пожелание. Во время структурирования этой ситуации пациент стал заметно нервничать, и в то же время он начал проявлять интерес к ситуации. Терапевт достал из кармана ключ от входной двери, положил его перед пациентом и предложил взять его, заявив, что если пациент действительно бог, то ключ ему не нужен, но если бы он был богом, он гораздо

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

больше заслуживал бы того, чтобы владеть ключом. Как только терапевт вернулся к столу, пациент схватил свой стул и передвинул его поближе. Наклонившись вперед, он с искренним недоумением и явной заинтересованностью сказал: «Послушайте, кто-то из нас двоих определенно спятил».

Пример 2. Не только психоаналитическое, но и любое другое терапевтическое лечение полно ситуаций двойного ограничения. Парадоксальная природа психоанализа подчеркивалась одним из ранних сподвижников Фрейда, Хансом Саксом, который говорил, что анализ *заканчивается тогда, когда пациент осознает, что он может продолжаться вечно; и это утверждение удивительно напоминает положение дзен-буддизма о том, что просветление наступает тогда, когда ученик осознает, что не существует никакого секрета, никакого окончательного ответа, а поэтому нет никакого резона в том, чтобы снова и снова задавать вопросы.* Подробное обсуждение этого вопроса читатель может найти в работе Джексона и Хейли (76), чье исследование очень коротко будет описано ниже.

Традиционно предполагается, что в ситуации переноса пациент регрессирует к более ранним, «неадекватным» моделям поведения. Джексон и Хейли снова придерживаются обратной точки зрения и задаются вопросом о том, что такое адекватное поведение в психоаналитической ситуации. По их мнению, единственной зрелой реакцией на весь этот ритуал – кушетка, свободные ассоциации, навязанная спонтанность, строгие временные рамки и т. д. – будет отрицание данной ситуации. Но именно это пациент, нуждающийся в помощи, сделать не может. В результате задается весьма специфический коммуникативный контекст, и некоторые из наиболее ярких парадоксов описаны ниже.

а) Пациент ожидает, что аналитик станет экспертом, который будет диктовать ему, что делать и как

263

Психология межличностных коммуникаций поступать. Аналитик, в свою очередь, возлагает всю ответственность за ход лечения на пациента; он требует спонтанности и при этом задает жесткие рамки ситуации. Фактически, пациенту велят быть спонтанным.

б) Независимо от того, как пациент ведет себя, он сталкивается с парадоксальной реакцией терапевта. Если

он жалуется, что улучшение не наступает, ему говорят, что это происходит только потому, что он сопротивляется, но что это хорошо, потому что тем самым ему удастся лучше понять свою проблему. Если он заявляет, что ему стало лучше, ему снова говорят о том, что он сопротивляется лечению, пытаюсь сбежать в здоровье прежде чем его реальная проблема будет проанализирована.

в) Пациент находится в ситуации, где он не может поступать как взрослый человек, и тем не менее, когда он этого не делает, аналитик интерпретирует его поведение как проявление регресса и, следовательно, считает его неадекватным.

г) Еще один парадокс связан с весьма коварным вопросом о том, являются ли психоаналитические отношения произвольными или вынужденными. С одной стороны, пациенту постоянно говорится, что его отношения с психоаналитиком произвольны, и, следовательно, *симметричны*. И тем не менее, если пациент опаздывает, пропускает сессию или каким-то иным образом нарушает правила, становится ясно, что эти отношения носят вынужденный, комплементарный характер, и позиция аналитика более выигрышна.

д) Выигрышность позиции аналитика становится еще более очевидна тогда, когда тем или иным образом затрагивается идея о существовании подсознания. Если пациент отвергает какую-то интерпретацию, аналитик всегда может объяснить это тем, что он указал пациенту на то, что, по определению, неизвестно пациенту, поскольку это содержится в его подсознании. Если же, с другой стороны, сам паци-

264

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

ент пытается объяснить что-то в своем поведении подсознательными стремлениями, терапевт пресекает эти попытки, заявляя, что если те стремления, о которых идет речь, подсознательны, то пациент не может на них ссылаться.³

Из всего вышесказанного видно, что независимо от того, что делает аналитик, чтобы добиться изменений, сама ситуация представляет собой сложное двойное ограничение терапевтического характера, где пациент «изменяется, если поступает определенным образом, и изменяется, если так не поступает». Также будет показано, что подобная

ситуация характерна не только для психоанализа, но и для многих других психотерапевтических моделей.

Пример 3. Предполагается, что доктора должны лечить пациентов. С точки зрения теории взаимодействия, это ставит их в весьма любопытную позицию: они занимают более выигрышную комплементарную позицию в отношениях «доктор–пациент» до тех пор, пока лечение проходит успешно. С другой стороны, когда лечение заходит в тупик, позиции сторон меняются; их отношения детерминируются неподатливостью пациента, и позиция врача более не является выигрышной. Он попадает в ситуацию двойного ограничения, навязанную ему теми пациентами, которые по каким-то непонятным причинам не могут измениться к лучшему, или же теми, для кого важнее находиться в более выигрышной позиции по отношению к любому партнеру, даже к врачу, независимо от того, сколь болезненными и дискомфортными такие отношения могут стать для них самих. В любом случае, пациенты как бы говорят посредством своих симптомов: «Я хочу, чтобы Вы помогли мне, но я не позволю вам это сделать».

¹ Указывая на эти сложности, возникающие в межличностном контексте, мы никоим образом не сомневаемся ни в существовании подсознания как такового, ни в обоснованности данной концепции (см. п. 1.62).

265

Психология межличностных коммуникаций

Именно такая пациентка, женщина средних лет, обратилась к психиатру с жалобами на постоянную, невыносимую головную боль. Боли начались вскоре после ушиба головы в результате автомобильной аварии. Лечение ушиба прошло без осложнений, и обследование показало, что для головной боли нет абсолютно никаких оснований.

Страховая компания выплатила пациентке положенную компенсацию, и не было возбуждено никакого уголовного преследования. Прежде чем обратиться к психиатру, она прошла обследование у множества специалистов. За время обследования история ее болезни разрослась в огромный том, и стала для этих докторов источником сильной профессиональной фрустрации.

Изучив ее случай, психиатр понял, что подобное собрание предыдущих «неудач» всех этих светил фактически ставит крест на возможности любой психотерапии, поскольку пациентка заведомо отвергла бы идею о том, что такое лечение могло бы ей по-мочь. И поэтому психиатр начал

работу с пациенткой, заявив ей, что с учетом всех проведенных анализов и принимая в расчет тот факт, что все лечение оказалось практически безрезультатным, у него не остается никаких сомнений в том, что ее состояние необратимо. Поэтому, в свете столь печального известия, единственное, что он может сделать для нее – это научить ее жить с этой болью. Пациентка казалась не столько опечаленной, сколько обозленной этим объяснением, и раздраженно спросила, неужели это все, что может предложить психиатр страдающему больному. Психиатр взвесил на руке увесистый том истории ее болезни и сказал, что все свидетельствует о том, что никакой надежды на улучшение быть не может, и что ей придется так или иначе с этим смириться. Когда через неделю пациентка пришла на второе интервью, она заявила, что все это время головные боли мучили ее значительно меньше. Психиатр казался крайне взволнованным;

266

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

он начал укорять себя за то, что не предупредил ее заранее о возможности такого временного, чисто субъективного облегчения боли, и поделился с ней своим страхом того, что очень скоро боль станет столь же интенсивной, как раньше, и ей станет еще хуже, потому что она возложила такие большие, но абсолютно нереалистичные надежды на то, что в действительности было лишь временным, незначительным облегчением. Он опять обратился к истории ее болезни, напомнил о том, что результаты обследования исчерпывающи, повторил, что чем быстрее она оставит любую надежду на исцеление, тем быстрее она научится жить со своей болью. С этого момента ход психотерапевтического процесса резко, кардинально изменился; психиатр все чаще и чаще высказывал свои сомнения относительно того, что он может быть хоть чем-то полезен пациентке, поскольку она не может осознать «необратимости своего состояния», а пациентка раздраженно повторяла, что ей стало гораздо лучше. И все же в промежутках этой игры психиатру удалось получить немало информации о других, не менее важных аспектах межличностных отношений этой дамы; в конце концов, ее состояние значительно улучшилось и она по собственной воле прекратила лечение у психиатра, очевидно, осознав, что ее игра с психиатром могла бы продолжаться бесконечно.

Пример 4. Психосоматические проблемы, подобные той, что описана в предыдущем примере, как правило, хорошо поддаются лечению в ходе психотерапии, основанной на принципах парадоксальной коммуникации. Введение пациента в ситуацию двойного ограничения обычно начинается в ходе самого первого контакта, а нередко даже во время предварительного телефонного разговора, когда назначается первая консультация. Если терапевт может быть достаточно уверен в том, что проблема пациента носит психосоматический характер (например, если он

267

Психологии межличностных коммуникаций
предварительно проконсультировался относительно этого случая с лечащим врачом данного пациента), он может сразу же заявить звонящему, что нередко люди с такими проблемами еще до первой консультации чувствуют заметное улучшение, но что это улучшение временно и на него не стоит возлагать никаких надежд. Если у пациента до момента первой встречи никакого улучшения не произошло, такое заявление не может нанести никакого вреда, а пациент оценит заботу терапевта и глубокое понимание им своей проблемы. Если же он почувствует себя лучше, это создает оптимальные условия для создания ситуации двойного ограничения. Следующим шагом может стать объяснение того, что психотерапия не может устранить боль, но сам пациент обычно способен вовремя «предотвратить боль» и «уменьшить ее интенсивность». Так, например, пациента просят определить те два часа в день, на протяжении которых боль причиняла бы ему меньше всего неудобств. Затем его просят каким-то образом усиливать свою боль на протяжении этих двух часов, говоря, что в этом случае все остальное время суток он будет чувствовать себя несколько лучше. Самое удивительное, что пациенту действительно удается чувствовать себя хуже в определенные им часы; получив подобный опыт, он не может не осознать того, что научился контролировать свою боль. Естественно, что терапевт все время подчеркивает тот факт, что настоящее улучшение невозможно. Такая терапия эффективна при бессоннице, тиках и ряде других психосоматических расстройств, и в работе Хейли (60, р. 41–59) вы найдете немало примеров успешного решения подобных проблем.

Пример 5. Студентка колледжа рисковала завалить экзамен, и все из-за того, что ей никак не удавалось

проснуться в такое время, чтобы успеть на занятие, начинающееся в восемь утра. Она перепробовала все возможные методы, и все же ей ни

268

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

разу не удалось прийти на занятие раньше десяти. Терапевт сказал ей, что ее проблему можно решить одним несложным, но малоприятным способом, и что она едва ли пойдет на это. Это заставило девушку (которая была чрезвычайно обеспокоена своим ближайшим будущим, к тому же за время предыдущих консультаций она начала доверять терапевту и возлагала на него большие надежды) пообещать, что она сделает все, что он ей посоветует. Терапевт сказал ей, чтобы она завела будильник на семь часов. На следующее утро, когда будильник зазвенит, у нее будет две альтернативы: либо встать, позавтракать и прийти на занятие в восемь, но в этом случае сама ее проблема решена быть уже не может; либо она, как обычно, может остаться в постели. Однако в этом случае ей нельзя будет подняться с постели около десяти, как она обычно делала, ей нужно будет завести будильник на *одиннадцать*, и оставаться в постели до этого момента в это и следующее утро. В течение всех утренних часов ей нельзя будет читать, писать, слушать радио или делать что-то еще; все, что будет ей разрешено – это спать, или по крайней мере, просто лежать в постели, после одиннадцати она может делать все, что захочет. Вечером второго дня ей нужно будет снова завести будильник на семь, и если ей опять не удастся встать, когда он зазвенит, ей снова придется оставаться в постели до одиннадцати этим и следующим утром, и так далее. Наконец, он еще усугубил ситуацию двойного ограничения, сказав ей, что если она не выполнит условия этого соглашения, на которое она пошла добровольно, он уже ничем не сможет ей помочь, и продолжение лечения будет бессмысленным. Девушка была приятно удивлена столь несложными условиями лечения. Когда она три дня спустя пришла на следующую встречу, она сказала, что как обычно проспала в первое утро, и что она осталась в постели до одиннадцати, как и велел терапевт, но что этот вы-

269

Психология межличностных коммуникаций
нужденный постельный режим {в особенности в промежуток с десяти до одиннадцати) был невыносимо скучен. Второе

утро было еще более тяжелым, она проснулась ровно в семь и не заснула больше ни на минуту, хотя, будильник, естественно, прозвенел только в одиннадцать. С этого момента она не испытывала проблем с посещением утренних лекций, и только после этого терапевт мог перейти к выявлению тех причин, что мешали ее обучению.

Пример 6. Сеансы семейной терапии, на которых присутствовали муж, жена и две их дочери семнадцати и пятнадцати лет, были успешными до тех пор, пока не всплыла хроническая проблема отношений между родителями. В этот момент произошло заметное изменение в поведении старшей дочери. Она начала со всеми спорить и пытаться увести разговор в сторону. Любые попытки отца приструнить ее оказывались неэффективными, и в конце концов девушка заявила терапевту, что она больше не намерена участвовать в терапевтических встречах. Терапевт ответил ей, что ее тревога вполне объяснима, и что он, терапевт, на самом деле, хочет, чтобы она и дальше всем мешала и не хотела участвовать в работе. Этим простым предписанием он создал для нее парадоксальную ситуацию: если она продолжает препятствовать терапевтическому процессу, она, тем самым, соглашается на его просьбу и демонстрирует готовность сотрудничать, а именно этого ей и не хотелось; если же она не подчинится этому предписанию, она сможет сделать это лишь в том случае, если не будет спорить и препятствовать работе. Она, конечно, могла просто отказаться приходить на терапевтические встречи, но терапевт лишил ее этой возможности, намекнув, что в этом случае ее поведение будет единственным предметом дальнейшего обсуждения, а эта перспектива, естественно, нравилась ей меньше всего.

Пример 7. Если один из супругов пьет, то второму в этом случае фактически навязывается жесткая, сте-

270

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

реотипная модель коммуникации. В нашем примере пьющий супруг – это муж, но распределение ролей принципиальным образом не меняет саму модель.

Исходная трудность нередко заключается в том, что супруги по-разному оценивают значимость того или иного события. Так, к примеру, муж может заявить, что его жена чрезмерно его контролирует, и что только после нескольких рюмок он начинает чувствовать себя мужчиной. Жена возражает, что она с радостью уделяла бы этому

гораздо меньше внимания, если бы только он мог быть чуть более ответственным, но раз уж он пьет каждый вечер, ей приходится о нем заботиться. Она может продолжить, что если бы не она, он бы уже десять раз поджег дом, заснув с зажженной сигаретой в руке; он, скорее всего, ответит, что этого бы не случилось, если бы он остался холостяком. Возможно, он добавит, что это всего лишь еще один пример того, как она его подавляет. В любом случае, возможность продолжения этой перепалки до бесконечности очевидна, и мы снова имеем дело с игрой без конца. Спрятавшись за фасадом неудовлетворения друг другом, фрустрации и обвинений, они оказывают друг другу услугу за услугу (73): он – позволив ей быть трезвой, разумной и заботящейся, она – позволив ему быть безответственным и ребячливым. Одна из разновидностей ситуации двойного ограничения, которая может быть использована в работе с такой парой, заключается в следующем: им рекомендуют пить вдвоем, но с тем условием, что жена всегда будет пить на одну рюмку больше. Введение этого нового правила их взаимодействия кардинально меняет старый паттерн коммуникации. Прежде всего, употребление алкоголя – это задача, а не нечто такое, с чем «невозможно справиться». Во-вторых, им обоим придется постоянно следить за тем, сколько они выпивают. В третьих, жена, которая обычно пьет очень мало, если вообще пьет, быстро

271

Психология межличностных коммуникаций
пьянеет, что ставит перед *ним* необходимость заботиться о *ней*. Таким образом, происходит не только полная реверсия их привычных ролей, это ставит его в парадоксальную позицию по отношению к его пьянству: если он не следует указаниям терапевта, он должен прекратить пить вовсе или вынудить пить свою жену, что может ухудшить ее здоровье, сделать ее беспомощной и т. д. Если же, когда его жена уже не может больше пить, он хочет нарушить правило (закрывающееся в том, что она должна выпивать на одну рюмку больше, чем он) и продолжить пить в одиночку, он сталкивается с незнакомой прежде ситуацией, когда его ангел-хранитель уже не берет на себя заботу о нем, но, напротив, ему самому приходится заботиться и о ней, и о себе самом. (Понятно, что далеко не всегда терапевту удастся уговорить супружеские пары следовать этому правилу, и

уж тем более, мы не говорим о том, что такое терапевтическое вмешательство само по себе может излечить человека от алкоголизма.)

Пример 8. Супружеская пара обратилась за помощью к психотерапевту, поскольку им казалось, что они слишком много спорят друг с другом. Терапевт же, вместо того, чтобы уделить основное внимание анализу возникающих между ними конфликтов, сформулировал сложившуюся у них ситуацию следующим образом: они действительно любят друг друга, и чем больше они спорят, тем больше они любят друг друга, потому что им есть дело друг до друга и потому что такие споры, как у них, предполагают сильную эмоциональную включенность. И совершенно неважно, сколь нелепым и бессмысленным показалось паре такое объяснение; может быть, даже именно вследствие его очевидной нелепости они приложат все усилия, чтобы доказать терапевту, что он не прав. И лучший способ сделать это – перестать спорить, поскольку тем самым они показывают, что вовсе не любят друг друга. Но в тот самый момент, когда они

272

Глава 6. Парадоксы 8 психотерапии
перестают спорить, они обнаруживают, что стали гораздо лучше относиться друг к другу.

Пример 9. Терапевтический эффект парадоксальной коммуникации ни в коем случае не следует рассматривать в качестве способа быстрого излечения, и иллюстрацией тому будет одна история в стиле дзен, в которой описаны все основные составляющие терапевтического двойного ограничения.

Молодая жена тяжело заболела. Перед смертью она сказала своему мужу: «Я так сильно люблю тебя, я не хочу тебя отпускать. Не уходи от меня к другой женщине. Если ты это сделаешь, я вернусь привидением и покоя тебе не будет».

Вскоре жена умерла. Целых три месяца муж исполнял ее последнюю волю, но затем он встретил другую женщину. Они полюбили друг друга и собрались пожениться. Сразу же после помолвки каждую ночь к этому мужчине стало являться привидение – это его умершая жена обвиняла его в том, что он не выполняет своего обещания. Привидение, надо сказать, было весьма умным. Оно рассказывало ему все то, что происходило между ним и его новой возлюбленной. Если он дарил своей девушке подарок, привидение описывало этот подарок во всех

деталях. Оно даже воспроизводило все их разговоры; все это так раздражало мужчину, что он не мог спать по ночам. Кто-то посоветовал ему обратиться со своей проблемой к дзенскому мудрецу, жившему неподалеку от их деревни. В конце концов, совершенно отчаявшись, несчастный отправился к этому мудрецу.

«Твоя бывшая жена стала привидением и знает все, что с тобой происходит», – сказал мудрец, – «она знает все, что ты говоришь, и все, что ты делаешь, ей известно обо всех подарках, которые ты приносишь своей любимой. Должно быть, она стала

273

Психология межличностных коммуникаций

очень мудрым привидением. Подумай, а бы на твоём месте был просто в восхищении от такого привидения. В следующий раз, когда она появится, заключи с ней сделку. Скажи ей, что она знает так много, что ты не можешь абсолютно ничего от нее скрыть, и что если она ответит тебе на один-единственный вопрос, ты обещаешь разорвать помолвку и прожить жизнь в одиночестве». «Какой же вопрос я должен ей задать?» – спросил мужчина.

Мудрец ответил: «Возьми большую пригоршню соевых бобов и спроси у нее, сколько их в твоей горсти. Если она не сможет ответить, ты будешь знать, что она – всего лишь плод твоего воображения, и больше она не станет тебя беспокоить».

На следующую ночь, когда привидение опять появилось, мужчина начал делать ей комплименты и сказал, что она знает обо всем, что с ним происходит.

«Да», – ответило привидение, – «я знаю все, и я знаю, что сегодня ты ходил к мудрецу».

«Ну, раз ты знаешь так много, и даже это», – заявил мужчина, – «скажи мне, сколько бобов у меня в горсти». Больше никакие привидения не беспокоили этого человека {131, р. 82}.

6.6

Парадоксы в игре, юморе и творчестве

Почему все живые существа, от беспозвоночных до человека, столь восприимчивы к эффектам парадокса, до сих пор остается загадкой. Однако совершенно очевидно, что эти эффекты обусловлены не только культуральными или сугубо видовыми фак-

274

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

торами. Как мы попытались показать в этой главе, когда мы анализируем человеческое взаимодействие, мы сталкиваемся с дополнительными сложностями, поскольку парадоксы могут иметь не только патогенный, но и терапевтический характер. Однако все это ни в коей мере не исчерпывает позитивных сторон парадокса; можно отметить, что многие из наиболее благородных начинаний и великих свершений человечества самым непосредственным образом связаны со способностью человека проживать и переживать различные парадоксы своего существования. Фантазия, игра, юмор, любовь, символизм, религиозные переживания в самом широком смысле (от ритуалов до мистицизма), и, прежде всего, *творчество*, как в искусстве, так и в науке, оказываются в высшей степени парадоксальными.

Однако эти сферы практически необъятны и их рассмотрение неизбежно выходит за рамки, определенные данной книгой, поэтому мы можем лишь вкратце перечислить их и предложить читателю лишь самые общие замечания. Описание теории *игры* и *фантазии*, основанной на положениях теории логических типов (и, соответственно, связанных с ними парадоксов), предложено Бейтсоном в 1954 году. Говоря о своих наблюдениях в зоопарке Сан-Франциско, он рассказывает, что видел двух молодых обезьянок, которые *играли*, то есть, были включены в последовательность взаимодействий, где отдельные действия и сигналы играющих напоминали драку, но на самом деле дракой не являлись. Даже для наблюдателя-человека было очевидно, что их взаимодействие в целом не было дракой, и что сами обезьянки тоже не воспринимали происходящее «как драку».

Этот феномен, а именно феномен *игры*, может иметь место только тогда, когда участвующие в нем существа способны осуществлять коммуникацию на

275

Психологин межличностных коммуникаций метауровне, то есть, обмениваться сигналами, передающими сообщение о том, что «это игра». Следующим шагом будет являться анализ сообщения «это игра» и осознание того, что это сообщение содержит в себе такие элементы, которые неизбежно приводят к возникновению парадокса рассе-ловскоготипа – негативное утверждение, содержащее в себе имплицитное негативное

метаутверждение. В расширенном виде сообщение «это игра» можно представить следующим образом: «Эти действия, в которые мы сейчас вовлечены, означают вовсе не то, что означают сами те действия, которые мы имитируем» (8, р, 41).

Фрай, один из коллег Бейтсона, расширил эту перспективу, включив в нее феномен юмора; он провел обширное исследование множества форм шуток и подвел такой итог своей работе:

Когда мы имеем дело с шуткой, мы внезапно сталкиваемся с тем, что в кульминационный момент имплицитное и эксплицитное значение меняются местами. Именно эта замена отличает юмор от игры, мечтаний и тому подобных явлений. Внезапная смена уровней, характерная для кульминации любой шутки, в игре была бы чужеродной и нарушала бы ее ход. (Только в психотерапии такого рода смена уровней адекватна общей структуре опыта.) Но данная смена уровней дает и еще один уникальный эффект; она вынуждает тех, кто слушает шутку, по-новому определить для себя существующую реальность.

Кульминационный момент шутки неизбежным образом будет представлять собой одновременно коммуникацию и метакоммуникацию: мы получим некое эксплицитное сообщение, кроме того, на более высоком уровне абстракции будет иметь место и имплицитное метасообщение и о самом себе и о той

276

Глава 6. Парадоксы в психотерапии

реальности, которая представлена в шутке... это, ранее имплицитное, а теперь эксплицитное заявление становится метасообщением, касающимся содержания шутки в целом (как примера коммуникации). При таком переключении содержания то, что казалось реальностью, теперь представлено как то, что не соответствует этой реальности. Содержание передает нам сообщение «это не соответствует реальности», тем самым отсылая нас к тому целому, частью которого оно является. И мы снова сталкиваемся с парадоксом негативной части, в которой кроется отрицание целого. Реальное не реально, а нереальное становится реальным. Соль шутки раскрывает внутренний парадокс, специфичный для содержания шутки и порожденный рамками самой ситуации (53, р. 153–154). Наконец, творчество тоже являлось предметом многих глубоких исследований; одна из самых последних работ на эту тему – «Акт творчества» Кёстлера. В этой

фундаментальной работе утверждается, что юмор и научное открытие, так же, как и художественное творчество, являются результатом психического процесса, обозначенного им как *бисоциация*. Бисоциация определяется как «восприятие ситуации или идеи... в двух внутренне согласованных, но считающихся несопоставимыми системах координат...» (87, р. 35). Автор делает акцент на различии между привычным ходом размышлений в одной «плоскости» и творческим актом, который... всегда разворачивается в нескольких плоскостях. Первый тип может быть назван одномерным, второй – двумерным, переходящим состоянием нестабильного равновесия, где баланс эмоций и мышления нарушен (87, р. 35–36). PI хотя в своей книге автор ни разу не обращается к рассмотрению того, носит ли структура бисоциации

277

Психология межличностных коммуникаций парадоксальный характер {то есть, можно ли рассматривать «две внутренне согласованные, но считающиеся несопоставимыми системы координат* как сообщения, осуществляемые на обычном и метауровне), его представления о сущности творчества во многом перекликается с теми нашими идеями, которые мы развиваем в отношении патологии и терапии. Посмотрим, к примеру, один из промежуточных выводов, предложенный Кёстлером в заключительной главе его работы. Одна из основных идей данной книги сводится к тому, что органическая жизнь во всех своих проявлениях, от морфогенеза до символического мышления, определяется «правилами игры», которые делают ее согласованной, упорядоченной и единой, несмотря на все разнообразие форм; эти правила (или функции, если использовать математический термин), независимо от того, являются ли они врожденными или приобретенными, представлены в закодированной форме на различных уровнях – от хромосом до отделов мозга, ответственных за осуществление символического мышления... Эти правила носят фиксированный характер, но вариации каждой игры бесчисленны, и их количество увеличивается в геометрической прогрессии... Существует также и одно, главное правило игры, заключающееся в том, что ни одно правило не имеет окончательной, абсолютной силы; при определенных обстоятельствах они могут быть изменены или преобразованы в более комплексные. Осуществляемая

на их основе игра обеспечивает еще большую согласованность и еще большее единство — тем самым приводя к большей вариативности; все это мы можем определить как потенциал креативности человека (87, р. 631).

Учитывая энциклопедический характер проделанной автором работы, мы можем лишь сожалеть (не делая это объектом нашей критики) о том, что он в своем исследовании ограничился рассмотрением человека как изолированного организма.

278

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экзистенциализм и теория человеческой коммуникации

Не вещи сами по себе тревожат нас, но те мнения, которые есть у нас относительно этих вещей.

Эпиктет (I век и. э.)

7.1

В предыдущих главах мы обращались к рассмотрению человека в системе его социальных связей — в его взаимодействии с другими людьми, и мы увидели, что средством этого взаимодействия является коммуникация. И мы вольны использовать или не использовать теорию коммуникации именно в таком контексте. В любом случае, нам представляется очевидным, что если мы рассматриваем человека только как «социальное животное», мы упускаем из виду всю целостность *экзистенциального* бытия человека, где социальная включенность — лишь один из многих аспектов, хотя важность его от этого нисколько не уменьшается.

И в этой связи возникает вопрос о том, можем ли мы воспользоваться принципами нашей теории прагматики человеческой коммуникации, если фокус нашего рассмотрения переместится от социального бы-

280

Заключение

тия человека к *экзистенциальному*, и если можем, то каким образом и в какой мере, На этот вопрос у нас пока нет ответа; вполне возможно, окончательного ответа на такой вопрос попросту не существует, поскольку в поисках ответа мы неизбежно выходим за пределы научного знания и становимся в высшей степени субъективными. Поскольку человеческая экзистенция не может наблюдаться в том виде, как мы наблюдаем социальные связи человека, мы вынуждены отказаться от объективной, «внешней» позиции, в рамках которой мы пытались удержаться на

протяжении всех шести глав нашей работы. Все дело в том, что на данном этапе рассмотрения нашей проблемы ничего «внешнего» более не существует. Человек не может выйти за пределы тех ограничений, что порождены его собственным сознанием; субъективное и объективное идентичны друг другу, сознание исследует самое себя и любое утверждение, касающееся человеческой экзистенции, скорее всего, будет являть собой пример логической саморефлексивности, которая, как мы увидели, неизбежно приводит к возникновению парадокса.

В определенном смысле эта глава апеллирует не к науке, но к вере, к представлению о том, что между человеком и окружающей его реальностью существует множество широких, сложных и сугубо индивидуальных отношений. И мы хотели бы поразмышлять о том, возможно ли применение некоторых из наших положений при анализе этой сферы, которая нередко упускается из виду в узко психологических теориях личности.

7.2

В биологии, на современном этапе ее развития, является совершенно недопустимым изучение даже самых примитивных организмов в их искусственной изоляции от естественного окружения. Как постули-

201

Психология межличностных коммуникаций
руется, в частности, в общей теории систем (см. п. 4.2), организмы – это открытые системы, которые поддерживают свое устойчивое состояние (стабильность) и даже превращаются в более сложные системы посредством обмена энергией и информации со своим окружением. Если мы осознаем, что для выживания любому организму необходимы не только условия для нормального метаболизма, но и адекватная информация об окружающем мире, мы поймем, что коммуникация и экзистенция неразделимы. И тогда среда субъективно воспринимается как набор инструкций, касающихся существования организма; в этом смысле влияние окружения подобно тому, что продуцирует компьютерная программа. Норберт Винер однажды заметил, что мир можно рассматривать как мириады сообщений, посланных неизвестным адресатам. Однако существует принципиальное различие: если компьютерная программа представлена на том языке, который «понимает» машина, то влияние окружения на организм представляет собой набор инструкций, смысл которых ни в коей мере не является очевидным, они,

скорее, вынуждают организм приложить максимум усилий к их дешифровке. Если мы, помимо вышесказанного, будем учитывать и тот факт, что реакция организма, в свою очередь, влияет на окружение, становится очевидно, что даже на самых примитивных уровнях органической жизни сложные и продолжительные интеракции не являются случайностью, они управляются некой программой, или, если использовать термин экзистенциального направления, *СМЫСЛОМ*.

И тогда, в свете всего изложенного выше, мы можем рассматривать экзистенцию как функцию (а соответствии с определением, предложенным в п. 1.2) отношений между организмом и его средой. На уровне человеческого существования взаимодействие между организмом и средой достигает максимальной сложности. И хотя в современном обществе проблемы биологического выживания отошли на дальний план, и сре-

202

Заклучение

да, в экологическом понимании этого термина, в целом контролируется самим человеком, сообщения среды, которые имеют принципиальное значение и должны быть декодированы, престо поменяли контекст: если раньше они были биологическими, то теперь стали более связаны с психологической реальностью.

7.3

Очевидно, в человеческой природе достаточно глубоко укоренена склонность гипостазировать окружающую реальность, наделять ее каким-то особым смыслом, представлять ее либо как друга, либо как оппонента, с которым необходимо договариваться. Соответствующие идеи мы находим и в классическом исследовании феномена самоубийства, осуществленным Зилбургом.

Представляется, что изначально человек воспринимает жизнь как некоего партнера: болезнь, неудобство любого рода, любое сильное эмоциональное напряжение заставляют его чувствовать, *что жизнь нарушила тот контракт, который был заключен между ними*, так сказать, и в этом случае человек склоняется к тому, чтобы покинуть этого ненадежного партнера. . . . Очевидно, что представление о рае было сформировано человеческой мыслью не в связи с рождением Адама и Евы, но вследствие принятия смерти примитивным человеком, *который предпочитал пойти на смерть, но не предать свои идеалы, касающиеся того,*

какой должна быть жизнь (170, р. 1364–1366; курсив наш).

Жизнь — или реальность, судьба, бог, природа, экзистенция, как бы ее еще ни называли — это партнер, которого мы принимаем или отвергаем, чувствуем себя принятыми или отвергнутыми им; мы ощущаем его поддержку или страдаем от его предатель-

283

. . . * * "

• I "

Психология межличностных коммуникаций
ства. Этому экзистенциальному партнеру, и, возможно, даже в большей степени, чем людям-партнерам, человек раскрывает самое себя, сообщает свое представление о себе самом и затем пытается понять, насколько подтверждается это представление; от этого партнера человек пытается получить какие-то намеки и подсказки относительно того, какова «реальная* природа их отношений.

7.4

Однако что мы в этом случае можем сказать о тех жизненно важных сообщениях, которые человек должен расшифровывать, прикладывая при этом максимум усилий, о тех сообщениях, которые имеют первостепенное значение для обеспечения его выживания как человеческого существа? Давайте снова обратимся к экспериментам Павлова с собаками (см. п. 5.434). Взяв эти исследования за отправную точку, мы попробуем проанализировать специфически человеческий опыт. Мы знаем, что существуют два типа знания: знание о существовании чего-либо и знание о смысле этого существующего. Знание второго типа — это осведомленность о существовании тех предметов¹, которые наблюдаемы нашими органами чувств; именно такое знание Бертран Рассел называл «знанием знакомства», а Лангер — «самым непосредственным и чувственным знанием». Знание такого рода имелось у собаки Павлова, когда она воспринимала круг или овал, это было знание, которое не содержало в себе никакой информации о воспринимаемом. Но в экспериментальной ситуации собака быстро получила и другое знание, касающееся этих двух геометрических фигур, а именно, что они означают соответственно удовольствие и боль, а, следовательно, имеют непосредственное отношение к ее выживанию. Таким образом, если чувственная осведомленность может быть

названа знанием первого порядка, то второй тип знания (знание о смысле

284

Заклучение

предмета) – это знание второго порядка; это знание о знании первого порядка, иными словами, это метазнание. Это деление совершенно аналогично тому, что было предложено нами в п. 1.4, когда речь шла о том, что знать язык и знать что-либо об этом языке – это знания разного уровня).¹ И как только собака понимает, какое значение имеют круг и эллипс для ее выживания, она будет вести себя так, как будто она пришла к такому выводу: «Это мир, в котором мне ничто не угрожает до тех пор, пока я могу отличить круг от эллипса». Однако этот вывод уже не будет выводом второго порядка; он – знание, касающееся знания второго порядка, то есть, знание третьего порядка. Когда мы имеем дело не с собакой, но с человеком, эти процессы – приобретение знания, приписывание окружающему миру смысловых уровней – существенно не изменяются. У взрослого человека знание первого порядка само по себе, вероятно, встречается крайне редко. В этом случае мы могли бы говорить о таком восприятии, на которое никак не влияют и которое никак не объясняют ни прошлый опыт, ни актуальный контекст; неизбежная необъяснимость и непредсказуе-

¹ На протяжении этой книги нам уже предоставлялась возможность отметить тот факт, что уровневая иерархия имеет место и в различных областях нашей жизни, и в нашем восприятии себя самих и окружающих; кроме того, мы неоднократно подчеркивали, что верные суждения о каком-либо уровне могут быть сделаны только на более высоком, по отношению к обсуждаемому, уровне. Эта иерархия была проанализирована нами в отношении нескольких феноменов, а именно;

1) отношение между математикой и метаматематикой (п, 1.5), а также между коммуникацией и метано ммуникацией (пп. 1.5 и 2.3);

2) аспекты содержания и отношения в коммуникации (пп, 2.3 и 3,3);

3) определения себя и других {п. Э.3Э};

4) логико-математические парадоксы и теории логических типов (п. 5.2);

5) теорий уровней языка (п. 5.3);

- 6) прагматические парадоксы, двойное ограничение и парадоксальные предписания (п. 5.4);
- 7) иллюзия альтернатив (п. 6,1);
- 8) игра без конца (п. 6.2);
- Э) терапевтическое двойное ограничение (6.4),

285

Г!'

я

Психология межличностных коммуникаций

мость сделали бы такое восприятие источником постоянной тревоги. Человек никогда не прекращает поиск знания об объектах своего опыта; он всегда стремится понять их смысл для своего существования и реагировать на них в соответствии со своим пониманием. Наконец, из всей совокупности смыслов, которые он определил на основе бесчисленных контактов с объектами окружающего мира, возникает единое, согласованное представление об этом мире, в который он оказался заброшен, и данное знание — уже знание третьего порядка. Существуют веские причины полагать, что само содержание этого знания не так уж важно, главное, чтобы оно обеспечивало осмысленность существования личности. Так, система иллюзорных представлений параноика выполняет свою функцию и служит объяснительным принципом мировосприятия пациента точно так же, как и «нормальное» представление о мире здорового человека.² Что действительно важно, так это то, что че-

² На это замечание можно было бы возразить, что это второе, „здоровое“ представление более, чем первое, адаптировано к реальности. Однако нам следует крайне осторожно подходить к тому, что такое критерий реальности. Нередко здесь имеет место ошибка, связанная с расхожим мнением о том, что существует такая вещь, как „объективная реальность“, и что здоровые люди более осведомлены о ней, нежели психически больные. В целом, такое мнение чрезвычайно напоминает нам аналогичную посылку из геометрии Евклида. В течение двух тысяч лет допущение о том, что аксиомы Евклида верны и полностью отображают пространство, оставалось вне сомнений; однако позже было установлено, что геометрия Евклида — лишь одна из множества геометрий, некоторые из которых могут различаться и даже быть полностью несовместимы друг с другом. Словами Нагеля и Ньюмана, „традиционное убеждение в том, что справедливость геометрических аксиом (и, шире, аксиом любой научной дисциплины) не

требует никаких доказательств, что она очевидна, в действительности, совершенно необоснованно. Более того, постепенно стало очевидно, что дело математика-теоретика – выводишь *теоремы на основе постулированных допущений*, и что это совершенно не его, математика, дело, решать, какие из использованных им аксиом в действительности верны» (10В, р. 11; курсив наш).

286

Заключение

Человек оперирует некоторым набором посылок относительно явлений, которые он воспринимает, и что его взаимодействие с реальностью в самом широком смысле (то есть, не только с другими человеческими существами) будет определяться этими посылками. И насколько мы можем заключить, эти посылки сами по себе результат всего обширнейшего человеческого опыта, и их происхождение едва ли можно достоверно изучить. Однако не может быть никаких сомнений в том, что человек не только расставляет акценты в цепи происходящих с ним и вокруг него событий межличностного характера; те же самые механизмы включены и в постоянный, необходимый человеку процесс оценки и сортировки десятков тысяч сенсорных сообщений, которые каждую секунду человек получает из внешнего и внутреннего мира. Повторим еще раз то, о чем уже шла речь в п. 3.42: реальность – это в значительной степени то, чем мы ее делаем. Философы-экзистенциалисты тоже говорят о существовании такой связи между человеком и его реальностью: по их мнению, человек «вброшен» в непонятный, бесформенный и бессмысленный мир, в рамках которого он сам создает ситуацию своего существования. Таким образом, его специфичный способ «бытия-в-мире» – это результат его выбора, это тот смысл, которым он сам наделяет те явления, которые лежат за пределами объективного человеческого понимания.

7.41

Понятия, сходные или аналогичные тем, что мы назвали посылками третьего уровня, предлагались и другими представителями наук о поведении. Так, в теории научения, уровни научения, соответствующие предложенным нами уровням знания, были независимо определены и исследованы Халлом и его коллегами (66) в 1940 году, Бейтсоном (7, 13) в 1942 и 1960 годах, Харлоу (63) в 1949 году, и это далеко не пол-

Психология межличностных коммуникаций
ный перечень соответствующих работ. Если говорить
вкратце, в этом направлении теории научения
постулируется, что наряду с приобретением знания или
навыка имеет место процесс, делающий это приобретение
все более и более легким. Иными словами, человек не
только научается, но и *научается, как научиться*. Для
обозначения этого научения более высокого порядка
Бейтсон ввел термин «вторичное научение» и описал его
следующим образом:

Используя термины гештальт-теории или теории
антропоморфизма, мы могли бы сказать, что человек
научается ориентироваться в определенных типах
контекстов, у него случается некий «инсайт»
относительно контекста решения проблем. ...Мы можем
сказать, что человек привыкает искать контексты и
цепочки событий того или иного типа, привыкает тем или
иным образом «расставлять акценты» в последовательности
событий и выискивать в них определенный смысл (7, с.
88).

Сходное понятие лежит в основе монументального труда
Келли «Психология личностных конструкторов» (83), хотя
автор и не выделяет никаких уровней, а представляет
рассматриваемую им проблему практически целиком в
терминах интрапсихической, а не интерактивной
психологии. Миллер, Галантер и Прибрам в своей книге
«Планы и структура поведения» (104) утверждают, что
целенаправленное поведение основано на некоем плане,
точно так же, как компьютер выполняет необходимые
действия в соответствии с программой. Их концепция
плана во многом перекликается с нашими идеями,
представленными в этой главе, и, без преувеличения, их
исследование можно назвать одним из самых выдающихся
работ последнего времени, позволяющих нам продвинуться
вперед в понимании поведения. Что касается этой работы,
то в Стенфордском университете под руководст-

208
Заклучение

вом Бейвласа было проведено несколько изящных
экспериментов (хотя заявленная их цель находится за
рамками обсуждаемых нами проблем). Один из этих
экспериментов (169) в особенности заслуживает нашего
внимания. Экспериментальное устройство состояло из
набора кнопок, и испытуемому говорилось, что
определенные кнопки должны быть нажаты в определенном

порядке, и что его задача — выяснить порядок нажатия этих кнопок после нескольких попыток. Ему говорилось, что правильное нажатие кнопок будет сопровождаться звуковым сигналом. Однако в действительности эти кнопки не были подсоединены к какому-либо устройству и звуковой сигнал раздавался независимо от действий испытуемого, но с возрастающей частотой, то есть, относительно редко в начале работы и все чаще и чаще ближе к концу эксперимента. И всякий раз у испытуемого достаточно быстро формировалось то, что мы определили как посылку третьего порядка, и он крайне неохотно отказывался от своего решения даже тогда, когда ему демонстрировали, что его действия были никак не связаны со звуковым сигналом. Итак, мы можем рассматривать это экспериментальное устройство как микромодель вселенной, в которой все мы формулируем наши собственные посылки третьего порядка, наши способы бытия-в-мире.

7.5

Когда мы сравниваем способность человека принять или стерпеть изменения на втором или третьем уровнях знания соответственно, мы сталкиваемся с принципиальным различием. Способность человека адаптироваться к изменениям на втором уровне просто поразительна, ее отмечает всякий, кому довелось наблюдать терпение и стойкость человека в самых мучительных ситуациях. Однако это терпение возможно лишь до тех пор, пока не нарушены посылки третьего порядка относительно самого суще-

10 Психология

289

• "3*

„If·

Психологин межличностных коммуникаций ствования человека и тех смыслов мира, в соответствии с которыми он живет.³ Должно быть, именно это имел в виду Ницше, когда говорил, что тот, у кого есть почему бытия, стерпит почти любое его как. Однако человек, возможно в гораздо большей степени, чем собака Павлова, значительно менее готов к тому, чтобы справляться с несоответствиями, угрожающими его посылкам третьего порядка. Человек не сможет психологически выжить в мире, который не может объяснить, в мире, который не имеет для него смысла. Двойное ограничение, как мы увидели, приводит именно к этому разрушительному результату; но тот же самый результат возможен и тогда,

когда события или обстоятельства лежат за пределами человеческого контроля или воли, Писатели-экзистенциалисты, от Достоевского до Камю, многократно обращались к обсуждению этого вопроса, который столь же стар, сколь и книга Иова. Так, к примеру, Кириллов, персонаж из «Бесов» Достоевского, решил, что бога не существует и, следовательно, жить более незачем. Слушай, – остановился Кириллов, неподвижным, исступленным взглядом смотря пред собой. – Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправ.

* Так, это различие мы можем заметить в письмах (например, 57), написанных заключенными, осужденными нацистами за политические преступления различной тяжести. Те, кто чувствовал, что их действия помогали разрушать ненавистный строй, принимали смерть с мужеством и достоинством. С другой стороны, те, кто был осужден за такие незначительные поступки как прослушивание вражеского радио или пересказ анекдота про Гитлера, пребывали в отчаянии. Их смерть, без сомнения, казалась им нарушением их посылки третьего порядка, гласящей, что любая смерть должна иметь какой-то смысл.

290

Заключение

дывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели даже и Этого, даже чудо свое не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек? (с. 575–576).'

И Достоевский, устами того, к кому был обращен этот вопрос, дает поразительный ответ: «Это другой оборот дела. Мне кажется, у вас тут две разные причины смешались; а это очень неблагонадежно» (с. 576).⁶

Мы убеждены в том, что когда бы ни возникала эта тема, центральное место занимает вопрос о *СМЫСЛЕ*, и этот «смысл» — категория не столько семантическая, сколько экзистенциальная. Отсутствие смысла — это ужас экзистенциального Ничто. Это то субъективное состояние, в котором реальность теряется или пропадает, как и представление о других людях и себе самом. Для Габриэля Марселя «Жизнь — это борьба против Ничто». Прошло уже более ста лет с того момента, как Кьеркегор написал: «Я хочу пойти в сумасшедший дом и посмотреть, не поможет ли мне глубина сумасшествия решить загадку жизни». В этом смысле, позиция человека, находящегося визави со своим таинственным партнером, мало чем отличается от той ситуации, в которой находится соба-

⁵ Цит. по Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах.

Т. 7. Бесы. Л. Наука, 1990.

^s Цит. по Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 тонах.

Т. 7. Бесы. Л. Наука, 1990.

291

; * .

Г

"7

l-I'

Психологин межличностных коммуникаций
ка Павлова. Собака быстро научается тому, каков *СМЫСЛ* круга и эллипса, и ее мир рушится в тот момент, когда экспериментатор внезапно опровергает этот смысл. Если мы проанализируем наш субъективный опыт пребывания в аналогичных ситуациях, мы обнаружим, что склонны искать некоего скрытого «экспериментатора», стоящего за всеми превратностями нашей судьбы. Потеря или отсутствие смысла жизни, вероятно, самый распространенный общий знаменатель всех форм эмоциональных расстройств, и в особенности столь широко обсуждаемых ныне «современных» болезней. Боль, болезнь, потеря, неудачи, отчаяние, разочарование, страх смерти или просто скука — все это приводит к ощущению бессмысленности жизни. Нам кажется, что в самом общем виде, экзистенциальное отчаяние — это болезненное расхождение между тем, что есть, и тем, что должно быть, между восприятием и посылками третьего порядка.

7.6

У нас нет оснований говорить о том, что в человеческом восприятии реальности можно выделить только три уровня абстракции. По крайней мере, теоретически этих уровней бесчисленное количество. И посему, если человек хочет изменить имеющиеся у него послылки третьего уровня, что, по нашему мнению, является основополагающей задачей психотерапии, он может сделать это только с позиции четвертого уровня. Однако мы сомневаемся в том, что человеческое сознание способно справиться с более высокими уровнями абстракции без помощи математических символов или компьютера. Важно отдавать себе отчет в том, что на четвертом уровне возможны лишь проблески понимания, и что любые формулировки крайне затруднительны, если вообще возможны. Читатель, возможно, помнит, как сложно было передать смысл «класса всех классов, которые не

292

Заключение

являются составной частью самих себя» (см. п. 5.2), который по своей сложности приближается к тому, что свойственен для посылок третьего порядка. Или, к примеру, если мы еще можем понять смысл фразы «Это то, как я понимаю, как ты понимаешь, как я тебя понимаю» (см. п. 3.34), следующий (четвертый) уровень в этой иерархии («Это то, как я понимаю, как ты понимаешь, как я понимаю, как ты меня понимаешь») уже фактически находится за пределами нашего понимания.

Давайте еще раз повторим этот важный вывод:

коммуникация или даже размышления о послылках третьего порядка возможны только с позиции четвертого уровня. Однако этот четвертый уровень уже находится на грани возможностей человеческого сознания и знания об этом уровне чрезвычайно редки, если вообще имеют место. Нам представляется, что познание этой сферы осуществляется посредством интуиции и эмпатии, оно представляет собой «ага*-опыт, возможно, ее удастся постичь с помощью ЛСД или аналогичных наркотиков, и, конечно же, именно в этой сфере осуществляются терапевтические изменения, такие изменения, относительно которых, в случае успешной терапии, мы не можем точно сказать, как и почему они произошли и в чем их сущность. Психотерапия связана именно с этими послылками третьего уровня, с их модификацией. Однако для того, чтобы изменить послылки такого уровня, чтобы осознать паттерны своего поведения и паттерны окружающей среды, необходимо перейти на

следующий, четвертый уровень. Только находясь на этом уровне можно увидеть, что реальность не является чем-то объективным, неизменным, способствующим либо препятствующим нашему выживанию; только там можно понять, что на самом деле реальность — это наш субъективный опыт существования. Реальность — это то, что мы сами строим из того, что, по всей вероятности, находится всецело за пределами человеческого сознания.

293

""*

.Л

Bit*

"М

Психология межличностных коммуникаций

7.61

Иерархии, подобные тем, что мы сейчас анализируем, были наиболее полно изучены в рамках одного из направлений современной математики, во многом схожего с нашим исследованием, если не считать того факта, что математики осуществляют это с такой последовательностью и таким упорством, которых мы даже не надеемся достичь. Это направление — теория доказательств, или метаматематика. Как указывает этот термин, данная сфера математики анализирует саму себя, то есть, те законы, что лежат в основе самой математики, кроме того, это направление исследует то, насколько согласованным является математическое знание в целом. А посему неудивительно, что по сути те же самые парадоксы были обнаружены и разработаны специалистами-математиками задолго до того, как ученые, занимающиеся анализом человеческой коммуникации, узнали об их существовании. Фактически, разработки в этой области берут начало с исследований Шредера (1895), Лёвенхайма (1915), и особенно Гильберта (1918). Теория доказательства, или метаматематика, занимала в те годы склонные к абстрагированию умы блестящих, хотя и маленьких групп ученых, стоящих вне основного направления математических изысканий. По всей вероятности, мы можем выделить два события, привлечших в свое время внимание к теории доказательства. Одно из них — это опубликование в 1931 году эпохальной работы Гёделя, касавшейся формально нерешаемых теорем (56); Гарвардский университет назвал эту работу самым важным достижением математической логики второй четверти века (108). Второе — взрыв интереса к компьютерным

технологиям, произошедший после Второй мировой войны. Если вначале эти машины были жестко запрограммированными примитивными аппаратами, то уже вскоре они превратились в многофункциональные искусственные организмы, появление которых

294
Заключение

породило фундаментальные проблемы теоретического доказательства, поскольку их структура стала настолько сложной, что они могли принимать самостоятельные решения, касающиеся выбора оптимальной процедуры расчета из нескольких возможных. Иными словами, возник вопрос о том, можно ли создать такие компьютеры, которые бы не только выполняли ту или иную программу, но в то же время могли бы вносить в эту программу необходимые изменения.

В теории доказательств существует термин «про-цедура решения», которым принято обозначать методы поиска доказательств истинности или ложности того или иного суждения или целого класса суждений в рамках данной формальной системы. Связанный с ним термин «проблема решения» обозначает то, существует ли в принципе соответствующая процедура. Таким образом, проблема решения может быть решена позитивно, если для ее решения может быть найдена процедура решения, если же такой процедуры решения не существует, то будет иметь место негативное решение. Соответственно, проблемы решения подразделяются на решаемые и нерешаемые.

Существует, однако, и третья возможность. Определенное (позитивное либо негативное) решение проблемы решения возможно лишь тогда, когда исследуемая проблема находится в рамках области (сферы применения) данной процедуры решения. Если эта процедура решения применяется к проблеме, лежащей вне данной области, подсчеты будут продолжаться бесконечно долго и не приведут ни к позитивному, ни к негативному выводу.⁸ И здесь мы снова имеем дело с понятием нерешаемости.

^β Здесь мы сталкиваемся с так называемой *проблемой сбоя* в процедурах решения; и ее можно рассматривать как убедительную аналогию предложенной вами игры без конца в человеческой коммуникации (см. п. 7.2).

295

•1

Психология межличностных коммуникаций

7.62

Это понятие является ключевым положением уже упоминавшейся нами выше работы Гёделя, в которой рассматривались формально нерешаемые теоремы. Выбранная им для своей теоремы формальная система — это «Начала математики» Уайтхеда и Рассела, в которой анализируются основы математического знания. Гёделю удалось показать, что в этой или любой другой аналогичной системе возможно сконструировать предложение G , которое: 1) будет доказуемо на основе посылок и аксиом данной системы, но 2) само по себе будет свидетельствовать о своей недоказуемости. Это означает, что если G доказуемо в данной системе, его недоказуемость (декларируемая в самом утверждении) также будет доказуема. Но в том случае, если и доказуемость, и недоказуемость выводятся из аксиом данной системы, и эти аксиомы не противоречат друг другу (что является частью доказательства Гёделя), то в данной системе G нерешаемо, точно так же, как и парадокс, представленный нами в п. 5.441, нерешаем в рамках той «системы* — информации, содержащейся в сообщении преподавателя, и контекста, в котором она была передана.⁷ Доказательство Гёделя имеет ряд следствий, которые можно распространить далеко за пределы математической логики; его теорема доказывает, что любая формальная система (математическая, символическая и т. д.) неизбежно будет несовершенной в описанном выше смысле, и, следовательно, согласованность такой системы может быть доказана только в том случае, если

⁷ Читатель, заинтересовавшийся этой проблемой, может обратиться к блестящему нематематическому представлению доказательства Гёделя, предложенному в работе Нагеля и Ньомана (108). Насколько нам известно, сходство между теоремой Гёделя и парадоксальными предсказаниями было впервые отмечено Не р лихом (111), и мы уверены, что этот парадокс — наиболее изящная нематематическая аналогия данной теоремы, лучшая, возможно, чем нечисловой подход Финдлея (44).

206

Заключение

будут использованы методы доказательства более общие, чем те, что может предложить сама эта система.

7.63

Мы так подробно рассмотрели теорию Гёделя потому, что в этой математической аналогии мы видим то, что можно было бы назвать главным парадоксом человеческого

существования. В конечном счете, человек является и субъектом и объектом своего поиска. И хотя вопрос о том, можно ли рассматривать человеческое сознание по аналогии с формальной системой, в том значении, как оно описано в предыдущем параграфе, по всей вероятности, ответа не имеет, его стремление к поиску и пониманию смысла своего существования — это попытка формализации. Как нам кажется, в этом и только в этом значении некоторые выводы теории доказательства релевантны нашему исследованию. Это ни в коей мере не является нашим открытием; на самом деле, за десять лет до опубликования блестящей теоремы Гёделя другой выдающийся ум нашего века — Людвиг Витгенштейн — уже сформулировал этот парадокс в своей работе «Логико-философский трактат» (168). Витгенштейн показал, что мы сможем узнать что-то о всей целостности мира лишь в том случае, если выйдем за его пределы. Однако если бы это было возможно, этот мир уже не был бы *целым* миром. Наша логика не знает ничего за его пределами.

Логика заполняет мир: границы мира суть и ее границы. Стало быть, в логике нельзя сказать: в мире имеется это и это, а того в нем нет. Это предполагало бы, что мы исключаем какие-то возможности, а такого быть не может: ведь в противном случае логика должна была бы выйти за пределы мира, если бы эти границы поддавались рассмотрению лишь извне.

297

"ч .

Психология межличностных коммуникаций

Мы не можем мыслить то, что мыслить не в наших силах; значит, то, что мы не в силах мыслить, мы не в состоянии и сказать (с. 56).^в

Тогда этот мир конечен и в то же время не имеет конца; он не имеет конца именно потому, что за его пределами нет ничего, что в совокупности с тем, что находится внутри него, создавало бы его границу. Ко если бы это было так, отсюда следовало бы, что «Мир и Жизнь суть едины. Я есть мой мир» (с. 56). Человек и мир являются целостностями, чьи отношения определяются не глаголом «иметь» (одно имеет другое, содержит его в себе или принадлежит к нему), но глаголом «быть»: «Субъект не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира» (с. 56; курсив наш).

И в этих рамках можно задать осмысленный вопрос и ответить на него: «Если вопрос вообще может быть

поставлен, то на него можно и ответить» (с. 72). Однако «постижение тайны жизни в пространстве и времени лежит вне пространства и времени» (с. 72). Поскольку, как уже должно быть совершенно ясно, находясь *внутри* определенных рамок, мы не можем ни утверждать что-либо, ни даже задавать вопросы относительно этих рамок. И решение заключается не в том, чтобы найти ответ на загадку существования, но в том, чтобы понять, что этой загадки не существует. И в этом сущность прекрасных, почти дзен-буддистских завершающих строк «Трактата». Для ответа, который невозможно высказать, нельзя также высказать и вопрос. *Тайны* не существует...

Мы чувствуем, что, если бы даже были получены ответы на все возможные научные вопросы, наши жизненные проблемы не были бы затронуты этим.

¹ Здесь и далее цит. по: Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994.

298

Заключение

Тогда, конечно, уж не осталось бы вопросов, но и это было бы определенным ответом.

Решение жизненной проблемы мы замечаем по исчезновению этой проблемы. (Не потому ли те, кому после долгих сомнений стал ясен смысл жизни, все же не в состоянии сказать, в чем состоит этот смысл.)

В самом деле, существует невысказываемое. Оно показывает себя, это — мистическое...

О чем невозможно говорить, о том следует молчать (с. 72–73).

Пол Вацлавик, Дженет **Бивин**, Дон **Джексон**

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

ЛР № 000364 от 29 декабря 1999 г.

Подписано в печать 09.08.2000.

Формат 60x90'/ Объем 10 псч. Л. Тираж 3000 экз. Заказ № 794.

Издательство «Речь». 199004, Санкт-Петербург, В. О., 3-я линия, д. 6 (лит. «А»).

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный двор» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания

и средств массовых коммуникаций. 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.